

ҚЫРҒЫЗ АКАДЕМИЯСЫ АНАУКАҒА АКАДЕМИЯ
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Д. Гулиа иһз ахыу Аҗсн. абызһеи, алиһературеи, аҗоурыхи ринститут
აფხაზეთის დ. გულიას სახელობის ენის, ლიტერატურისა და ისტორიის ინსტიტუტი
Абхазский институт языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа

АҗснЫТӘИ АРХЬЕОЛОГЬИАТӘ МАТЕРИАЛҚУА

აფხაზეთის არქეოლოგიის მასალები

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ
АБХАЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЕЦНИЕРЕБА“
ТБИЛИСИ — 1967

63.4(5A8x)
M 34
C 55

ҚЫРҒЫЗ ССР АНАУКАҒА АКАДЕМИА
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Д. Гулиа ихъ зху Аҧснытәи
абыз шәеи, алитературеи, аҭоурыхи
ринститут

ავხაზეთის დ. გულიას სახელობის
ენის, ლიტერატურისა და ისტორიის
ინსტიტუტი

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. Д. И. ГУЛИА

1739 849

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ А Б Х А З И И

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»

Тбилиси
1967

БИБЛИОТЕКА
АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

902.6(47.922.4)
902.6(C41)
М341

В сборник вошли исследования, освещающие, по новым археологическим материалам, ряд важных вопросов истории древней и средневековой Абхазии. Статьи основаны на материалах археологических раскопок, проводившихся самими авторами. Они иллюстрированы photographиями, чертежами и рисунками. Сборник рассчитан для научных работников, преподавателей истории и подготовленных читателей, интересующихся древней и средневековой историей Абхазии.

ТО АРХЕОЛОГИИ

Н Н Э А Х

Редактор М. М. Трапш.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕДИЦИНА»

ЛЕНИНГР.
1967

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА: НИЖНЕ-ШИЛОВСКОЕ И КИСТРИК

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Прежде чем приступить к описанию обществ, живших на побережье Абхазии в эпоху неолита, следует коснуться их природного окружения¹, тем более, что последнее существенно отличалось от современной обстановки. Основным событием, определившим многие черты природного окружения того времени, была так называемая черноморская трансгрессия — движение моря на сушу, вызванное разными причинами.

Предпосылкой черноморской трансгрессии, если оставить пока в стороне некоторые спорные вопросы, было таяние и значительное сокращение лежащих у полюсов земли ледяных шапок; вследствие этого уровень мирового океана значительно повысился, что в свою очередь вызвало повышение вод внутриматериковых морей. Воды Средиземного моря через Босфорский пролив стали снова вливаться в Черное море, осолонив его. Вновь образовавшийся бассейн получил название древне-черноморского; жившая в нем фауна моллюсков мало отличается от современной.

Черноморская трансгрессия, перекрыв береговую линию Новоевксинского озера-моря слоем воды в несколько десятков метров, существенным образом изменила вид берегов Кавказа. Расширенные устьевые части рек превратились в глубокие заливы, а находящиеся между реками возвышенные части берега образовали мысы. Такой «омоложенный» берег, изрезанный глубокими заливами, называется берегом риасового типа. Времени существования в устьях рек Черноморского побережья Кавказа таких заливов-бухт можно было бы дать название «бухтовой фазы».

Дальнейший обычный путь развития берегов горной страны связан с регрессией моря. Он начинается срезанием оконечностей мысов, причем действующей силой являются морские течения, особенно те из них, которые создаются у поверхности морских вод под действием господствующих ветров. Обрушивая на берег волны, они вызывают так называемую «абразию» — разрушение берега морем путем подтачивания обрывов. Одновременно реки в глубине заливов начинают строить из своих наносов низменную сушу. У берегов открытого моря начинает образовываться мелководная терраса и формироваться галечный пляж, по которому протягиваются первые слабые потоки береговых наносов. Направление этих потоков на побережье Кавказа также, как и теперь, шло с северо-запада на юго-восток, что зависело от направления упомянутых выше господствующих ветров, гонящих в этом направлении волны, а следовательно, и морскую гальку пляжа. Достигая оконечности мыса, этот поток терял свою емкость, откладывая излишний галечно-гравий-

¹ Раздел «Природные условия» написан геологом Б. Л. Соловьевым.

ный материал на дне моря по линии, пересекающей выход из бухты. При наличии мелководья в заливе или при условии существующей тенденции к поднятию берега поперек бухты создавался песчаный бар, который постепенно выходил на поверхность воды и отшнуровывал бухту от моря². Таким образом открытая бухта в устьи реки превращалась со временем в лиман, затем, когда сообщение с морем совсем прекращалось, становилась лагуной. По имеющимся наблюдениям³, эти изменения береговой линии наблюдаются на многих участках Черноморского побережья Кавказа. Археологическими работами удалось в ряде случаев доказать, что они происходили на этих участках одновременно. Поэтому мы имеем основание выделить в пределах одной трансгрессии «лиманную» и «лагунную» фазы преобразования береговой линии Черноморского побережья С.-З. Кавказа. Характерным прибрежным отложением лагунной фазы являются серые, синевато-серые или зеленовато-серые илистые глины, отлагавшиеся в спокойных водах лагуны и обязанные своим происхождением мутным ливневым водам, выносимым реками и временными потоками в лагуну.

Следующая фаза развития морского берега, приходящаяся на время регрессии моря, заключается в постепенном заполнении лагуны песчано-глинистыми и гравийными выносами рек и песком, перебрасываемым через бар морскими волнами, а также зарастанием дна бывшей лагуны осокой, камышом и кустарником. Отмирая, они создают слой торфа. Постепенно зеркало вод лагуны сокращается, и она превращается в болотистую низменность, носящую название «марш», «маршевая низменность».

Если вспомнить, что на протяжении всех перечисленных трех фаз море продолжало срезать мысы в междуречьях, станет ясно, что по мере дальнейшей нивелировки морской берег опять должен вернуться к тому выравненному типу, который он имел до наступления трансгрессии. Можно было бы сказать, что он опять достиг стадии зрелости, а потом и старости.

Следует оговориться, что изображенная здесь последовательность не на всех участках побережья достаточно хорошо выражена. Существуют и другие факторы преобразования береговой линии. Из них весьма важная — образование в устьях рек соединенным действием реки и моря дельт, нередко превращающих значительные участки моря в лагуны; по-видимому, они возникают в ряде случаев независимо от трансгрессий и регрессий моря и нарушают указанную выше закономерность.

Изучение прибрежных отложений северных берегов Черного моря, проведенное в последние годы рядом исследователей, позволило Е. Н. Невесскому и Л. А. Невесской утверждать, что Черноморская трансгрессия происходила неравномерно; они отмечают три ускорения: Бугазское, Витязевское и Каламитское. Каждое ускорение сопровождалось «омоложением» береговой линии, т. е. образованием бухт и мысов. Промежутки между ними⁴ сопровождались срезанием мысов и образованием в мелководной зоне различных аккумулятивных песчано-галечных образований: баров, кос, отмелей и пр. При общей тенденции к повышению уровня моря аккумулятивные формы каждого предыдущего замедления (регрессии) перекрывались слоем воды последующего ускоре-

² В. П. Зенкевич. Берега Черного и Азовского морей. М., 1958, стр. 30 и 37.

³ А. А. Садовский. География доисторической Колхиды. Тезисы сессии Груз. филиала АН СССР, Тбилиси, 1940, стр. 32.

⁴ По П. В. Федорову — Небольшие регрессии моря.

ния (трансгрессии). Таким образом, описанная выше смена фаз: лиманная — лагунная — маршевая повторялась и во время Бугазского и во время Витязевского ускорения; третий цикл, Каламитский, по-видимому, нельзя считать законченным.

Для исследования жизни человеческого общества интересующей нас эпохи изучение развития природных факторов и, в частности, только что описанного процесса преобразования береговой линии Кавказского побережья, совершенно необходимо, так как подкрепляет периодизацию, основанную на фактах собственного развития этих обществ, другой серией фактов геологического и палеогеографического порядка.

Климатические условия времени первого этапа черноморской трансгрессии были благоприятнее времени предшествующего Ново-Евксинского бассейна, если учесть, что сама черноморская трансгрессия была вызвана наступлением климатического оптимума, вызвавшего таяние льдов. Для значительной части Европы это был конец теплого и сухого бореального периода и начало в дальнейшем довольно теплого и влажного атлантического периода.

Растительный мир того времени мало отличался от современного. Как известно, в зоне влажных субтропиков он отличается особым богатством, а доставляемые им съедобные продукты можно собирать в течение значительной части года. К известным в средней полосе Восточно-Европейской равнины плодовым растениям здесь добавляется ряд других важных источников питания, например: водяной орех, лавровишня, молодые побеги лианы-сасапариллы (*Smilax excelsa*), кизил, мушмула, ажина, облепиха, дикий виноград, грецкий орех, буковые орешки, плоды тиса, плоды съедобного каштана и некоторые другие растения. В Абхазии сейчас растет 65 видов дикорастущих плодовых древесных пород, составляющих более половины видов деревьев и около половины видов кустарников флоры Абхазии⁵.

Некоторые деревья имели хорошие поделочные свойства: например, лещина и кизил давали ровные палки для изготовления копий и дротиков. Наконечники стрел и копий могли изготавливаться из самшита, древесина которого отличается большой тяжестью и твердостью. Быть может, этим объясняется почти полное отсутствие наконечников стрел из кремня среди археологических находок, сделанных в прибрежной части Абхазии. Липовая кора и добываемое из нее лыко и мочало служили не только для плетения всякого рода мешков, но и для одежды. Гибкие ветви ивы и лиан шли на изготовление корзин. Посуда могла выдалбливаться из мягкой древесины ольхи и липы. Материалом для перекрытия хижин служили камыш, ситник, папоротник; зола последнего служила хорошим абразивным материалом для окончательной шлифовки каменных орудий.

Вероятно, уже в ту пору использовались знахарями и лекарями лекарственные травы, которых во флоре Абхазии насчитывается около 550 видов⁶.

Животный мир тогда мало отличался от современного по числу видов и значительно превосходил по числу особей. К списку современных млекопитающих надо присоединить лишь истребленных человеком кавказского зубра, лося, дикую лошадь, бобра. Из птиц к обычным для

⁵ А. В. Васильев. Дикорастущие плодовые и пищевые древесные породы Абхазии. Тезисы выездной сессии Грузинского филиала АН СССР в г. Сухуми. Тбилиси, 1940.

⁶ В. С. Яброва. Дикорастущие лекарственные растения Гудаутского района. Тезисы выездной сессии Грузинского филиала АН СССР в г. Сухуми. Тбилиси, 1940.

Восточной Европы видам надо прибавить горную куропатку, фазана и некоторых других. Во время весеннего и осеннего перелета птиц бухты и лагуны края были полны водоплавающей дичью, а начавшая образовываться в то время приморская низменность открыла широкую дорогу для сезонных переселений перепелок.

О рыбных богатствах рек, озер и лагун не приходится и говорить. Самой удачливой была охота на лосося в осенние месяцы, когда косяки этой рыбы заходили в холодные воды горных речек для метания икры.

ПЕРВЫЕ ШАГИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Обзор природных условий говорит о том, что в послеледниковую эпоху и особенно с наступлением климатического оптимума, вызвавшего океаническую, а затем Средиземноморскую и Черноморскую трансгрессию, на Черноморском побережье Кавказа создались чрезвычайно благоприятные условия, обеспечившие, наряду с другими обстоятельствами, большие успехи в развитии обитавшего здесь населения. Среди этих «других обстоятельств» немаловажную роль играло географическое положение Абхазского побережья, лежащего, как это выяснилось в последние годы, на достаточно уже проторенном пути, идущем из Передней Азии через Кавказский перешеек в равнины Восточной Европы. Установленная новейшими исследованиями весьма ранняя датировка появления неолитических форм хозяйства и техники с зачатками городской жизни в Малой Азии ставит законно вопрос о возможности некоторых заимствований оттуда, о более раннем появлении неолитического общества на Черноморском побережье Кавказа по сравнению с Северным Причерноморьем и Крымом. Встает естественно вопрос и о том, является ли неолит Абхазии местным по происхождению или он заимствован путем проникновения на Кавказ соответствующих форм изделий из стран Ближнего Востока или даже принесен вместе с новыми формами хозяйства какими-то переселенцами чуждой этнической принадлежности.

Хронологические вопросы нами будут обсуждены в конце этой статьи, что же касается вопроса о местном или заимствованном характере неолита, исчерпывающий, по нашему мнению, ответ дали наши раскопки 1940, 1960 — 62 гг. в гроте Хупынипшахва на р. Кодори. Материалы об этой стоянке ждут своей монографической публикации, но здесь нужно сказать о ней несколько слов. Потому что, несмотря на мезолитический в общем ее характер, она не может идти в сравнение, например, с типичными для мезолита пещерными стоянками Крыма. Охотничья специфика последних не ушла далеко от палеолита. В гроте Хупынипшахва это можно сказать лишь, рассматривая кремневый инвентарь. Но здесь уже в самом нижнем слое, относящемся к эпохе последнего оледенения, можно отметить решительный поворот от употребления одного лишь кремня в качестве материала для изделий к обработке орудий из сланца и других пород камня. Этот переход не случаен; очевидно, для вновь возникших потребностей усложненного собирательства, охоты и рыболовства требовались крупные и тяжелые деревообделочные и землекопные орудия для устройства ловчих ям, ловушек, запоней и пр. — орудия, которые нельзя получить из кремня, но легко изготовить из имеющихся под рукой, в русле р. Кодори, галек разных пород и форм. Начиная со среднего слоя, видно, что основой хозяйства делается, наряду с охотой и собирательством, рыболовство, точнее, охота на лосося

при помощи костяных гарпунов, десятки которых, целых и в обломках, встречены преимущественно в верхнем слое. Наконец, в верхнем слое Б, где замечается некоторая деградация кремневой техники, сланцевый инвентарь дифференцируется, указывая на появление новых потребностей; налицо первые подшлифовки лезвий примитивных топоров и долот из сланца, попытка выдалбливания в камне углублений для изготовления светильников, выработки отверстий в небольших гальках для ношения в качестве амулетов. Здесь появляется впервые прообраз позднейших зернотерок: круглые и овальные «нижние» камни, а в качестве «верхнего» камня — терочки (песты) круглой формы, а чаще сегментобразные и треугольные, полученные расколом плоской гальки. Наконец, употребление сланцевых и костяных мотыг позволяет сделать предположение, что это общество уже стояло на грани земледелия.

Все эти характерные изменения, прослеживающиеся от слоя к слою, указывают на зарождение в недрах мезолитического общества неолитических форм хозяйства. Они не оставляют сомнения, что на территории Абхазии неолит имеет глубокие местные корни; на примере более поздних, уже подлинно неолитических, стоянок мы убеждаемся, что весь трудный и длительный путь от мезолита к новому каменному веку — неолиту был пройден местным населением самостоятельно, хотя некоторые находки и указывают, что это общество не было изолировано от соседей. В верхнем слое были найдены просверленные ракушки сухопутных и морских моллюсков, доставленных с побережья моря; во всех слоях стоянки, в нарастающем снизу вверх количестве встречались отщепы и орудия из вулканического стекла — обсидиана, который отсутствует в Абхазии и ближе всего встречается на Северном Кавказе у подошвы г. Эльбруса, а на юге в верхнем течении р. Куры.

Верхний слой грота Хупынипшахва можно было бы с одинаковым правом характеризовать как прогрессирующий, усложненный мезолит и как бескерамический неолит. Он служит отправным пунктом для изучения неолитической стадии на Черноморском побережье Кавказа, поскольку все известные до сих пор неолитические стоянки этого района сохраняют в своем инвентаре ясную преемственность с инвентарем грота Хупынипшахва и недалеко ушли от него в отношении новых отраслей хозяйства. Все же можно предполагать, что наиболее известные из этих стоянок — Нижне-Шиловская и Кистрик — отделены от грота Хупынипшахва какими-то еще не открытыми памятниками неолитической культуры.

СТРАТИГРАФИЯ НИЖНЕ-ШИЛОВСКОЙ СТОЯНКИ

Нижне-Шиловская стоянка находится на правом западном берегу р. Псоу, являющейся границей между Абхазией и Краснодарским краем, в 4 километрах от берега моря. Долина имеет пологие склоны, как бы погруженные под отложения весьма широкой поймы, заходящей в долины притоков и балок, благодаря чему она имеет лопастные очертания. Такое же явление наблюдается и в других реках района, указывая, что на одном из этапов Черноморской трансгрессии (вероятно, на Витязевском) море проникало глубоко в долины рек, образуя здесь бухты и лиманы. Среди поймы река образует меандры; в данном месте она уже давно подмывает свой правый берег, постепенно уничтожая обширную когда-то пойму высокого уровня, высотой около 3 м; на левом берегу она оставляет современную пойму, высотой около 1,5 м, имею-

щую в основании галечные накопления современного русла реки. Интересно, что в разрезе поймы высокого уровня мы не видим подобного галечника. Очевидно, он находится сейчас значительно ниже уреза воды. В правом берегу и в русле реки обнажается ряд перекрывающих друг друга суглинков и погребенных почв, каждая из которых в свое время служила поверхностью поймы. Это имеет место и в других реках района, свидетельствуя о длительном процессе опускания всего этого района, получившего у геологов название «Адлерской депрессии».

У с. Н. Шиловка р. Псоу принимает справа приток — ручей Гумарея, имеющий широкую и короткую блюдцеобразную долину с широкой поймой, которая также в свое время могла быть частью морского залива. Возвышенный мыс между р. Гумареей и р. Псоу представляет останец 10-метровой позднекарангатской террасы. На конце мыса, у самой бровки террасы, расположена стоянка. Культурный слой залегает частично на размытом склоне террасы, но главным образом в накоплении делювия у ее подошвы.

Первые сведения о стоянке были нами получены осенью 1952 года от преподавателя географии школы № 38 Адлерского овощного совхоза Н. И. Гумилевского. При этой школе он организовал активную группу юных краеведов; во время одного из походов ребята натолкнулись на эту стоянку, уже в значительной степени размытую рекой. Река ежегодно уничтожала большие участки стоянки, необходимо было спасти оставшиеся участки, и ребята горячо откликнулись на наше предложение приступить к раскопкам. В течение воскресных дней ноября и декабря 1952 года и января 1953 года под руководством автора и Н. И. Гумилевского школьный краеведческий кружок провел раскопку, представив весь собранный материал Кавказскому карстово-спелеологическому стационару при Крымском филиале АН СССР. В 1957 году мы показали коллекцию орудий из раскопок Н. Шиловской стоянки А. Д. Столяру и А. А. Формозову, и они в том же году произвели там дополнительные раскопки, опубликовав ряд предварительных сведений о ней.

Перед началом раскопок 1952 года мы тщательно изучили разрез берега, где был обнаружен культурный слой. Расчистка показала, что здесь река сечет в поперечном направлении кювет какого-то водотока, днище которого заполнено галькой. В этом галечнике имеются выемки (возможно, искусственные), которые вмещают линзы культурного слоя. Таких линз оказалось две. Одна из них — северная — примыкает к подошве 10-метровой террасы, расположена на 2 метра выше воды, имеет в направлении с севера на юг ширину около 5—6 метров. Другая — южная линза — расположена ниже по течению реки, отделяется от первой расстоянием в 4—5 метров и имеет ширину с севера на юг 8 метров. Подошва культурного слоя здесь доходит местами до уреза воды. Характер этого водоема было трудно определить без больших раскопок, но эту работу произвела сама р. Псоу, энергично наступавшая на свой правый берег. Благодаря тому, что нами были сделаны тщательные зарисовки и фотографии данного участка правого берега в 1952, 1953, 1954 и 1955 годах, постепенно пришлось отвергнуть предположение, что здесь мы имеем участок старого русла р. Псоу или русло р. Гумареи. Сравнение этих четырех поперечных разрезов показало, что по мере продвижения реки на 8 метров, вплотную к домику гражданина Алексева (где она была остановлена устройством каменной дамбы по нашему ходатайству перед Адлерским райисполкомом) тальвег расширился с 14 до 24 метров, считая расстояние от подошвы одного берегового склона до подошвы другого. К 1958 году ширина равнялась уже 30 метрам. Во-

вторых, выяснилось значительное увеличение глубины вреза в коренные породы (плотные третичные глины) в сторону берега в западном направлении. Культурный слой обеих линз соответственно занял более низкое положение в последнем из указанных разрезов; при этом выяснилось, что обе линзы являются присклоновыми частями одного культурного слоя. В середине, в самой глубокой части тальвега, культурный слой, прогибаясь, уходит ниже уреза воды не менее, чем на 1,5 метра. Далее выяснилось, что в чертежах 1952 — 54 гг. культурный слой лежит на галечнике делювиального происхождения, выполняющем тальвег, а в чертеже 1955 года непосредственно на третичной глине. Все эти наблюдения позволяют с полной уверенностью сказать, что здесь р. Псоу, в течение длительного времени отступавшая к своему правому берегу, вскрыла верховье короткой, быстрорасширяющейся балки, впадающей в р. Гумарею, в направлении которой быстро углубляется тальвег. В связи с этим у нас возникает предположение, что уже в то далекое время р. Псоу отрезала верховье балки, основную часть ее водосбора, и по этой причине балка во время дождей оставалась сравнительно сухой. Это и создало благоприятную обстановку для ее заселения. Люди пользовались балкой как укрытием от ветра и построили свое жилище на правом, обращенном к югу, склоне балки. Следы этого жилища были вскрыты раскопкой, о чем будет сказано ниже. Мусор сбрасывался на дно балки; здесь культурный слой оказался менее богатым находками, но переполненным галькой.

Нашими раскопками была вскрыта небольшая площадь около 20 метров в северной части тальвега (раскоп № 1) и около 6 метров в южной части (раскоп № 2), т. е. изучены частично обе линзы культурного слоя. По обилию находок и их характеру сразу было видно, что основное жилище находилось у подошвы северного склона тальвега. Здесь была разбита сетка метровых квадратов, вытянутая вдоль берегового обрыва. Она имела в ширину 4 метра, в длину 5 метров и примыкала на севере узким концом к склону 10-метровой террасы.

В этом северном конце уже в начале раскопок выяснилось интересное обстоятельство: черный культурный слой залегал на дне выемки, искусственно врезанной в подошву 10-метровой террасы. Эта задняя стенка, почти вертикальная, была прослежена вглубь берега по всей ширине раскопки. Ее наличие позволяет думать о существовании здесь жилища, имевшего вид полуземлянки, врезанной в склон. Пол жилища был врезан в галечный делювий, местами в покрывавшую его желтую пластичную глину террасы, и имел заметную покатость на Ю.-З., т. е. в сторону общего падения балки.

По всей вероятности, жилище представляло собой подобие полки, врезанной в среднюю часть склона. Перекрытие, возможно, укреплялось на балках, лежавших своим северным концом на бровке искусственного вреза, а южный конец балок укреплялся на продольной перекладине, поддерживаемой столбами. Некоторое неудобство при этом могли представлять дождевые воды, скатывавшиеся по склону балки с поверхности террасы в сторону жилища. Но они перехватывались канавой, которая была вырыта вдоль заднего края крыши жилища. Об этом говорят следы обнаруженной здесь канавки, отстоящей от бровки выемки — задней стенки жилища — на расстояние около 1 метра. Там, где она сохранила свои очертания, она имела в ширину и глубину около 0,4 м. Там, где она была деформирована, ее ширина почти достигала одного метра, а глубина была 0,3 метра. На дне ее были найдены черепки посуды того же типа, что и в культурном слое стоянки. Крутая задняя стенка

полуземлянки была еще видна в обрыве в 1934 году; на чертеже, сделанном в 1955 году, культурный слой на середине склона не был выражен и концентрировался лишь в тальвеге балки. Так как ежегодно река продвигалась вправо на 2 — 2,5 м, можно полагать, что сохранившаяся к началу раскопок часть полуземлянки имела длину около 6 — 7 метров при ширине около 5 метров.

Для характеристики стратиграфии стоянки мы приведем обнажение, полученное в результате размыва рекой в сентябре 1954 года (черт. 1).

1. В нижней части обнажения и под урезом вод реки выходят третичные глины синеватого или зеленовато-серого цвета с коричневыми примазками, сланцеватого строения. В верхней части, благодаря выветриванию, глина принимает бурый или охристо-серый оттенок. Контакт с балочными отложениями неровный, резкий. Близ контакта в глине встречаются белые известковые журавчики, что может служить показателем сухого климата, предшествовавшего аккумуляции балочных отложений.

2. Галечник 10-метровой террасы. Валуны (до 0,4 м) и галечник имеют некоторую сортировку. Покровные отложения террасы (2 а) представлены желтым суглинком.

3. Непосредственно над урезом воды виден галечник пестрой окраски, сцементированный желтым суглинком. Галечник почти не сортирован и содержит много железисто-марганцевых соединений. У краев ювета галька лежит наклонно. Он представляет собою древнейшее делювиальное заполнение балки — делювий 1-й генерации, образовавшийся главным образом за счет разрушения галечников 10-метровой террасы.

4. Суглинок желтого или серо-охристого цвета с темными крапинками, слегка пестрый, песчанистый, плотный. Он представляет собою пролювиально-делювиальное накопление 2-й генерации на склоне 10-метровой террасы.

5. Культурный слой стоянки представляет собою непластичную, бесструктурную массу, довольно плотную, но легко размокающую при дожде; она сильно обогащена гумусом коричнево-черного цвета. В ней много частиц красноватой пережженной глины, очень мелких кусочков камня, главным образом кремня. Встречается гравий и мелкая галька. Более крупная галька встречается только в расколоте, очевидно, рукою человека, виде. У левого берега балки заметно обогащение галькой.

Культурный слой залегает несогласно на предыдущих, срезая в южной части слой Д-2. Как было сказано, он лежит в искусственной выемке грунта.

6. Суглинок с галькой светлый, палево-серый и темно-серый бесструктурный, непластичный, плотный, подвергшийся процессу оподзоливания и поэтому переполненный мелкими темными пятнами и крапинками железисто-марганцевых соединений. В этом слое много расколотой гальки и прочих культурных остатков, но по существу он представляет собою не культурный слой, а балочный делювий (Д-3), обогащенный остатками деятельности человека при разрушении культурного слоя жилища и склонов террасы, несомненно в прежнее время покрытых также культурным слоем поселения. Во всяком случае находки орудий не представляют в этом слое редкость, и они по своему характеру не отличаются от найденных в культурном слое. Встречались они и за пределами балки, к югу от нее, куда также распространялся этот слой.

Некоторые наблюдения, касающиеся насыщенности этого слоя галькой и его распространения, заставляют предполагать, что в эпоху

существования поселения общий уклон местности был на юго-запад и не вполне совпадал с современным, почти южным, будучи выражен более резко. В 1958 году было отмечено, что при дальнейшем продвижении реки к правому берегу, гальки в этом суглинке становилось все меньше, а самый суглинок приобрел вертикальную структуру, характерную для делювия.

7. Верхним слоем отложений, уцелевшим от размывания на склоне, является палево-серый суглинок, бесструктурный, почти не имеющий в своем составе гальки. Он оподзолен и имеет темные крапинки марганцево-железистых соединений. Его мощность нарастает к юго-западу, то есть к прежней подошве склона. В этом слое встречаются переотложенные каменные орудия из нижележащих слоев; были найдены две ямы, заполненные прожженной докрасна глиной, по-видимому, остатки гончарных печей античного времени.

8. Супесь темная, коричнево-серая, илистая. Встречена лишь в южной части обнажения. Она совершенно аналогична супеси, покрывающей пойму р. Псоу, что можно наблюдать по дороге от магистрального шоссе (с. Веселое) до с. Н. Шиловка.

Переходя к весьма интересному вопросу о связи описанных нами отложений древней балки, включающих культурный слой эпохи неолита, с отложениями Черноморской террасы, мы сразу убеждаемся, что, кроме указанного только что супеска, представляющего накопление современной эпохи, ничего общего между отложениями балки и отложениями террасы нет. Последние достаточно хорошо вскрываются на правом берегу р. Псоу, метрах в 30 ниже по течению, у места впадения ручья Гумареи (ее правый берег), в 350 м ниже по течению от нашего обнажения у водяной мельницы и в 0,5 км ниже, у кирпичного завода. Везде мы имеем одинаковый разрез поймы высокого уровня, имеющей высоту над рекой 4 метра: а) супесь коричнево-серая с галькой в нижней части; пролювиально-делювиальные образования современной эпохи, отложенные паводками и разливами; б) супесь буро-серая слоистая. По аналогии с другими обнажениями Адлерского района мы датируем ее феодальной эпохой. Это также пролювиально-делювиальные отложения; в) суглинок более плотный охристо-серый со светлыми примазками. В верхней его части видна погребенная почва темно-серого цвета. Этот пролювиально-делювиальный слой Черноморской террасы мы относим к античной эпохе; г) глина желтая со светло-серыми пятнами, пластичная, уходит своим основанием ниже уреза воды. Она может относиться к эпохе бронзы. Что касается пролювия неолитического времени, все известные нам факты говорят о том, что он может располагаться лишь в основании Черноморской террасы и отвечать Бугазскому ускорению. В стоянке Кистрик близ гор. Гудаута неолитический слой находится в 4—5 метрах выше уровня моря, но доказано, что там он опускается по склону террасы, и уходит ниже уровня моря и речной поймы. Что же касается Нижне-Шиловской стоянки, то и здесь относительно высокое залегание неолитического слоя объясняется тем, что она была расположена в верховье сухой балки, базис эрозии которой, совершенно очевидно, лежит значительно ниже уровня поймы и современного уровня р. Псоу.

ИНВЕНТАРЬ СТОЯНКИ

Культурный слой предполагаемой землянки был насыщен остатками деятельности человека: черепками посуды, орудиями из кремня и

других пород камня, отходами их производства (отщепами и чешуйками), встречались речные гальки и желваки кремня, явно принесенные для изготовления из них орудий. В южной части черной линзы культурный слой содержал много случайных примесей: разложившихся галек делювиального происхождения и пр. Из всех этих находок значительная часть носит следы пребывания в огне и местами культурный слой имеет красноватый оттенок от присутствия кусочков пережженной глины.

Описание инвентаря удобнее начать с кремневых изделий.

Кремневые орудия

Поделочный материал, по-видимому, добывался здесь же: в аллювии р. Псоу нередко встречаются небольшие желваки серого и коричневого кремня. Впрочем, не исключена возможность, что кремнь лучшего качества красновато-шоколадного или темно-красного цвета приносился из ущелья р. Мзымты, где имеется ближайший выход туронских известняков, заключающих в себе подобный кремнь. Плохие поделочные свойства имеет местный, встречающийся в ближайшем ущелье р. Псоу серый кремнь, легко покрывающийся кремово-белой или светло-серой патиной. Из него приготавливали по преимуществу более крупные орудия. Небольшое количество мелких орудий изготовлено из халцедона и сердолика, являющегося хорошим поделочным материалом. Встречались изредка также орудия из обсидиана, который доставлялся издалека — из Южной Грузии или с Северного Кавказа (табл. 1, 5).

Общий характер индустрии стоянки зависит от наиболее употребительных приемов обработки. Кое в чем эти приемы отличают нижне-шиловские орудия от мезолитических орудий из грота Хупынипшахва, хотя между этими культурами, несомненно, обнаруживается преемственность. В дальнейшем изложении мы будем подчеркивать примеры сходства и расхождения.

Расхождение существует уже в самом способе расщепления. В отличие от грота Хупынипшахва, здесь основным видом заготовок служит не пластинка, отделяемая от нуклеуса, а «скибка», как мы называем массивные, разнообразные по очертаниям сколы, на которые расчлениется кремневый желвак или обломок. В соответствии с этим, нуклеусов в Н. Шиловской стоянке найдено немного, хотя между ними встречаются и правильной формы карандашевидные, а также плоские нуклеусы. Сравнительно мало здесь пластинок, хотя между ними есть весьма правильные. В качестве приема первичной обработки полученной заготовки (пластинки или скибки) значительно чаще, чем в гроте Хупынипшахва, применяется сечение, поперечное или продольное. Сечений пластинки здесь относительно больше, чем в гроте Хупынипшахва; и там и здесь они употребляются в качестве вкладышей; следовательно, вкладышевая техника получает здесь еще большее развитие. Относительное количество трапеций здесь больше, чего нельзя сказать о сегментах.

Очень употребителен здесь прием поперечного отсекания базальной части пластинки или скибки с ударным бугорком. На двух или одном из полученных углов производится вторичная обработка: по большей части здесь оформляется резцовое лезвие.

Несколько реже, но значительно чаще, чем в гроте Хупынипшахва, применяется продольное или диагональное сечение пластинки или скибки. Получаются орудия с более узким или со скошенным лезвием. До-

вольно часто из скибки или массивной пластинки таким образом высекается подобие прямоугольника, углы которого (1 или 2) носят резцовые лезвия.

Иногда при отщеплении скибки или массивной пластины стремятся получить по периферии орудия выступы, которым нередко при помощи ретуши придается вид зубца. В гроте Хупынипшахва таких орудий нет.

Благодаря частому употреблению приема сечения на орудиях Н. Шиловской стоянки, мы часто не находим ударного бугорка на брюшке орудия, т. к. он отошел к соседнему сечению. По этой же причине большинство орудий этой стоянки короткие и толстые, а среди отходов производства чешуйки и пластинчатая мелочь составляют менее 0,25 всего количества. Остальная мелочь производит такое впечатление, словно кремень дробился на мелкие куски. На кремневых орудиях Н. Шиловской стоянки преобладает очень мелкая ретушь тонких краев орудия — применяется односторонняя и противоположащая ретушь. В отличие от грота Хупынипшахва нередко встречается ретушь со стороны брюшка орудия. Состругивающая ретушь спинки, хотя и была известна обитателям стоянки и даже отличается большим мастерством, все же является менее употребительным приемом, чем в гроте Хупынипшахва; об этом можно судить и по малому количеству тонких чешуек среди отходов производства.

Чаще, чем в упомянутом гроте, применяются здесь одиночные или двойные выемки по периферии орудия, часто они ретушируются.

Пластинки отделялись от нуклеуса путем отжимания и имеют совсем небольшие ударные бугорки. На некоторых из них имеются весьма рельефно выраженные, концентрические по отношению к ударному бугорку волны, что несколько напоминает отжимную технику кремневых изделий ранней бронзы. Крупные орудия из серого кремня плохого качества, отщеплялись ударом и имеют, как правило, длинную площадку без подправки.

Несмотря на указанные отличия, изделия, полученные путем отщепления с нуклеуса, мало разнятся в Н. Шиловской стоянке и в гроте Хупынипшахва.

Нуклеусы и нуклевидные орудия. Нуклеусов на стоянке найдено не много, и среди них мало правильно огранных. Нами были отмечены призматические формы, нуклеусы с двумя основаниями (базами), поставленными перпендикулярно друг другу. Нуклеусы уплощенной формы упоминает А. А. Формозов⁷.

Нуклевидные орудия не имеют здесь значительного применения. Их можно встретить лишь среди резцов. Остальные аморфны.

Пластинки. Пластинок относительно не много, т. к. многие орудия изготовлялись из «скибок». Здесь нет таких больших, хорошо оформленных пластин, как в Кистрике, зато много микролитических. Все они имеют очень маленькую ударную площадку и небольшой ударный бугорок, (табл. I, 2). Очевидно, здесь применялась отжимная техника, лишь крупные пластины получены ударом. Базальный конец пластинок в большинстве случаев не носит специальной обработки, но в ряде случаев его массивность и прочность используются для изготовления здесь резцового лезвия. Пластинки в большинстве случаев правильны, имеются среди них двускатные и трехскатные, но последних меньше.

Реберчатые краевые сколы здесь редки и почти не используются для изготовления орудия.

⁷ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

По сравнению с гротом Хупынипшахва здесь значительно чаще применяется ретушь на краях и углах пластинок.

Пластины. Пластин значительно меньше, чем пластинок. Большинство их сделано из серого с серовато-белой густой патиной кремня. Они принадлежат к двум типам: а) крупные широкие скибки с оставленными участками корки для захвата рукой; б) широкие отщепы с нуклеуса, обычно слегка изогнутые с режущим краем на обеих сторонах. Выделяется одна узкая, длинная и в то же время массивная пластина, прямая, хорошо ограненная. Конец ее наискось обломан, а в базальном конце, по бокам, имеются две противолежащих выемки, возможно, для привязывания (табл. I, 3). В коллекции имеются три обломка базальной части крупных пластин с такими же противолежащими выемками и одна маленькая пластинка (табл. I, 4).

Пластинки с выемками. Иного типа выемки имеют несколько пластинок небольшого размера. Они сделаны в средней части пластины, иногда несколько на одной пластинке (табл. I, 6).

Сечения. Это одна из наиболее многочисленных категорий орудий стоянки. Сечений удлиненной формы не много, остальные короткие, среди них много миниатюрных. Форма их зачастую очень правильная. Некоторые из них получают вторичную обработку: резцовый скол, проколочное жальце на углу и пр.

Клиновидные вкладыши. Возможно, представляют собою сечение пластинки, повторно рассеченное в перпендикулярном направлении. Край, противоположный острому краю, обработан несколькими ударами более грубыми, чем ретушь. Таких предметов в коллекции относительно немного (табл. I, 7).

Геометрические микролиты. Трапеции являются господствующей формой в этой категории орудий. Они многочисленнее, чем в Кистрике, и тем более по сравнению с гротом Хупынипшахва. Это говорит об особенно высоком развитии здесь вкладышевой техники. Интересно сравнить их с трапециями грота Хупынипшахва. Размер их здесь колеблется больше, чем в гроте: от 3 см в длину до 1 см. Такие же крайности наблюдаются и в толщине орудий. Угол боковой стороны с основанием не такой острый, как в гроте, и никогда не переходит в жальце. Часто угол почти прямой, и трапеция переходит в прямоугольник; здесь есть трапеции высокой формы, впрочем, не столь высокой, как некоторые трапеции Кистрика. Оформлены трапеции подчас мельчайшей ретушью и очень правильны, чего нет в гроте. В то время как в гроте Хупынипшахва ретушь имеется только на боковых краях, здесь ретушь заходит на вершину трапеции и широко распространяется на спинку орудия. Часто здесь края ретушируются не только со стороны спинки, но и со стороны брюшка.

Сравнение же трапеций стоянки со стоянкой Кистрик показывает полное единство индустрии. Но и здесь имеются маленькие различия. В Шиловке почти нет трапеций, сделанных из трехсчатной пластинки; почти нет длинных трапеций. В Кистрике больше прямоугольных орудий высокой формы; встречаются сильно увеличенные в высоту экземпляры. Вообще в Шиловке трапеции сильнее варьируют по форме и величине и, наряду с хорошо оформленными, встречаются и небрежно сделанные, например, край обработан лишь с одной стороны: есть экземпляры, вовсе не обработанные ретушью. Трапеции Кистрика более стандартны.

По степени ретушированности трапеции стоянки можно разделить

на 3 типа: 1. спинка орудия полностью покрыта состругивающей ретушью (табл. I, 8, 9); 2. состругивающая ретушь заходит на спинку, но не покрывает ее полностью (табл. I, 10, 12); 3) ретушированы только края орудия (табл. I, 13).

Сегменты найдены в небольшом количестве. (табл. I, 15).

Стрелы. Дополнительные исследования, произведенные Н. И. Гумилевским в Н. Шиловской стоянке, дали несколько экземпляров стрел, из которых некоторые сохранились целыми, а от некоторых уцелела лишь черешковая часть. Среди них имеется одна двухсторонне обработанная мелкой состругивающей ретушью плоская стрелка с вытянуто-подтреугольным лезвием и коротким черешком. Он образован выемкой с одной стороны. Выемка с другой стороны лишь слабо намечается (табл. I, 16). В этой связи следует вспомнить о стрелках, найденных Н. З. Бердзенишвили⁸ при раскопках пещерной стоянки Сагварджиле в Имеретии в неолитическом слое. Все они имели черешок, часть была отретуширована с обеих сторон, часть с одной стороны. Ею же найдена интересная стрелка в пещерной стоянке Квачара близ с. Цебельда в Абхазии. Она хорошо ретуширована, но только с одной стороны; черешок также образован односторонней выемкой. Несколько более архаичный характер Квачарской находки вполне понятен, т. к. эта стоянка датируется мезолитом. Таким образом, устанавливается местная эволюция стрел в черешковом варианте, идущая от мезолита через энеолит к эпохе ранней бронзы.

Другая стрела, найденная в Н. Шиловке, имеет более архаичный вид, т. к. черешок здесь выделен менее ясно и нет двусторонней ретуши (табл. I, 17). Своей длинной и узкой формой, а также характером ретуши она очень напоминает некоторые острия Н. Шиловской стоянки, которые, очевидно, есть возможность зачислить в категорию стрел (табл. I, 18). Можно найти такие прототипы стрел и в коллекции, собранной А. Д. Столяром и А. А. Формозовым⁹. Во всех приведенных случаях черешок достаточно ясно отделяется от лезвия. Таким образом, подтверждается давно высказанное мнение П. П. Ефименко, что некоторые острия с заступленной спинкой могли быть прототипом стрел.

Когда возникла потребность в более совершенном метательном оружии, поиски его формы могли идти в разных направлениях, и в Н. Шиловской стоянке мы встречаем третий вариант стрелы. Выше был описан прием снабжения некоторых пластинок двумя выемками на противоположных сторонах у базального конца пластинки. Рассматривая фрагменты подобных пластинок из коллекции школьного музея Н. И. Гумилевского, мы убедились, что некоторые из них являются черешковой частью стрел формы ивового листа и обнаруживают переходы к обычной форме черешка, как видно из прилагаемых рисунков (табл. I, 19, 33).

Пока Н. Шиловка является единственным неолитическим памятником Абхазии, имеющим в своем инвентаре наконечники стрел.

Острия. По-видимому, в Н. Шиловской стоянке не много пластинок с притупленным краем, как таковых, и имеются главным образом сделанные из них острия. Они имеют крутую затупливающую ретушь с одной или двух сторон (табл. I, 20, 22). Встречаются иногда совсем короткие острия.

⁸ Н. З. Бердзенишвили. Многослойная стоянка Сагварджиле. Сообщ. АН Гр. ССР, т. XIV, № 9, 1953, на груз. яз.

⁹ А. А. Формозов и А. Д. Столяр. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае. «Советская археология», № 2, 1960, рис. 1, фиг. 9.

Косых острий меньше, чем прямых. Можно выделить 3 типа: 1. Острия крупного размера; на конце широкого листовидного отщеп-а делается жальце, иногда изогнутое. 2. Пластинка сбивается наискось и обитый край ретушируется; иногда ретушируется и спинка (табл. I, 21). 3. Пластинка раскалывается по диагонали или конец коско скалывается, но не получает ретуши.

Проколки. Это довольно многочисленная группа орудий отличается от острий тем, что здесь в большинстве случаев можно выделить более широкую часть орудий — рукоятку и более узкую — лезвие. Для проколки Н. Шиловской стоянки характерно очень небольшое лезвие типа жальца.

1. Исключение представляют лучшие оформленные проколки, встречающиеся уже в гроте Хупынипшахва. Это пластинки с притупленным краем, у которых выделена немного более широкая рукоятка и длинное довольно массивное лезвие (табл. I, 23).

2. Прimitивнее сделаны проколки, у которых длинное лезвие получено занозистым сколом части пластинки. При этом лезвие ретушируется, иногда неполностью (табл. I, 24, 25).

3. Рукоятка представляет необработанный массивный отщеп, прямоугольной формы, на конце короткое жальце (табл. II, 26, 27).

4. Сердцевидные проколки, имеющие плоско-округлую рукоятку и лезвие в виде жальца (табл. I, 28).

5. Пластинка, обколотая со всех сторон. Ее углы, если они достаточно остры, служат проколками, в противном случае ретушью превращаются в жальца (табл. I, 29, 30).

6. Боковые проколки обычно делаются на скошенном углу массивного обломка или пластинки (табл. 31, 32).

Резцы. Резцы представляют собою наиболее многочисленную группу орудий стоянки. Их размеры колеблются от 7 до 1,5 см, но преобладают небольшие орудия около 3 см. Можно выделить несколько типов этих орудий.

1. Почти половину всех резцов составляют угловые, лезвия которых образуются перекрещиванием на одной боковой стороне двух сколов. По большей части эти резцы сделаны на массивных обломках и отщепах (табл. II, 1, 5).

2. Значительно меньше орудий, резцовое лезвие которых образовано на одной из боковых сторон занозистым сколом. Они были больше распространены в гроте Хупынипшахва (табл. II, 6, 10).

3. Третье место по численности занимают срединные резцы (табл. II, 10, 12).

4. Несколько орудий имеют резцовое лезвие на углу, образованное длинным боковым сколом и ударной площадкой отщепа, имеющей узкую и удлиненную форму. Такие резцы имели большое распространение в гроте Хупынипшахва (табл. II, 6, 10).

5. Несколько экземпляров представляют собою боковые резцы, у которых подправлены ретушью прилегающие к лезвию боковые или концевые части (табл. II, 14, 15).

Резчики. К этой группе нами отнесены орудия, удобные для царапания, нанесения контура предполагаемого изделия из кости или дерева. Они разнообразны по величине и форме, но все имеют лезвие в виде слабо выступающего острия, образованного либо двумя узкими резцовыми сколами, либо ретушью, либо иным способом (табл. II, 16 — 21).

Зубцы. Орудия этого типа изготовлены по преимуществу на массивных отщепах и имеют по периферии один или два крупных зубца, выделенных обычно ретушью или выемчатым сколом; иногда и самый зубец имеет ретушь. Это орудие не встречается в гроте Хупынипшахва, но свойственно некоторым более ранним стоянкам Абхазии (табл. II, 22 — 23). Иногда имеется также резцовое лезвие и получается комбинированное орудие (табл. II, 24).

Пилки. Встречаются нередко на Н. Шиловской стоянке, но весьма аморфны. Сделаны исключительно на массивных отщепах. Зубцы лучше оформлены на небольших орудиях, но здесь рабочая часть орудия вмещает не более 3 зубцов. Более крупные орудия, по-видимому, имели больше зубцов, но дошли до нас в обломках (табл. II, 27 — 32).

Скребки. На стоянке найдено несколько хорошо оформленных концевых скребков малого размера и некоторое количество весьма аморфных скребковидных изделий (табл. II, 25 — 26).

Наковаленки. Несколько плоских галек небольшого размера с неправильной выемкой на спинке могли служить наковаленками для изготовления на них орудий.

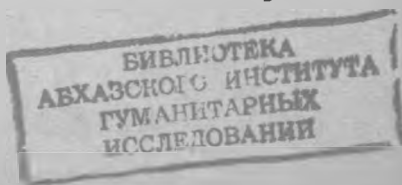
Орудия из сланца

Орудия из сланца уступают по численности и разнообразию кремневым. Материалом для этих орудий служили различные породы камня, встречающиеся в виде гальки в русле р. Псоу: юрский глинистый сланец и песчаник, аспидный сланец, порфирит, диорит и другие породы. По большей части им свойственна в природе мелкая плитчатая сланцеватость, облегчающая использование этого материала для приготовления орудий. Поэтому мы и будем называть всю эту группу сланцевыми орудиями.

Обитатели стоянки готовили из этого материала свои более крупные орудия, но так как они еще не научились вполне использовать даваемую природой сглаженную поверхность речной гальки, они часто применяли к этим породам те же приемы расщепления, что и к кремню. Это привело к попыткам вырабатывать из этого материала не свойственную ему форму заготовки — пластинку, а из нее те же типы орудий, что из кремня. С них мы и начнем описание сланцевых орудий.

Пластины и пластинки. Способность некоторых окремененных сланцев давать раковистый излом позволяла изготавливать в ограниченном количестве настоящие узкие пластинки с довольно острым и прочным режущим краем и ретушировать их. Но в большинстве случаев преобладала свойственная сланцевым породам тенденция распадаться по слою на плитчатые отдельности. Поэтому в результате получались широкие пластины, в которых нельзя выделить спинку и брюшко как в кремневых изделиях. Попытка ретушировать не давала хороших результатов и поэтому большая часть пластинок и изделий из сланца довольно аморфна (табл. III, 1 — 3). Особенно качественными получались пластинки, если по одному краю сохранялась узкая полоска шлифованной поверхности гальки. Такие пластинки и отщепы мы называем «ломтик» (табл. III, 4).

Резчики. В коллекции имеется несколько прямоугольных массивных пластин со слегка скошенным верхним краем, образующим на остром углу острие резчика из сочетания одной острой и другой плоской грани (табл. III, 5).

Зубцы. Несколько пластин имеет по периферии по 2 и по 3 массивных зубца, получившихся при расщеплении или выделенных грубой ретушью (табл. III, 6—7).

Мотыги. Два предмета из аспидного сланца, несомненно, служили мотыгами (табл. III, 8, 9). Один из них имеет подобие широкого, почти всю ширину орудия черешка, плавно переходящего в более широкое лезвие, о форме которого нельзя судить из-за сильной его сработанности (табл. III, 8).

Орудия типа «пик». По большей части это обломки, но, если судить по целым экземплярам, им свойственна форма сильно удлинненного овала, к одному концу более узкого. Плосковатость орудий способствовала привязыванию их к рукояти (табл. IV, 1—2).

Двусторонняя обработка имела целью увеличить эту способность. Некоторые орудия имели даже ровное брюшко. В этом отличие нижнешиловских орудий типа «пик» от большинства подобных орудий из Кистрика. Последние имели сильно выпуклую верхнюю и нижнюю сторону и, очевидно, прикреплялись к рукояти при помощи переходной костяной муфты (табл. VII, 1).

Одно, лучше других обработанное орудие, очевидно, было сломано и на месте излома получило дополнительную отеску. Оно имеет плоское брюшко и высокую выпуклую спинку (табл. III, 2).

Гораздо большие возможности использовать сланец как материал для орудий дает сохранение естественной шлифовки гальки на одной из поверхностей орудия. При этом получается более тонкое и менее тупящееся лезвие, легко проникающее в дерево при рубке и в землю при копании. Поэтому не менее половины орудий изготовлена при помощи этой «галечно-сланцевой», а не «кремневой» техники. Она имела довольно широкое применение и в гроте Хупынипшахва, но там играла подчиненную роль.

Отметим здесь наиболее распространенные орудия, не давая их подробного описания, поскольку они нами были охарактеризованы в ряде других работ. Ре-за-ки являлись наиболее распространенной формой. Это овальный скол по плоскости гальки, причем округлое ребро гальки сохранено с одной стороны для удобства захвата рукой (табл. IV, 3). Сколы овальные (табл. IV, 6), сколы круглые имеют спинкой часть выпуклой поверхности гальки (табл. IV, 5). Скол листовидный получается при отделении скола с выпуклой поверхности длинной гальки ближе к одному краю (табл. IV, 4); при этом скол получает более узкую вершину. Если со спинки скола овального или листовидного был снят перед этим такой же скол меньшего размера, то этот скол превращается в другое орудие — «копытцевидный» скол (табл. IV, 7).

Интересную разновидность сколов представляют лезвия. Со слабо выпуклой поверхности гальки снимается весьма тонкий скол. Чем прочнее и тоньше состав породы гальки, тем более острые края имеет отщеп. В коллекции имеется несколько отщепов, снятых со шлифованных орудий, изготовленных из голубоватого яшмовидного сланца. Они очень тонки, а края по остроте и прочности не уступают кремневым. Эти всегда небольшие отщепы мы сравниваем по названию с лезвиями безопасной бритвы неслучайно, т. к. ими можно срезать волосы со шкуры животного, а, может быть, они служили и для бритья (табл. V, 1—6).

Долбленные гальки сохранились только в обломках. Быть может, они представляли собою своего рода светильники; в выдолбленное широкое и плоское углубление клался животный жир и фитиль. От дей-

ствия жира камень в конце концов раскалывался и по этой причине мы не имеем пока представления о целом предмете (табл. V, 9). Точило (табл. VI, 1), найденное в культурном слое стоянки, представляло собою плитку тонко-зернистого песчаника почти прямоугольной формы, длиной 10 см, шириною 7 см и толщиной 1,5 см. Нижняя сторона совершенно горизонтально сглажена, верхняя сторона имеет широкое плоское углубление со следами какой-то черной массы, приставшей к камню. Одна боковая сторона хорошо огранена, что позволяет считать, что вся плитка имела правильные очертания, а после того, как она была фрагментирована, в ней было сделано углубление.

Терочники (песты) составляют многочисленную категорию орудий стоянки. Можно выделить три группы: 1. Терочники секторной формы, получаемые сильным ударом в центр круглой плоской гальки. При этом она расщепляется на ряд обломков формы сектора (табл. V, 7). 2. Терочники языкообразные, сохраняющие на одной узкой стороне округлое ребро гальки, а на трех других сторонах имеющие плоскости скола (табл. V, 8). 3. Призматические терочники сохраняют на двух противоположных сторонах естественно сглаженную галечную плоскость, а на боковых сторонах всюду обколотые (табл. V, 10). Материалом для этих орудий служит гранит, порфирит, туфогенные породы, то есть именно те, которые удобны для растирания зерен злаков вследствие своей ячеистой поверхности, непрерывно возобновляемой при растирании, вследствие выпадения зернистых отдельностей породы или вскрытия новых ячеек.

Наиболее древней из этих форм терочников являются секторные, встречающиеся уже в мезолитической стоянке грота Хупынипшахва. Остальные формы появляются в неолите, присутствуют в Кистрике, но в Н. Шиловке найдены в особенно большом количестве.

Каменные шарики сферической и яйцевидной формы встречены при раскопках стоянки в довольно большом количестве в то время как в поселении Кистрик их находят редко. Это объясняется в значительной мере тем обстоятельством, что в третичных породах района нашей стоянки встречаются в значительном количестве небольшие конкреции округлой формы; они и приносились на стоянку ее обитателями. Лучшими экземплярами были конкреции, окатанные рекой. Естественнее всего видеть в них пращевые камни, как это делает А. А. Формозов, хотя те из них, которые по величине не более горошины, безусловно нельзя считать пращевыми. Нам кажется, что имеющиеся в коллекции шарики разных размеров из черного юрского сланца, которым придана шлифовкой совершенно правильная сферическая форма и сильный блеск, употреблялись для каких-то гаданий, а, может быть, для игры. Во всяком случае, труд, затраченный на обработку и шлифовку этих красивых изделий, был бы совершенно не оправдан, если бы они употреблялись для метания пращей (табл. VI, 2—6).

Шлифованные орудия. Наиболее совершенными и типичными для неолита орудиями Н. Шиловской стоянки являются шлифованные орудия. Их здесь найдено значительно меньше, чем в Кистрике, и они, как правило, сильно сработаны и фрагментированы, что само по себе говорит против их широкого здесь применения.

Интересно отметить, что найденные здесь в небольшом количестве крупные клиновидные топоры или клинья с овальным сечением, приближающимся к круглому, дошли до нас в обломках или в сильно фрагментированном состоянии (табл. VI, 10). Если даже объяснить последнее обстоятельство широко развитой здесь практикой использо-

вания их шлифованной поверхности для изготовления «лезвий», а их ценной зеленовато-серой породы для пластинок и отщепов-орудий, то остается необъяснимым факт отсутствия их воспроизводства на месте. Среди грубо стесанных орудий типа «пик» Н. Шиловской стоянки, которые А. А. Формозов и А. Д. Столяр¹⁰ считают в большинстве случаев заготовками для топоров, пока не найдено таких крупных и толстых заготовок, и вряд ли они были. Можно высказать предположение, что эти большие клиновидные топоры, совершенно аналогичные по форме и материалу топорам Кистрика, выменивались местным населением оттуда. Наладить у себя производство таких совершенных изделий не позволяло отсутствие столь крупной гальки этой ценной поделочной породы в русле р. Псоу. Проходя в области векового опускания, эта река имеет медленное течение и увлекает лишь мелкую гальку.

Из других шлифованных орудий здесь найдены небольшие топоры и долота, слегка расширяющиеся к концу. Часто они имеют плоские боковые грани, иногда имеют овальное сечение. Практиковалась подшлифовка концов некоторых орудий типа «пик», служивших, очевидно, в иных случаях топорами. Некоторые фрагменты шлифованных орудий из песчаника быть может следует считать брусками (табл. VI, 8—9).

Керамические изделия

Несмотря на сильную фрагментированность, все же удается установить в общих чертах форму глиняной посуды. Это были плоскодонные горшки и плоскодонные кружки без ручек, разного размера от 6 до 25 см высотой и от 6 до 20 см диаметром. Они были баночной формы, с прямыми или слабо выпуклыми стенками. Нередко в верхней части стенок мы наблюдаем совершенно прямой край, иногда он слабо вогнут внутрь, иногда на конце слабо отогнут. Край всегда округлый. Один фрагмент принадлежал очень плоской миске или тарелочке. Сначала вылепливалось массивное плоское дно, края которого зачищались и начиналось наращивание стенок сосуда небольшими расплюснутыми кусочками глины («шматками»). Тесто содержит примесь крупного и мелкого речного песка, часто выступающего на наружной поверхности. Нередко встречается примесь, может быть естественная, кусочков почвенных марганцево-железистых стяжений, дающих при обжиге темно-красные пятна. Излом изделия угловатый, обнаруживающий комковатость и плохую промешанность глины. Толщина стенок более крупных сосудов доходит до 15 мм.

Наряду с этим, существовало немало сосудов меньшего размера с более тонкими стенками, толщиной 6 и даже 4 мм, содержащими в глине лишь примесь мелкого песка, с более ровным, обычно темно-серым, почти черным изломом. У всех сосудов, а в особенности у больших, внутренняя поверхность довольно хорошо сглажена и не имеет выступающих примесей. Один небольшой фрагмент с тонкой стенкой имел в составе какую-то выгорающую примесь, при выпадении оставляющую на поверхности мелкие щербинки. Цвет наружной поверхности посуды серовато-красный или серовато-охристый, реже красновато-серый. Внутренняя поверхность всегда темнее. В изломе черепок красноватый или коричневый, часто двухслойный: наружная часть красная,

¹⁰ А. А. Формозов и А. Д. Столяр. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае. «Советская археология», № 2, 1960, стр. 104.

внутренняя почти черная. Обжиг посуды слабый: в большинстве случаев она легко ломается пальцами.

Орнамент на стенках посуды нет. Описанная посуда аналогична посуде неолитического слоя стоянки Кистрик, но, по-видимому, не принадлежит к самой древнейшей посуде побережья, на что показывает некоторая дифференциация формы, размеров и назначения посуды, относительно хорошая сглаженность поверхности, особенно внутренней, в иных случаях неплохой обжиг.

Нами была раскопана в Кистрике производственная или жилая площадка, которая датировалась самым ранним энеолитом. Часть найденных здесь керамических фрагментов по форме и составу теста была очень близка только что описанной посуде, другая часть была более совершенного типа, имела более тонкий черепок, содержащий выгорающие примеси. Заметим, что один фрагмент такой посуды был найден и в Н. Шиловском поселении. Учитывая, что последнее является однослойным памятником, принадлежащим короткому отрезку времени, в целом относящемуся по составу инвентаря к неолиту, можно с уверенностью отнести Нижне-Шиловскую стоянку к самому концу неолита или к самому началу энеолита, что совпадает с полученной при геологическом изучении стоянки датировкой — самое начало регрессии, отделяющей Бугазское ускорение от Витязевского. Н. Шиловское поселение, несмотря на небольшие размеры, дало очень много для понимания культуры эпохи неолита и является ценным добавлением к обширной неолитической стоянке Кистрик. В этом единственном пока известном неолитическом жилище Кавказа зафиксирован какой-то небольшой отрезок времени, характеризующий состояние общества той эпохи.

Не вызывает сомнения, что основой хозяйственной деятельности его обитателей являлась охота. Ведь многочисленные сечения пластинок, трапеции и многие другие микролитические орудия служили вкладышами для составных лезвий копий, кинжалов и прочих орудий охоты. Об этом же красноречиво говорят стрелы и пращевые камни, первые появившиеся хорошо оформленные метательные орудия для дальнего расстояния. Кремневые ножи и острия дополняют это впечатление.

Не меньшее значение имело рыболовство. Об этом говорит само расположение стоянки в глубине сильно разветвленного залива, сильно опресненного речными водами. Да и р. Псоу с ее спокойным течением позволяла ставить верши и делать запани для ловли рыбы. Крупную рыбу били гарпунами, последние изготовлялись из кости при помощи пилок, резцов и резчиков, орудий особенно многочисленных в культурном слое стоянки. Сетей еще не было в распоряжении этих рыболовов, а сопутствующие им лодки, вероятно, были редкостью. В стоянке не найдено грузил для сетей, сделанных из гальки с выщербленными краями, которых много в поселениях эпохи ранней бронзы. Нет здесь и таких прекрасных деревообделочных орудий, как в Кистрике.

Все же на деревообделочный промысел дают указание находки примитивных топоробразных орудий, изготовлявшихся еще без всякого стандарта. К ним с некоторой долей вероятности можно отнести часть крупных резачков, овальных и листовидных сколов, некоторые уплощенные разновидности орудий типа «пик». Встречаются отдельные шлифованные орудия в виде небольших топориков¹¹.

Существовала, несомненно, потребность в тяжелых топорах-клинь-

¹¹ А. А. Формозов. Исследование памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году, КСИИМК, вып. 78, 1960.

ях, которыми можно было расколоть бревно. Эта потребность, как было сказано выше, удовлетворялась, по-видимому, путем обмена: найденные здесь в небольшом количестве крупные топоры-клинья цилиндрической формы очень схожи по материалу и форме с изделиями Кистрика; отсюда же могли приобретаться и некоторые другие орудия.

Земледелие представлено здесь в более развитой форме, чем в гроте Хупынипшахва. Здесь терочники-песты гораздо многочисленнее и формы их разнообразнее. Появляются специализированные формы мотыг, к которым мы относим и некоторые орудия типа «пик». Однако было бы ошибкой говорить об охотничье-земледельском характере Н. Шиловской стоянки. Мотыги в целом еще аморфны. Употребление пестов для растирания зерен злака говорит о малом количестве последних. Не найдено ни одного «нижнего» камня зернотерки, сколько-нибудь специализированного по форме. По-видимому, земледелие еще не отделилось от собирательства.

Интересные указания на одежду обитателей стоянки дает значительное увеличение, по сравнению с гротом Хупынипшахва, проколов с миниатюрным жалцем, хотя существуют одновременно и проколки с длинным массивным лезвием. Можно сделать предположение, что шкура, как единственное прикрытие человеческого тела, уже перестала удовлетворять вкусам и потребностям человека новой эпохи, она явно отходит на второй план. Чем она была заменена, остается пока неясным. В отношении грота Хупынипшахва, где уже есть немало проколов с миниатюрным острием, мы высказывали предположение; что новым материалом для одежды могла быть кожа крупной рыбы, которая, как известно, широко употреблялась для одежды палеоазиатами до XIX в. Но для эпохи существования Н.-Шиловского поселения можно допустить и одежду из циновки и даже одежду из шерстяной или хлопчатобумажной ткани, разумеется, приобретенной путем обмена. Этого вопроса мы еще коснемся при описании поселения Кистрик.

Чтобы дополнить представление о наружности человека того времени, мы обратимся к находкам в культурном слое стоянки «лезвий» — тончайших сколов с поверхности галек и шлифованных орудий. Как известно, для изготовления последних употреблялись особенно «вязкие», не выкрашивающиеся на лезвии породы, и это делало данный вид орудий весьма полезным, например, для примитивных хирургических операций, но, возможно, их применение было шире. «Лезвия» впервые начинают встречаться в неолите; в энеолите горных племен Абхазии, куда металл пришел с опозданием, они получают значительное применение и усовершенствование. По нашему мнению, это может говорить о распространении обычая брить бороды; первыми бритвами служили эти самые «лезвия» и пластинки обсидиана, также встречающиеся в стоянке.

Описание другой неолитической стоянки в урочище Кистрик близ гор. Гудаута было сделано А. Л. Лукиным¹², поэтому мы коснемся его лишь вкратце, пополнив некоторыми новыми данными, полученными при разведочных работах, проведенных нами совместно с А. Н. Мелиховым весной 1941 года, а позже — нами в 1963 и 1964 гг. При этом было установлено наличие трех культурных слоев, из которых два нижних постепенно переходят друг в друга. От поверхности нижнего слоя была вырыта яма для хранения запасов, расширяющаяся вверх, диаметром немного более 1 метра и глубиной 1—0,5 метра. Она была

¹² А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ с. Гудаута. «Советская археология», XII, М.-Л., 1950.

наполнена кухонными остатками, и на дне ее найден клиновидный субцилиндрический топор, обычного для стоянки типа. Поверх ямы и нижнего слоя была найдена сплошная вымостка из галек и галечных обломков. Возможно, что это были остатки разрушенного жилища, так как здесь были обнаружены зернотерки и обломки керамики. Последняя не сохранилась в сколько-нибудь крупных фрагментах; по сравнению с посудой Н.-Шиловской стоянки и неолитического слоя Кистрика она имеет признаки более развитой: найдены куски плоских днищ больших сосудов, очевидно, для хранения запасов. В составе их глины было много довольно крупного песка. Фрагменты более тонкостенной посуды были дочерна прокопчены, хорошо сглажены и имели несложный орнамент короткими нарезками.

Кремневый инвентарь стоянки Кистрик очень напоминает инвентарь Нижне-Шиловской стоянки, в нем также много хорошо изготовленных пластинок, сбитых с довольно правильных конусовидных или плоских нуклеусов; много сечений пластинок, трапеций и сегментов, часто с ретушью, заходящей на спинку орудия. Скребков здесь больше, чем в Н.-Шиловской стоянке, среди них есть и круглые, и на конце удлиненной пластинки. Резцов много, но они носят довольно аморфный характер. Пластинки с затупленной спинкой не представляют редкости, сделанных из них острий, как в Н.-Шиловской стоянке, много. Интересно наличие здесь нескольких дисковидных двухсторонне обработанных орудий, отличающихся от мустьерских и поздне-палеолитических лишь своим малым размером. Из кремня же изготавливались красивые орудия киркообразной формы с двумя рабочими остриями на противоположных концах. Они обработаны тесаной техникой, как и многие другие орудия стоянки. Возможно, их назначением было обрабатывать техникой пунктуации каменные орудия. В отличие от Н.-Шиловской стоянки, здесь не найдено наконечников стрел и отшлифованных сланцевых шариков.

Чаще, чем в Н. Шиловке, здесь встречались изделия из обсидиана, между которыми было несколько прекрасно сколотых правильных пластинок, возможно, служивших бритвами.

Среди многочисленных орудий из сланца, покрывающих обширную площадь Кистрикской стоянки, много разнообразной формы мотыг из расколотой гальки. Песты и терочники для растирания зерен и проч. очень похожи на Н.-Шиловские, но есть и имеющие более выработанную форму. Если мы вспомним описанные отсюда А. Л. Лукиным многочисленные и разнообразные шлифованные орудия; цилиндрические в сечении топоры и клинья, тесла, долота, стамески простые и желобчатые, вряд ли у нас останется сомнение, что Нижняя Шиловка моложе Кистрика в целом и представляет по сравнению с ним дальнейшее развитие неолита, характеризующееся на побережье постепенным угасанием искусства шлифовки орудий.

Несмотря на то, что Кистрикское поселение мало изучено и недостаточно раскапывалось, сделанные здесь находки уже дают возможность составить общее представление о жизни неолитического общества, незнакомого с металлом не потому, что оно было очень отсталым и изолированным (этого не было), а потому, что металлические изделия еще не проникали на Кавказ.

В производственном инвентаре абхазского неолита уже заметно отступление на второй план кремневых изделий по сравнению с орудиями из других пород камня. Именно с этого времени особенно часто начинают применяться орудия, изготовленные из речной и морской гальки, сохранившие на одной стороне естественную шлифовку, данную рекой.

По этой причине начинают меняться технические приемы обработки камня, в частности, возрождается забытая со времен древнего палеолита техника стесывания, применяемая к крупным орудиям из сланца. Необыкновенные успехи делает шлифовка орудий, которой подвергаются главным образом деревообделочные инструменты: топоры, клинья, долота, тесла и т. д. На территории Кавказа этот расцвет был, по-видимому, кратковременным. Лучше всего он сказался в Кистрике, но после едва переживает эпоху энеолита.

Мы не имеем никакого основания считать, что обитателям Кистрикской стоянки были известны хотя бы единичные орудия из металла. Такую гипотезу выдвигал А. Л. Лукин, основываясь на находке на площадке поселения на глубине не менее 0,5 м целой серии массивных обоймиц из цинка — «местного» металла, поскольку через горную часть Абхазии проходит пояс серебро-цинково-свинцовых руд (табл. VII, 2). При наших разведках, однако, выяснилось, что обоймицы были найдены в черном пятне, представлявшем заполнение гумусированной почвой обширного, но мелкого четырехугольного углубления, в котором встречались отдельные фрагменты посуды колхидской, позднебронзовой культуры. Найденная в это же время нами на поверхности селища половинка каменной формочки для отливки подвески с тремя лопастями также не имеет никакого отношения к неолитическому слою. Однако мы имеем косвенное доказательство, что ранний Кистрик и Н. Шиловка заканчивают собой период развития неолитических культур в этом районе. Замечательно, что в обоих поселениях было найдено очень много геометрических форм, главным образом, трапеций, а также немного, но все же больше, чем в каких-либо других стоянках, орудий из привозного материала — обсидиана. Но после этого ни в одном поселении прибрежной полосы Абхазии ни геометрических микролитов, ни предметов из обсидиана, за редким исключением, найдено не было. Их линия сразу обрывается, что можно связать с появлением первых режущих лезвий из металла, то есть медных изделий. Лучше всего представление о постепенном переходе от неолита к энеолиту дает наш раскоп № 2, сделанный в 1963—64 гг. в приморской части селища Кистрик. Здесь на глубине около 30 см залегала ископаемая почва с большим количеством железисто-марганцевых почвенных образований. С нею были связаны находки неолитических орудий, в том числе трапеций, а также черепков грубой посуды с примесью крупных кусочков дробленого шпата (слой В).

Непосредственно на погребенной почве лежала вымостка из целой и расколотой гальки, представлявшая производственную площадку или жилище. Среди гальки встречался тот же тип черепков грубой посуды, но к нему примешивалось некоторое количество черепков сходной, но несколько более тщательно сделанной посуды, очень напоминающей посуду Н.-Шиловской стоянки. Встречались здесь также отдельные черепки посуды иного типа, тонкие, пористые вследствие добавки в качестве отошателя какой-то выгорающей примеси. В вымостке изредка встречались мелкие трапеции и небольшие шлифованные орудия типа долота, а также изредка отщепы обсидиана. Таким образом, вымостку чадо отнести к переходному слою от неолита к энеолиту. Вымостку прикрывал слой палево-серого супеска, в котором кремневые пластинки, сечения и трапеции являлись уже большой редкостью, а среди черепков посуды преобладали тонкие с выгорающей примесью (слой Б). Этот слой надо отнести к раннему энеолиту. В этом разрезе времени Н. Шиловки лучше всего соответствует вымостка, хотя, возможно, последняя

немного моложе. Поэтому мы считаем, что обитатели Н.-Шиловской стоянки жили еще в неолите, но уже были свидетелями первых проявлений энеолита.

Керамическое производство, а именно изготовление глиняной посуды, впервые отмечено для территории Абхазии (несомненно, и для гораздо более широкой территории) именно в описанных стоянках. Все же мы не можем утверждать, что этого производства раньше здесь не было. Самая примитивная посуда, найденная в обеих стоянках, все же имеет довольно хороший обжиг и достаточно выработанную форму, чтобы не считать ее первой пробой гончарства. Можно даже поставить вопрос о возникновении этой формы посуды в более южных частях Закавказья.

До основательных раскопок мы мало можем сказать о том, что представляли собою жилища неолитических обитателей Кистрика. Вероятнее всего, это были весьма примитивные плетеные шалаши с очагом внутри, сложенным из больших камней. Пол жилища и прилегающее снаружи пространство было выложено принесенной с берега моря галькой. Эти постройки не могли так хорошо защищать от ветра, как в Нижней Шиловке, где небольшое поселение было как бы спрятано от холодных ветров, дующих с гор со стороны ущелья, в старой, лишенной уже воды, балке.

Важно отметить то обстоятельство, что оба эти поселения не только были оседлыми, но и длительное время существовали на одном месте, о чем говорит мощность культурного слоя. Особенно он насыщен остатками и сохранил свой черный цвет в Н. Шиловке, так как особенно сильная концентрация слоя наблюдается на небольшой сравнительно площадке. Мы уже высказывали догадку, что там мы имеем какую-то большую постройку, быть может, нечто вроде общественных жилищ, соорудившихся в Океании и других местах для коллективного проживания половозрастных групп племени.

Несомненно, в эту эпоху существовали поселения не только открытого типа. Хотя нам не приходилось отмечать культурных слоев этого времени в пещерах Абхазии, но встречались следы их заселенности в более позднюю эпоху, например, в медном веке. Поэтому можно думать, в неолитическое время обитание в пещерах еще имело место.

Поражает своими размерами и своей населенностью Кистрикское поселение. Вопреки существующему представлению о редкой концентрации первобытного населения, зависящей от слабого развития производительных сил и малой возможности находить средства к существованию, это поселение, площадью более четырех гектар, является самым крупным из известных в Абхазии вплоть до границ античной эпохи. По-видимому, это объясняется характером хозяйственной деятельности, к разбору которой мы и перейдем.

Две наиболее древних отрасли деятельности человека — охота и собирательство, — несомненно, применялись и здесь, но, по-видимому, не они были ведущими. Интересно, что в инвентаре Кистрика отсутствуют кремневые наконечники дротиков и копий, а также наконечники стрел чвоволистой формы, которые имеются в небольшом количестве в Н.-Шиловской стоянке, а также пращевые камни.

Если мы даже допустим, что для крупных наконечников копий применялись микролитические вкладыши, вставлявшиеся в костяную основу копья, или же, что наконечники стрел и дротиков изготовлялись из самшита, древесина которого по необычайной твердости и тяжести вполне пригодна для этого, все же остается непонятным, почему для

этих целей не употреблялись кремневые наконечники, что мы видим на следующей культурной стадии. Не найдено здесь и прашевых шариков, как в Н. Шиловке.

На собирательство нет прямых указаний, но обнаружение ямы для хранения запасов говорит, быть может, о заготовках каких-то пищевых продуктов; вероятно, и крупные толстостенные глиняные сосуды, фрагменты которых найдены на поверхности селища, говорят о том, что население могло собирать съедобные каштаны, орешки бука и лещины, сушеные фрукты и другие «дары природы».

В обеих стоянках мы еще не видим указаний, что земледелие уже отделялось от собирательства и стало одним из основных занятий населения.

Орудия, в которых можно узнать мотыги, в неолитическом слое Кистрика еще в достаточной мере аморфны и разнокалиберны, хотя они многочисленны. Целый ряд довольно длинных и массивных орудий типа «пик» с сильно сбитыми концами говорит, что главной задачей их было начальное рыхление почвы. Орудий для повторного рыхления и прополки мы еще не видим. Быть может, для этой цели, а может быть и в качестве топоров, могли служить плоские, слегка расширенные к концу орудия из сланца, подвергавшиеся по стесаной поверхности легкой шлифовке. Несмотря на то, что территория поселения, окружающая равнинное пространство, имеет верхний слой суглинка, достаточно рыхлый, слегка песчанистый, удобный для применения примитивных сельскохозяйственных орудий, земледелие не выходило еще из рамок подсобного занятия и еще не могло обеспечить на зиму. Определить применявшуюся здесь систему земледелия трудно из-за недостатка материалов. Пока выяснилось, что в переработке основного продукта земледелия — зерна — можно выделить два этапа. Первый характеризуется применением для растирания зерна пестов разнообразной формы — секторной, прямоугольной, столбчатой (призматической) и пр., встречающихся уже в гроте Хупынипшахва и делающихся многочисленными в Н. Шиловке, в неолитическом и в энеолитическом слое Кистрика. «Нижним» камнем для растирания зерна служили плоские валуны случайной формы.

Второй этап связан с применением зернотерки. Впервые появляются зернотерки правильной формы в Очамчирском поселении эпохи ранней бронзы. Нижний камень изготовлялся из удлиненного плоского валуна, расколотого вдоль по плоскости, сколотая поверхность служила для растирания. Верхним камнем служил небольшой круглый пест-терочник или валун, расколотый и обработанный подобно нижнему, но более легкий, узкий и длинный. Производительность труда такой подлинной «зернотерки» была значительно выше. Ее появление говорит о достаточной обеспеченности зерном и о выделении среди других домашних обязанностей особой функции — приготовления муки для нужд семьи, что поручалось женщине. Этот второй этап переработки продуктов сельского хозяйства можно было бы назвать «зернотерочным».

Первый этап, который можно было бы назвать «пестовым», очевидно, предполагает отсутствие большого запаса зерна. В эпоху неолита и энеолита, по-видимому, возделывание поля и жатва еще не вошли крепко в обиход населения. Собираение зерен диких злаков — «дикая» жатва еще конкурировала с «домашней» и продуктов земледелия хватало ненадолго. При этих условиях функция приготовления муки еще не была закреплена за отдельным лицом и каждый — мужчина, женщина, под-

росток — имели свой небольшой запас зерна, который и расходовали от случая к случаю, растирая терочником-пестом на камне. Поэтому в слоях поселения того времени и встречается такое множество орудий этого индивидуального с начала до конца занятия. Лишь после появления возможности хранить долго зерно в специальных больших сосудах, в хлебных ямах, это занятие из особой формы собирательства превратилось в отрасль общественной деятельности — земледелие.

Попытки делать крупные сосуды уже наблюдаются в Н.-Шиловском поселении и особенно в Кистрике. При раскопках последнего нами была обнаружена яма, опущенная из верхней части неолитического слоя в желтую глину на глубину около 1 метра. В ней были найдены остатки перегоревших зерен, потерявших свою форму настолько, что не удалось определить вид злака. Там же был найден цилиндрический топор-клин. Яма имела широкие очертания в верхней части — около 1,5 м и узкое дно, что свидетельствует о первых попытках хранить зерно в ямах, еще не принявших целесообразную форму типичных хлебных ям, имеющих широкое дно и узкое отверстие вверх, удобное для закрывания. Изготовление таких ям стало возможным лишь с помощью металлических орудий.

К сожалению, мы ничего не можем сказать о скотоводстве, так как в силу того, что на террасах Абхазии развиты кислые почвы, костные остатки в них не сохраняются. Во всяком случае, на Кистрикском селище не было случаев находки каменных или керамических пряслиц, что указывало бы на обработку шерсти домашних животных. Возможно, не умея сверлить камень, применяли пряслица из тяжелой древесины самшита.

При анализе основной причины значительного размера и концентрации поселения, обращает внимание огромное, по сравнению с последующим периодом, количество деревообрабатывающих инструментов, о которых уже было сказано. Абхазия была всегда, а в ту пору особенно, лесистой страной с лесными породами прекрасных поделочных качеств. Эти орудия могли употребляться и для постройки жилищ, и для сооружения оград для домашних животных, и для устройства всяких охотничьих приспособлений, таких, как западня, заграждения для гоночной охоты и пр. Но нам кажется, что значительная часть этих весьма дифференцированных, усложненных орудий применялась для строительства рыболовных снарядов, запоней и проч., а также для выдалбливания лодок-однодревок. Большое место среди этих орудий занимают долота и стамески, в том числе желобчатые. Особенно часто мы встречаем в Кистрике цилиндрические клинья разных размеров, которые могли употребляться для раскалывания бревен вдоль, чтобы получить заготовку для лодки. Ведь Кистрикское селище, сейчас расположенное у открытого берега моря, в то время находилось в глубине бухты, защищенной дельтой реки Белой, на что имеются геологические указания. Использование рыбных богатств и было, по нашим догадкам, основой оседлости аборигенов. Можно даже предположить, что изготовление лодок было специализированным занятием местного населения, поставлявшего их и для других поселков этого племени, а заготовка рыбы в срок не только обеспечивала запасы своего коллектива, но могла служить для обмена с соседними коллективами, специализировавшимися на охоте и собирательстве.

Особенно благоприятными условиями для рыбной ловли можно отчасти объяснить большие размеры поселения Кистрик. Оно вытянуто вдоль ручья того же названия, который в эпоху Бугазского этапа Чер-

номорской трансгрессии представлял в нижней своей части глубоко вдававшийся в сушу узкий залив. Воды залива не только опреснялись речной водой, но и сильно охлаждались, так как ручей берет свое начало из группы родников в местности, называемой «Кыстрыкахы», отстоящей от берега моря всего на 1,5 км. По сообщению местных жителей, вода в этом ручье всегда очень холодная, и старики помнят, что к истокам ручья из моря приходило большое количество рыбы — лосося и здесь была хорошая рыбная ловля. Учитывая, что лосось заходит в реки для метания икры с августа по ноябрь, можно судить о хорошем обеспечении жителей Кистрика рыбой. Били рыбу, конечно, гарпунами, т. к. сети у обитателей поселения появились лишь в эпоху энеолита, в слоях которого нами были найдены первые признаки ловли сетями — галечные грузила с выщербинками на противоположных концах.

Естественно поставить вопрос, каким образом делалась заготовка рыбы: только ли одним вяленьем на солнце и копчением? Ответ на это дают несколько фрагментов крупных четырехугольных сосудов, сделанных из грубого теста с примесью крупного песка. Они имели толстый, прямой бортик, а ниже были видны отпечатки грубой ткани или плетенки. Хотя они были найдены А. Л. Лукиным и мною не в слое, а на поверхности селища в большом количестве, они, безусловно, древнее и архаичнее подобных сосудов, найденных мною в ранне-энеолитическом слое при раскопках 1963 — 1964 гг. в Кистрике. Таковы были первые известные нам, не найденные пока нигде, кроме Абхазии, сосуды, служившие для выпарки соли из морской воды. Потом, в гораздо большем количестве, они будут применяться в эпоху поздней бронзы, на поселениях которой они и были впервые изучены автором¹³. Соль была крайне необходима жителям Кистрика для всякого рода мясных и рыбных заготовок и, вероятно, стала добываться здесь из морской воды уже в конце неолита.

Одежду жителей поселения, по всей вероятности, составляли для зимнего периода сшитые или цельные шкуры. Как уже было сказано, костяные изделия не могли сохраниться, благодаря почвенным условиям, но случайно было найдено мною и А. Л. Лукиным несколько зацементированных в галечнике природным известковым раствором костяных предметов; все они оказались проколками — незаменимым орудием для сшивания шкур. В летней одежде жители, вероятно, не очень нуждались, но требования этикета и свойственные человечеству наклонности к щегольству, вероятно, были одной из причин появления первых одежд из ткани, следы которой отпечатались на стенках сосудов для изготовления соли. Эта ткань имела толстые нити основы, а также довольно грубые нити утка. У нас нет уверенности, что для утка применялась шерсть, возможно, что нити скручивались из волокон дикого льна или крапивы. В Кистрике, так же, как и в Н. Шиловке, было найдено много кремневых проколов с тонким жальем, которые могут указывать на употребление для одежды рыбьей кожи.

К сожалению, у нас нет никаких сведений ни о физическом типе, ни о этнической принадлежности, ни о религии этого населения: могильник при огромном Кистрикском селище еще не найден, а он мог бы ответить частично на эти вопросы. Остаются лишь общие предположения. Как мы уже говорили раньше, местное происхождение неолита можно считать доказанным. Культура Кистриковского поселения развивалась

¹³ Л. Н. Соловьев. Древние промысловые поселения с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. «Советская археология», т. XI, Л.-М., 1950.

постепенно, с полной преемственностью, и никоим образом не следует, что обитатели поселения принадлежали какому-то чуждому населению. В этом отношении важно и то обстоятельство, что население Кистрика, жившее недалеко от знаменитых Гудаутских устричных банок, не употребляло в пищу устриц, подобно населению Средиземноморья и южного берега Черного моря. Но далекие связи, которые здесь зафиксированы хотя бы в наличии небольшого количества обсидиановых орудий, несомненно, привозных, позволяют сделать догадку, что бурное развитие техники шлифования могло стимулироваться связями с передовыми обществами юга Закавказья, где, вероятно, будут впоследствии найдены стоянки неолита этой стадии. Две мотыжки, имеющие оформленные, хотя еще зачаточные, черешки для вставления в рукоять, если они окажутся неолитическими, могут напомнить подобные орудия из земледельческих поселений Малой Азии или поселения Хассуна в Месопотамии, но развитие на этом побережье они получили лишь в последующую энеолитическую эпоху. На связи, идущие в том же направлении, показывает сходство оформления ножей и трапечей обеих наших стоянок и оформления, применявшегося в натуфийских стоянках Палестины¹⁴. Такое же внимание в этом отношении вызывают две кирки из кремня прекрасной обработки и формы. Поиски связей в культуре в другом, северном и северо-восточном направлениях, вряд ли могут дать положительный результат. То, что нам известно пока о неолите Крыма и Северного Причерноморья, говорит об отсутствии там соответствующей стадии неолита. В Крыму шлифованные орудия появляются даже не в неолите, а в начале бронзового века и являются там пришлыми со стороны формами. Керамика неолита Северного Причерноморья остродонна и аналоги нашим глиняным сосудам надо искать только в Южном Закавказье и в Малой Азии.

В качестве одной из причин отсутствия связей в северо-западном направлении могут служить особенности геологической истории побережья. Можно предположить, и к тому есть основания, что когда-то к северо-западу от Абхазии, вплоть до Анапы существовала такая же низменная полоса, как и в Абхазии. Речь идет о морской Черноморской террасе, созданной в процессе развития древнечерноморской трансгрессии. Ее проявления в более северных частях побережья недавно установлены П. В. Федоровым¹⁵, проследившим ее до Анапы и приписавшим ей Новочерноморский возраст. Здесь было бы неуместно приводить доказательства, почему название «Черноморская» больше подходит для этой более древней, чем считает П. В. Федоров, террасы. Нас сейчас интересует только тот несомненный факт, что на всем пространстве от Сочи до Новороссийска и далее море ведет особенно энергичное наступление на берег и давно уже поглотило аккумулятивную здесь выносами рек низменность. Таким образом, вероятно еще до эпохи неолита было прервано наиболее удобное сообщение с Таманским полуостровом и Крымом. Доступы же к перевалам в те времена, при малой населенности обоих склонов Главного Кавказского хребта, представляли девственную глушь и не открывали удобной возможности сообщений. Все это заставляет нас считать, что неолит Абхазии, имея самобытное развитие, входил в круг сходных культур Передней Азии и Закавказья.

¹⁴ А. А. Формозов. Каменный век Прикубанья. М., 1965, стр. 57—58.

¹⁵ П. В. Федоров. О современной эпохе в геологической истории Черного моря. Доклад в Академии наук СССР, 1956, т. 110, № 5.

Здесь приходится учитывать, что в ту эпоху Главный Кавказский хребет был фактором, препятствующим развитию культурных связей, ввиду чего в Крыму не оказалось стадии развитого неолита, отвечающей только что описанным стоянкам.

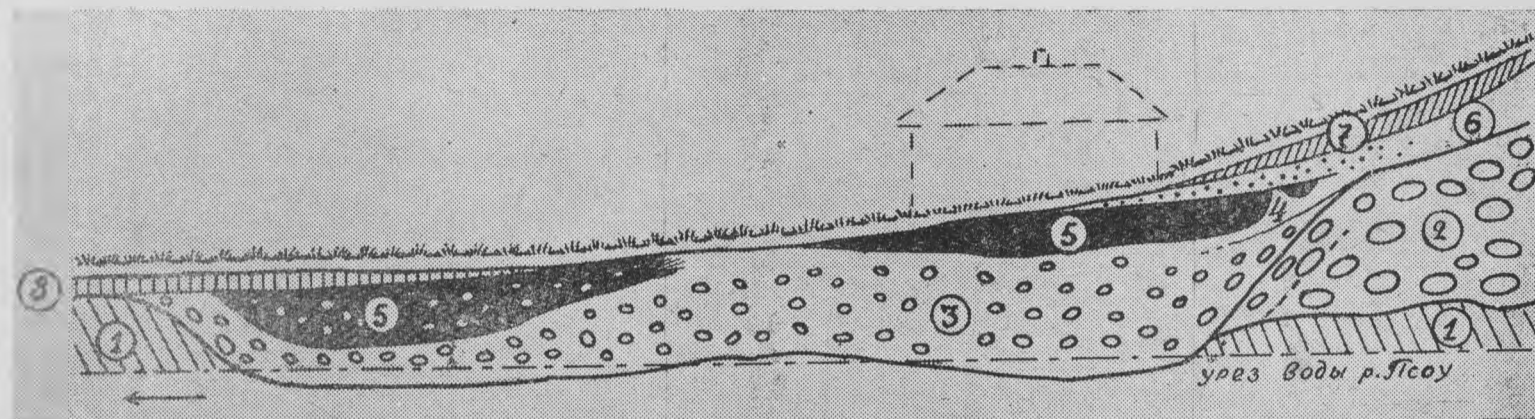
В этом можно видеть прекрасное подтверждение важного положения о неравномерности развития; вместе с тем здесь объясняется и географическая причина этого явления. Уже с конца оледенения можно установить значительное отставание Крыма. Если считать, что последнее оледенение Северо-Западного Кавказа и отмеченное в крымской поздне-палеолитической стоянке Сюрень (нижний слой) появление березы и арктической фауны по времени совпадали, то у нас имеется основание сопоставить по времени поздне-палеолитические памятники Крыма и ранне-мезолитические памятники Абхазии, относящиеся ко времени последнего оледенения. Е. П. Векилова¹⁶ объединяет по инвентарю и по времени верхний слой навеса Сюрень I и азийские слои крымских же пещер Сюрень II, Шан-Коба, Буран-Кая, Таш-Аир в одну целостную группу азийских стоянок. Мы с ней сопоставляем слои Б₁ и Б₂ стоянки Хупынипшахва (Холодный грот), также характеризуемой гарпунами и относящейся к мезолиту. В это время развитие позднего мезолита Крыма уже отставало, как мы упоминали в начале статьи, от Закавказья. В то время, как Крым в дальнейшем переживал медленную эволюцию от азилия к тарденуазу, в Абхазии быстро обозначилась новая линия развития, приведшая к появлению неолитических стоянок типа Нижне-Шиловской и Кистрик. Поэтому в нашей хронологической схеме эти стоянки противостоят Крымскому тарденуазу.

Неолит наступает в Крыму с опозданием не менее чем на 600 лет, и, когда он развивается в Крыму, в Абхазии ему противопоставляются поселения эпохи энеолита. При этом надо отметить, что на Северном Кавказе и в Приазовье столь сильного запаздывания неолита по сравнению с Закавказьем, по-видимому, не наблюдается.

Датировка неолитических поселений Кистрик и Нижняя Шиловка вряд ли сейчас может быть дана в узких хронологических пределах.

Изучение геологических условий позволяет неолитический слой Кистрика отнести к Бугазскому ускорению Черноморской трансгрессии, датируемому концом V и первой половиной IV тысячелетия, Нижне-Шиловское поселение к началу последующей регрессии, имевшей место между Бугазским и Витязевским ускорением, а энеолитический слой Кистрика к дальнейшему развитию этой регрессии, которую можно в целом датировать второй половиной IV тысячелетия до н. э.

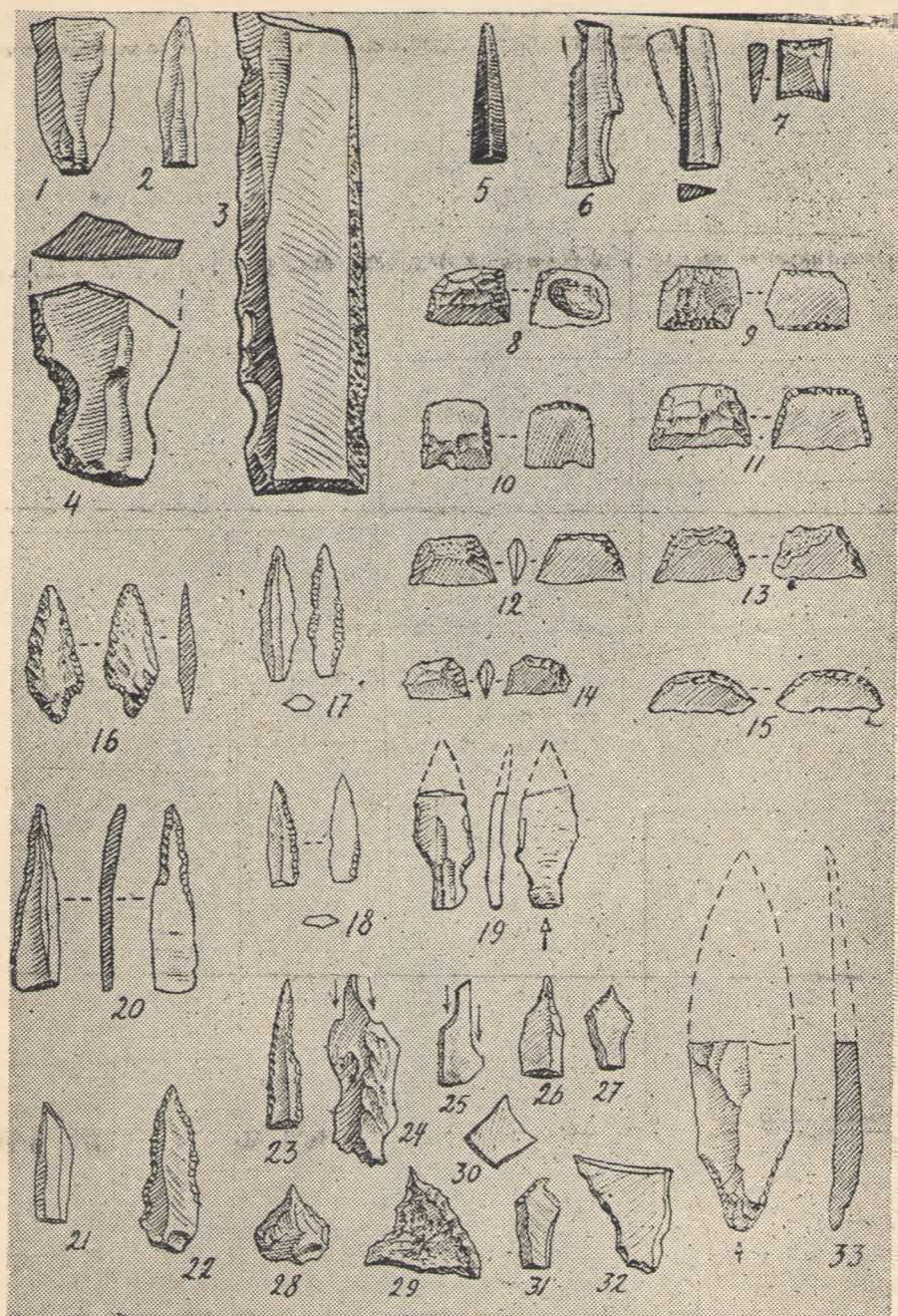
¹⁶ Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий, МИА, в. 50, М.-Л., 1957. Она же. К вопросу о свидерской культуре в Крыму (стоянка Сюрень II), КСИА, в. 82, М.-Л., 1961.

Разрез отложений Нижне-Шиловской стоянки:

- 1 — третичные глины; 2 — галечник 10-метровой террасы; 3 — галечниковый делювий 1-й генерации; 4 — суглинок желтый, делювий 2-й генерации; 5 — культурный слой; 6 — суглинок темно-серый, делювий 3-й генерации; 7 — суглинок палево-серый, делювий 4-й генерации; 8 — супесь коричнево-серая (отложение поймы).

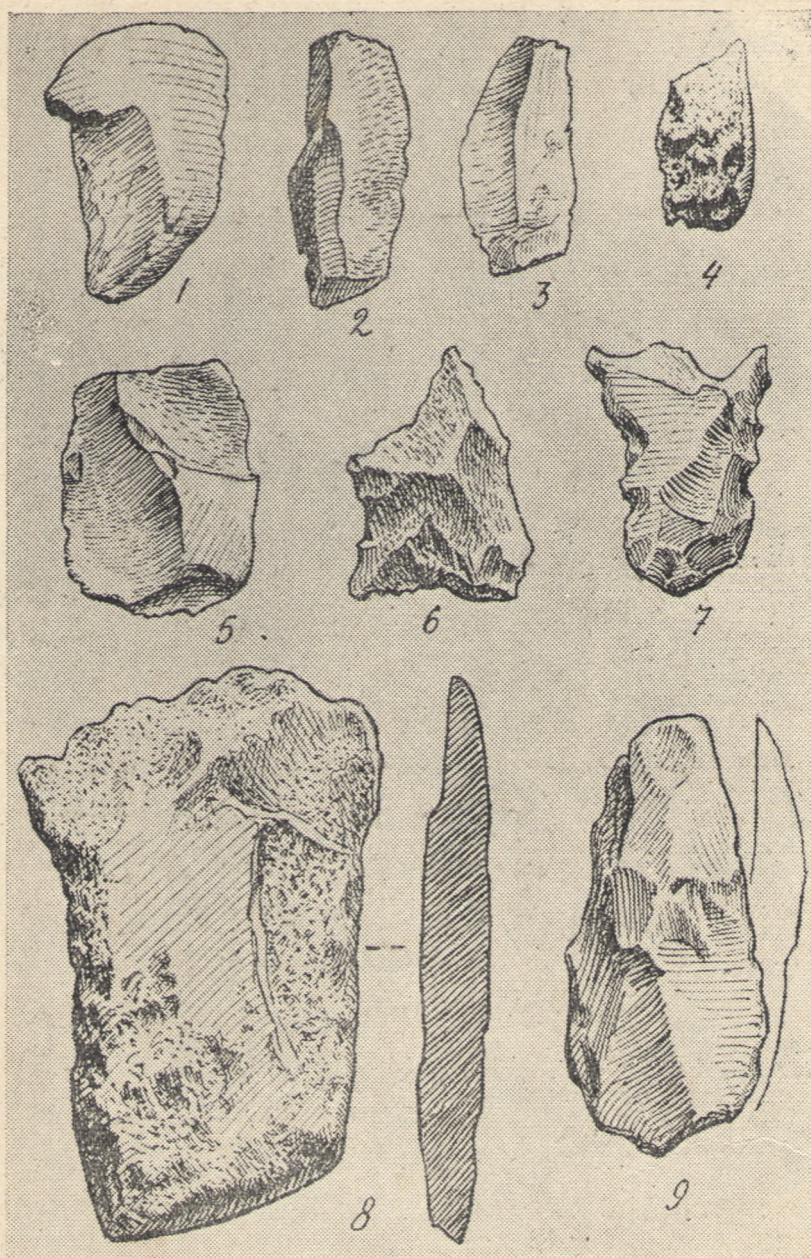
Табл. I

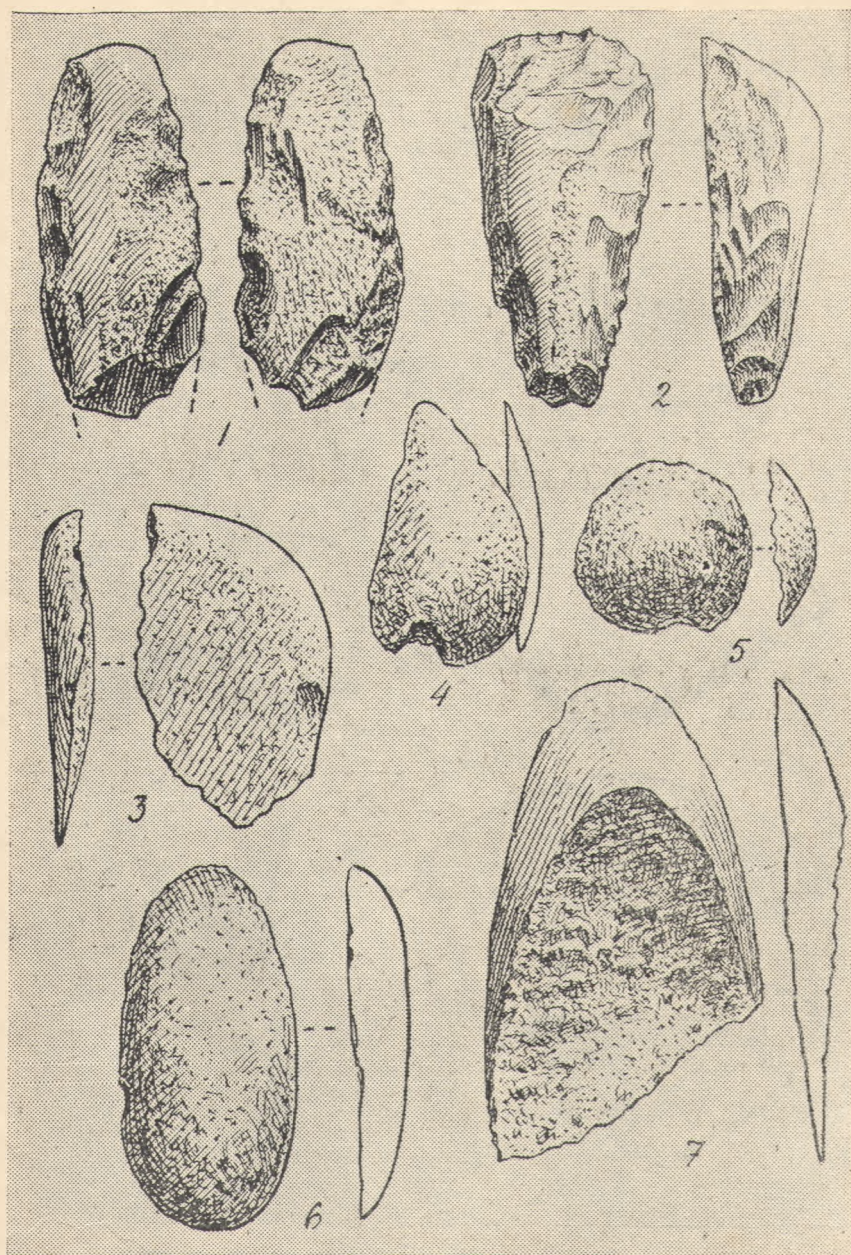
Кремневые орудия из Нижне-Шиловского поселения:
1—4 — пластинки и пластины; 5 — пластинка из обсидиана; 6 — пластинка с выемками; 7 — клиновидные вкладыши; 8 — 14 трапеции; 16 — сегмент; 16—19 — наконечники стрел; 20, 22 острия прямые; 21 — острие косое; 23 — 32 — проколки; 33 — наконечник дротика.

Кремневые орудия из Нижне-Шилговского поселения:
 1—15 резцы; 16—21 — резчики; 22—24 — зубцы; 25—26 — скребки; 27—32 —
 пилки.

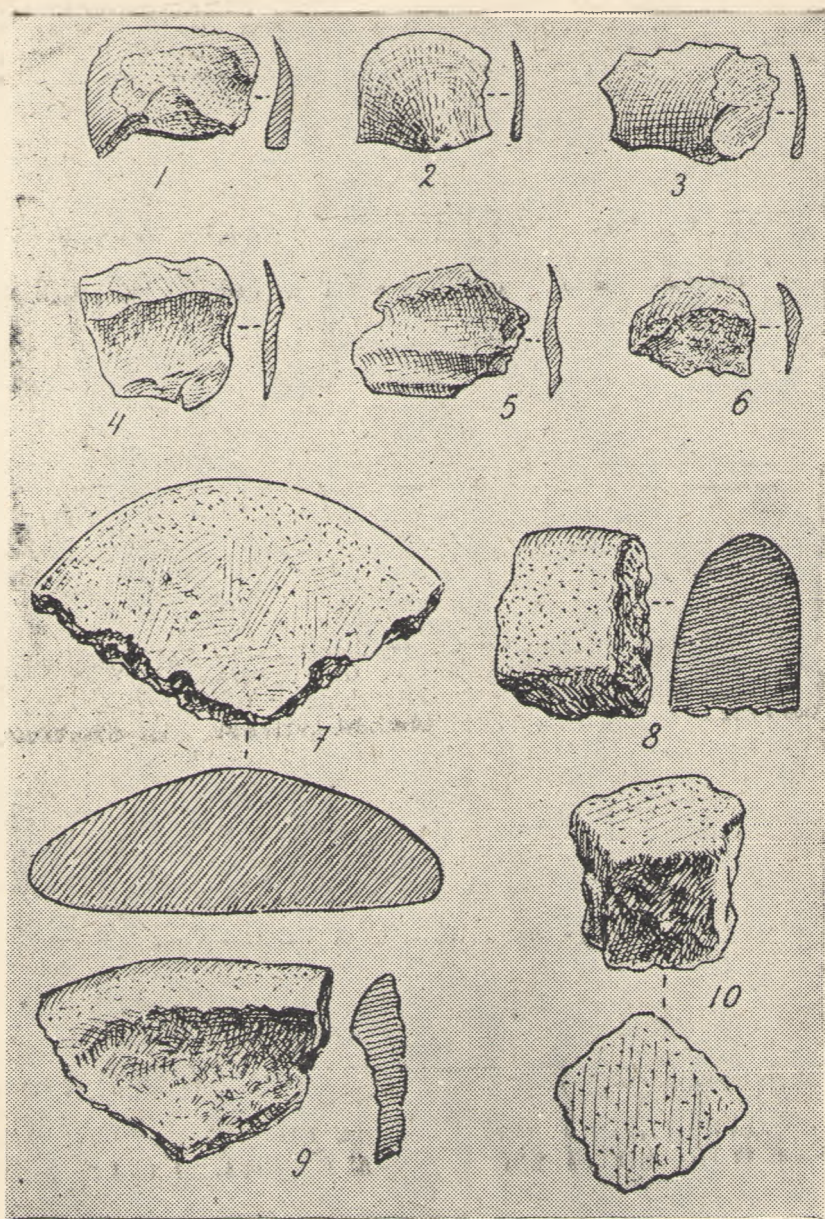

Орудия из сланца из Нижне-Шиловского поселения:
1—3 — пластины; 4 — «ломтик»; 5 — резчик; 6—7 — зубы; 8—9 — мотыги.

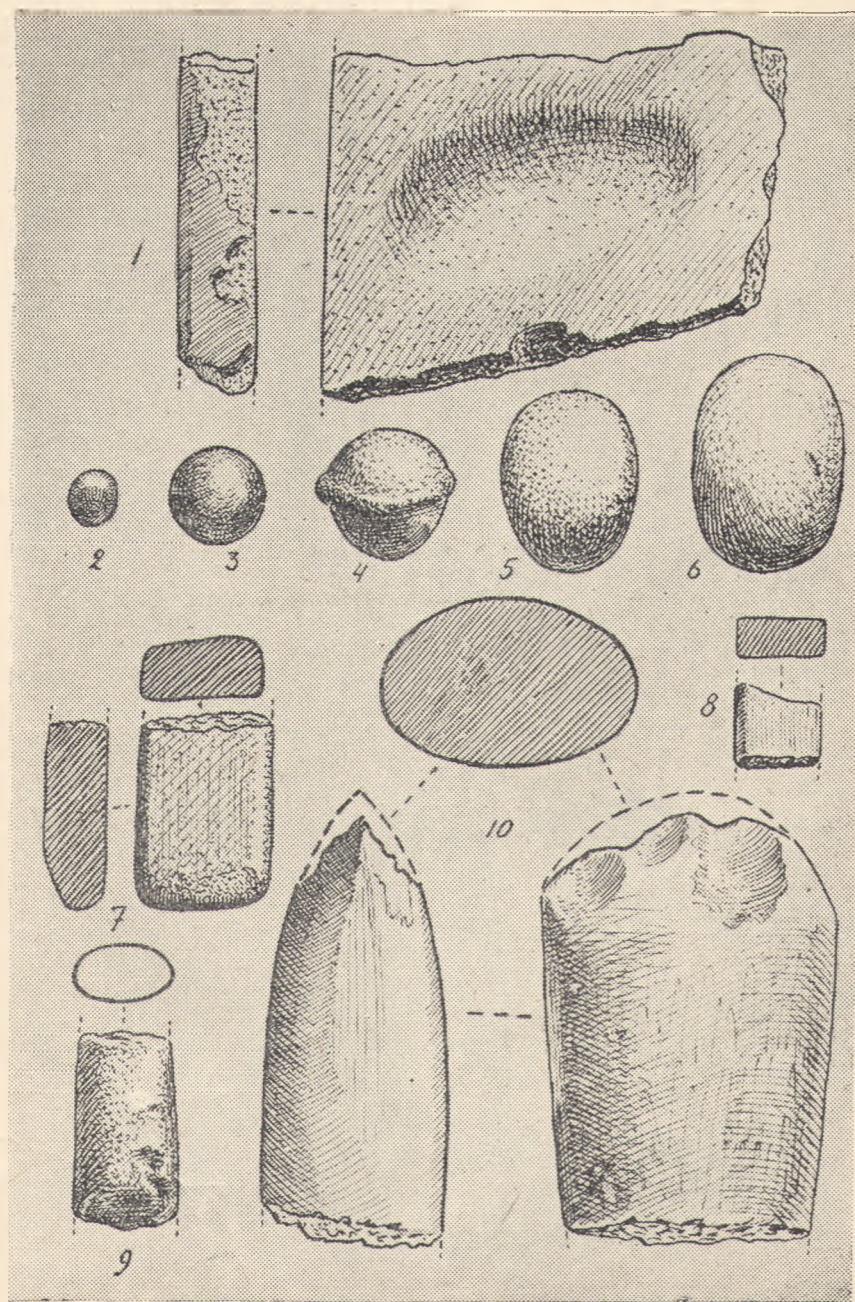

Орудия из сланца из Нижне-Шиловского поселения:
1—2 — мотыги; 3 — резак; 4 — листовидный скол; 5 — круглый скол; 6 —
овальный скол; 7 — копытовидный скол.

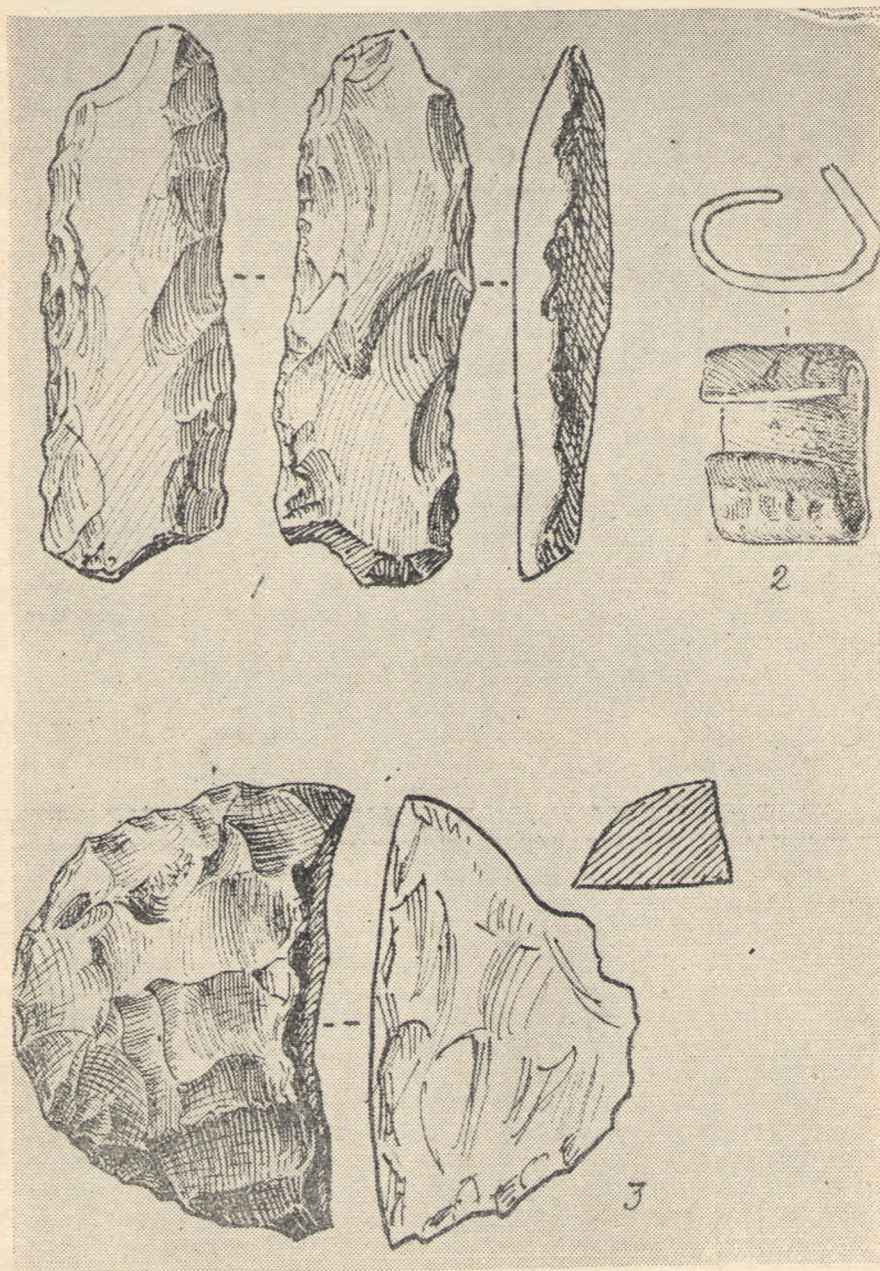
Табл. V

Орудия из сланца из Нижне-Шиловского поселения:
1—6 — лезвия; 7 — терочник секторный; 8 — терочник языкообразный; 9 —
долбленая галька; 10 — терочник призматический.

Орудия из сланца из Нижне-Шиловского поселения: 1—то-
чило; 2—6—каменные шарики; 7—8 — бруски; 9—фрагмент шлифованного
орудия; 10 — топор-клин.

Орудия из поселения Кистрик:
1 — мотыги из кремня; 2 — обоймица из свинца; 3 — фрагмент орудия из кремня.

ЦКЕЛКАРИ (АЦКАР)

Расчистка памятника Ацкар была начата в 1962 г. в августе месяце, а завершающие раскопки были проведены через год, в 1963 г.

Этот, неизвестный до настоящего времени в научной литературе памятник, был обнаружен экспедицией Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР в 1962 г. при содействии Очамчирского учителя Севериана Ашвамба и местного жителя Трифона Лагвилава.

Памятник находится в поселке Цкелкари в сел. Речхо-Цхири (Гальский р-н), в 20 км к с.-в. от г. Гали и расположен на краю поселка на выравненной площадке склона, в густых зарослях деревьев, кустарника, колючек и папоротника. Отсюда на юг и запад открывается широкая панорама на долину реки Эрис-Цкали — будущее Ингурское водохранилище. Дальше видны одни за другими цепи гор, на ближайшем гребне четким силуэтом вырисовывается на фоне неба башня укрепления Сатанджо.

К. С. Шакрыл объясняет значение названия «Ацкар», приводимое местными стариками (напр., почти столетним Иуа Лагвилава), как «край, граница, рубеж», что и в действительности соответствует месторасположению памятника. Название же *წიკელკარი* рассматривается им как языковая трансформация этого абхазского топонима.

Памятник в настоящее время сильно разрушен. Тесаные камни его облицовки издавна использовались окрестными жителями как строительный материал, сохранившиеся же стены были на глубине до трех метров скрыты под обломками рухнувших камней и накопившимися в течение многих лет слоями перегноя и наносов.

Поэтому при первом осмотре на месте можно было увидеть только лишь лежащие среди зарослей отдельные квадры чисто тесаного камня и забутовки, фрагменты с резьбой и остатками стенной росписи.

Из камней особого внимания заслуживал находившийся прежде над дверным проемом большой, длиной около 1,5 м, архитрав, украшенный человеческими фигурами. Камень этот был одним из окрестных жителей помещен в цоколь дома, в настоящее время он перевезен нами в Сухумский государственный музей.

Проведенная (как предварительная, так и окончательная) расчистка памятника показала, что он представляет церковь зального типа с приделами с севера и с юга (рис. 1). Все эти три помещения имеют одинаковые по ширине (85 см) самостоятельные входы с западной стороны, причем в среднее помещение вход через имеющийся западный притвор.

Среднее помещение сообщается с боковыми широкими арочными проходами.

Во всех трех помещениях полукруглая абсида с заплечиками. В боковых помещениях примыкающие к среднему зданию заплечики шире, возможно, для создания пяты свода этих помещений.

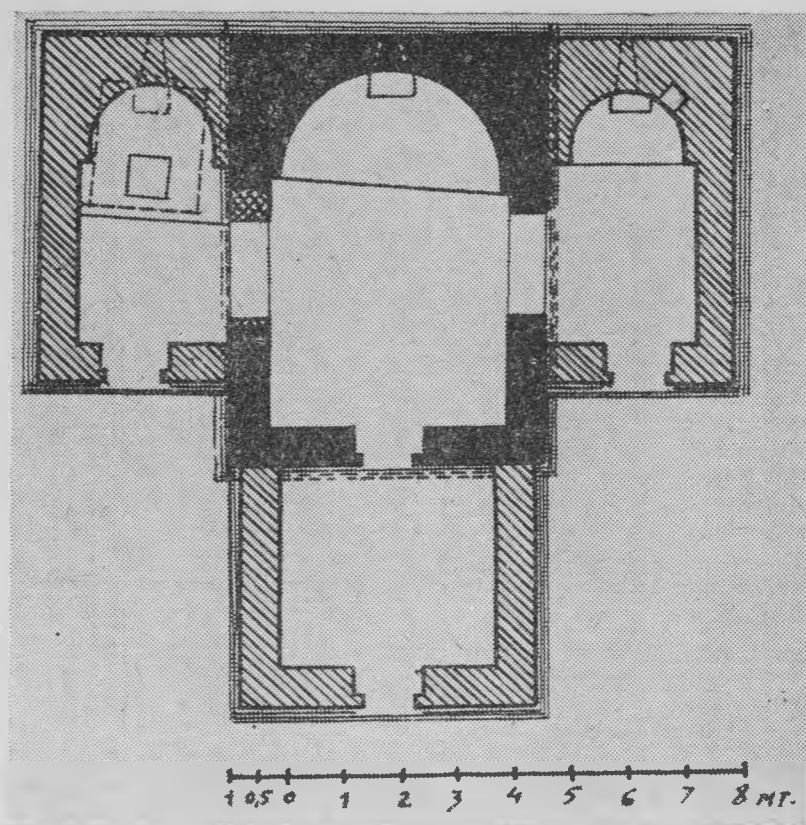

Рис. 1.

В северном приделе под алтарной абсидой, площадка которой приподнята на 50 см выше всего пола, имеется склеп глубиной до 1,6 м, перекрытый коробовым сводом, который как и стены выложен чисто тесаным камнем. Пол склепа также из каменных плит.

Склеп имеет вход сверху через квадратный люк, закрытый каменной плитой с железным кольцом посередине.

В склепе было четырнадцать человеческих костяков без какого-либо инвентаря.

Изучение памятника показывает, что хотя боковые и западная пристройки составляют зрительно одно целое со средней частью и мыслились с учетом создания единства, постройки эти не единовременны.

Об этом говорит несовпадение ступенек цоколя центральной части и боковых пределов и по размеру, и по количеству (в центральной части по вост. фасаду две ступени, в боковых помещениях по три), а также и то, что ступени цоколя идут сплошь по всему периметру средней части.

Об этом говорит и то, что в местах примыкания к стенам среднего помещения боковых построек нет не только перевязки, но эти стены на всем протяжении, как и под торцами примыкающих стен, имеют одинаково чисто тесаную поверхность.

На разновременность, как это будет сказано дальше, указывают и стилистические различия декоративного убранства фасадов и, наконец, палеографический материал. Наиболее ранней частью комплекса является средняя церковь.

В плане она представляет несколько вытянутый по направлению запад-восток прямоугольник со сторонами 5,6 x 7,6 м по наружному периметру.

Толщина стен около 80 см. Стены снаружи и изнутри облицованы чисто тесаными и тщательно пригнанными прямоугольными квадратами белого известняка. Пространство же между облицовками стен заполнено обломками колотого камня на известковом растворе.

Тщательность облицовки осуществлена очень тонкой подгонкой камней без заполнения края швов раствором.

Вдоль стен всего помещения идет ступенька, поднятая над уровнем пола на 17 — 18 см, а у южной стены на 25 см и имеющая ширину до 5 — 7 см. Пол алтарной абсиды поднят выше уровня пола церкви на 20 см одной ступенькой. По краю ступени абсиды сохранились следы алебастровой алтарной преграды.

У абсиды небольшие заплечики шириной до 12 см; наверху заплечиков, у начала триумфальной арки, имелись капители сложного профиля.

В абсиде помещен прислоненный к стене алтарь. Он имеет глубокую нишу, образованную плитами, из которых сложены стенки алтаря; над нишей нацарапана четырехстрочная надпись асонтаврули.

В плане церкви привлекает внимание одна особенность. Ось абсиды сильно (на 8°) отклонена к югу по отношению к оси всей постройки.

Если не считать причиной такого искажения плана просто ошибку строителя, возможно, что здесь нужно усмотреть изменения в планировке, связанные с зависящим от времени года изменением места восхода солнца, служившего ориентиром при постройке церкви.

В церкви три входных проема. Один западный — совершенно гладкий, без какой-либо разделки. Порог его находится на уровне нижней ступеньки наружного цоколя. Вторая же ступенька этого цоколя, не прерываясь у входа, образует у наружной стороны стены дополнительный порог, имеющий в разрезе квадратное сечение.

Северный и южный проемы, соединяющие среднюю часть с боковыми, несут следы переделок. Первоначально эти арочные проемы имевшие как в своей вертикальной, так и в закругленной части подчеркивающую прямоугольную выемку угла (3 x 3), были не одинаковы по ширине, что было следствием отмеченного выше отклонения продольной оси здания. Южный проем имел ширину 1,85; северный — 1,55 м.

Позже проемы были переделаны и сужены, причем уже без учета обрамляющей выемки угла. Камни с этой выемкой углов используются уже как попало, не по назначению.

Орнаментация внутри средней церкви очень скупа. Внутри помещения она сводится к наличию пары профилированных полочками и валиками капителей при триумфальной арке абсиды, снаружи — к орнаментированной бровке окна восточного фасада и орнаменту того же мотива обрамления окна западного фасада.

На восточном фасаде бровка, состоящая из двух валиков и ряда кружков между валиками, венчает дугой вершину окна, а затем переходит на короткие горизонталы, причем у нижнего валика, имеющего меньшую окружность, эти горизонталы короче, у верхнего — длиннее (табл. I, 1).

Концы горизонтальных борозд, образующих валики, не соединяются, но сходят на нет, от чего каждый из валиков оказывается как бы соединенным с поверхностью стены.

Такое решение мотива валиков навершия окна очень оригинально и, возможно, говорит о каких-то чисто местных традициях.

Каждый кружок с конусовидным углублением посередине. И валики, и кружки, все заподлицо с поверхностью стены заглублено до 0,5 см.

В обрамлении западного окна использован тот же мотив (табл. I, 2), но здесь орнаментальная полоса, состоящая из тех же валиков и кружков, огибая навершие окна, спускается, причем орнамент не обрамляет его кругом; здесь полоса, не доходя до низа окна, обрывается.

Для рассматриваемого мотива декора у нас есть параллель в декоре церкви в сел. Агара в Джавахети, датированной X в., близок к нему также мотив навершия с ц. Сагамо, также X в.¹

Очень характерна для этого же времени манера исполнения орнамента. Если для нанесения первоначального рисунка на поверхность стены резчик пользовался и циркулем и линейкой (что видно на одном камне начатом, но после оставленном и примененном просто как строительный материал), то в процессе работы он уже не следовал точно этим линиям циркуля и линейки, что видно на одном из фрагментов западного окна, где линия циркуля не тронута, а округлость вырезана помимо нее. Поэтому круги не кажутся сухими, мертвыми как чертеж, но в них все время чувствуется жизнь, трепет живой руки мастера. Также исполнены и валики. На них чувствуются неровности от прохождения инструмента резчика. Живость орнаменту придается и тем, что в нем нет строгой правильности в расстановке кругов. На восточном навершии окна два соседних круга находят друг на друга и частично пересекают друг друга.

Возможно, что первоначально храм не предполагалось покрывать росписью. Так позволяет думать очень чистая, гладкая обработка камня, тщательная кладка его с пригонкой швов.

Впоследствии внутри помещения была сделана роспись. При этом необходимо указать, что роспись неодновременная. Более ранняя, под слоем более поздней, встречается на отдельных камнях, тех, которые были в конхе и стенах абсиды, в то время как на остальных стенах нигде этой двухслойности не наблюдается. Это дает основание предполагать, что первоначальная роспись была только в абсиде алтаря.

Роспись нижнего слоя исполнена на очень тонком слое (не более 1 мм) штукатурки сероватого цвета, состоящем из известкового раствора с примесью очень мелкого серого песка. В большей же части красочный слой лежит прямо на камне, без штукатурки, только с легкой перетиркой.

Второй слой росписи на значительно более толстом слое штукатурки белого цвета, с очень небольшой примесью мелких песчинок. К этому второму слою относится в основном вся роспись церкви, первый же слой сохранился лишь на двух отдельных упавших камнях и только форма этих камней и фрагменты рисунка дают возможность определить их местонахождение.

На одном из камней, имеющем вогнутую поверхность, сохранился очень слабо нанесенный краской фризовый орнамент в виде т. н. «гармошки». В отдельных местах этот рисунок покрыт обрывками более поздней штукатурки.

Этот орнамент мог идти в виде горизонтального фриза, разделя-

¹ Р. О. Шмерлинг. Грузинский архитектурный орнамент. Тбилиси, 1954, стр. 45, рис. 3.

ющего регистры в абсиде. Такое назначение этого фриза подтверждается вычислением радиуса дуги кривизны камня; радиус этот равен 2,06 м, что при не совсем правильной форме абсиды для некоторых ее частей соответствует ее очертанию.

На другом камне на нижнем слое две желтые перекрещивающиеся ленты на красном фоне (табл. II, 1). Ленты заполнены очень тонким орнаментом, в виде четырехлепестковых розеток в квадратах, нанесенных коричневыми линиями. Поверх этого слоя, на втором слое, очень толстыми линиями с применением черного и белого по серовато-сиревому фону различаются крылья ангела, что позволяет предположить, что и внизу было изображение ангела в лоратом одеянии (табл. II, 1).

Этот камень интересен тем, что имеет угол перехода на поверхность триумфальной арки и показывает, как была она орнаментирована первоначально, а именно двумя линиями и косыми штрихами, образующими как бы валик (рис. 2). На втором же слое орнамент — S-образный фриз, нанесенный черной краской на белый фон.

Рис. 2.

Тематика росписи стен частично восстанавливается путем изучения сохранившихся на стенах фрагментов росписи и упавших камней с росписью.

На двух из камней конхи абсиды сохранилось собирающееся в одно целое изображение шестокрыла с лицом ромбовидного очертания. На другом камне, также с конхи — изображение очень большой руки, держащей открытую книгу с обрывками букв. Все это дает основание утверждать, что здесь изображен был Христос на троне с книгой, в окружении ангельских чинов и, возможно, в сопровождении предстоящих богоматери и крестителя, т. е. так наз. «Деисус».

Из росписи второго слоя отметим сохранившиеся в абсиде следы ряда фигур, обращенных к центру. Из них, яснее других фигура в крещатом одеянии. Это указывает на то, что здесь в нижнем регистре шел святительский ряд.

В откосе дверного проема из средней церкви в южный придел был изображен ктиор — светское лицо, фигура, стоящая фронтально в молитвенной позе с открытыми ладонями вперед на уровне груди (табл. II, 2).

Нижняя часть этой фигуры на поверхности откоса, верхняя же сохранилась на упавшем камне. У ктиора округлое безбородое лицо с длинными усами. На голове круглая красная шапка с коричневой каймой, украшенная белыми жемчугами.

На нем украшенное геометрическим узором и жемчугом длинное одеяние вроде халата, одетое поверх нижней, полосатой одежды.

Надпись асомтаврули указывает, что изображенный — Чичуа, представитель одной из княжеских фамилий феодальной Западной Грузии.

Так же частично сохранилось ктиорское изображение откоса северного бокового проема; причем в отличие от предыдущего, у этого, кроме длинных усов, еще черная борода. Часть лица, воротника и туло-

вища сохранилась на упавшем камне, другая — нижняя часть фигуры — очень слабо видна в виде небольших остатков на поверхности откоса.

На противоположном откосе того же проема очень фрагментарно сохранились следы двух фигур: высокой, — в той же позе, что и Чичуа, и низкой, видимо детской, в позе оранта. Возможно, что это жена и ребенок ктитора. Изображение еще одного ктитора сохранилось на другом упавшем камне. Лицо с округлой черной бородой и длинными усами. На голове высокая, яйцевидная красная шапка с широким желтым краем, украшенным жемчугами. Руки в том же положении, что и у Чичуа.

Отсюда можно сделать заключение, что ктиторских изображений было больше, чем те, которые сохранились в виде остатков на стенах или на упавших камнях.

На северной стене, как и на противоположной ей южной, в промежутке между западным углом и боковым проемом изображены по две фигуры (рис. 3). Это крупные, больше человеческого роста фигуры, очень импозантные в своей строго фронтальной позе, с традиционным положением рук, при котором одна рука приложена ладонью к груди, другая с прижатым к телу локтем протянута по направлению к алтарю. Обе ноги повернуты в одну сторону, к алтарю.

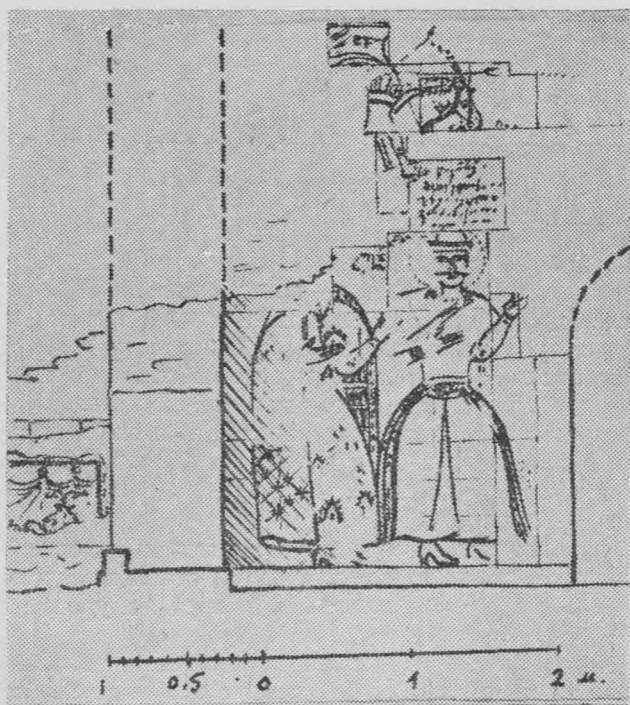

Рис. 3.

Стена с этой росписью сохранилась только частично, но отдельные, упавшие камни с росписью позволяют восстановить почти полностью и облик изображенных ктиторов, и то, что находилось выше них. У ктитора безбородое лицо с очень длинными прямыми усами, характерный рисунок носа, подчеркнутая нижняя губа. На голове шляпа с высокой

красной тульей и стоячими желтыми полями, на которых в беспорядке расположены большие красные круги. Шляпа украшена жемчугами. Голова окружена большим синим нимбом, так же украшенным по краям жемчугами.

На изображенном длинное, доходящее до щиколоток одеяние, сильно суженное в талии и с большим колоколообразным расширением и разрезом спереди от пояса вниз. На груди же разрез, идущий наискось вниз, слева направо.

Очень плотно обтягивающие рукава заканчиваются манжетами с узором и с жемчужным окаймлением. Талия низко опоясана двойным кушаком с бахромой и поперечными полосами. Концы его, спускаясь по бокам, доходят почти до низа одеяния, ноги обуты в красные сапоги на высоких каблуках.

Женская фигура сохранилась значительно хуже, и даже камня, на котором было лицо, вообще нет. На ней длинное, облегающее торс и руки, так же как и у мужчины спускающееся колоколообразно до щиколоток платье.

Однако в отличие от мужского, это одеяние не имеет разреза, кроме короткого, идущего посередине от шеи вниз. На плечи накинут длинный плащ, сверху покрытый геометрическим орнаментом, с изнанки — узором, который, по определенным аналогиям, может быть принят за подбивку горностаевым мехом².

На противоположной стене симметрично расположена такая же пара, в таком же одеянии, но другой расцветки. Так, на южной стене у ктитора красное одеяние с темно-сиреневым орнаментом, а у его жены зеленое с желтыми и синими узорами. На южной стене краски меняются местами. Здесь интересно отметить следующее: изображения светских лиц на боковых стенах значительно крупнее, чем те, что были на откосах, одежда их отличается большим богатством. Головы их (судя по сохранившемуся изображению) украшены нимбами, в то время как у тех нимбов нет. Все это дает основание считать, что изображенные на боковых стенах — это более высокопоставленные лица, чем изображенные на откосах местные феодалы Чичуа: возможно, они члены этой же фамилии, но находящиеся при царском дворе, или же правители, жившие во время расписывания этой церкви. К сожалению, фрагментарные надписи асамтавури, сохранившиеся на камне с изображением головы одного из этих лиц, не дают возможности ответить на вопрос, кто эти лица.

На западной стене по сторонам входа были изображены по одному святому воину (от росписи на этой стене осталась только нижняя часть), а рядом с ними, значительно меньшие чем они по размеру — фигуры светских лиц в длинных одеяниях и красных сапогах с каблуком, фигуры эти меньше, чем изображенные на боковых стенах. По размерам и одеяниям они одинаковы с изображениями на откосах боковых проемов, и, нужно полагать, так же как и те являются членами семьи Чичуа. Как показывают найденные при расчистке камни с сохранившейся на них росписью, над головой изображенного на северной стене светского лица была большая пятистрочная надпись мхедрули — молитвенное обращение к святому Георгию. Выше этой надписи находилось фрагментарно сохранившееся изображение всадника на скачущем в сторону алтаря коне. Всадник стреляет из лука стрелой с раздвоенным наконеч-

² Например, отделка плаща у Виршела Эристава. см. *მეხნია ზ. ძეგლი ერისთავთა* Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 30. Тбилиси, 1954, стр. 311.

ником. На отдельном камне, на котором изображена часть головы всадника и его нимб, имеются буквы асомтаврули, составляющие конец слова. [ᲑᲑᲗ] ᲑᲑᲗ. Это позволяет определить, что здесь изображена сцена охоты святого Евстафия (рис. 3, сверху).

Согласно «Жития святых», Евстафий, до крещения Пласида, был римским полководцем во время императора Адриана. Он жестоко преследовал и истреблял христиан. По легенде, однажды во время охоты он гнался за оленем и пустил в него стрелу. Но стрела вернулась обратно к нему, а между рогами оленя он увидел лик Христа, говорящего ему: «Пласида, зачем преследуешь меня?» Это чудо заставило его уверовать и креститься, за что впоследствии он и принял мученическую смерть. Причисленный к лику святых, Евстафий сделался покровителем охотников, возможно, став христианской трансформацией прежних языческих верований этого культа.

Здесь небезынтересно отметить следующее: еще до того, как была найдена роспись с Евстафием, житель того поселка, почти столетний Иуа Лагвилава рассказал, что от старых людей он еще мальчиком слышал, будто на стене этой церкви был раньше когда-то давно изображен святой Георгий на коне, стреляющий из лука стрелой «бордзала». Поскольку такого изображения святого Георгия в иконографии не существует, это сообщение было принято как легенда.

После же того, как действительно было найдено изображение всадника — святого Евстафия, — стреляющего из лука, стало ясно, что в сознании народа, где святой Георгий был значительно больше известен и популярен чем святой Евстафий, последний был переосмыслен в Георгия, взявшего на себя кроме своих, еще и его функции. Это подтверждает и молитвенная надпись под изображением Евстафия, адресованная святому Георгию, исполненная почерком мхедрули и очень фрагментарная.

Чудо на охоте святого Евстафия изображалось очень часто. Эта сцена в виде барельефа представлена на стеле у пещерного монастыря Натлис Цемели в Давид Гареджи; стела, датированная акад. Г. Н. Чубинашвили VI — VII вв.³ В Эртацминде, в ц. св. Евстафия дат. VIII в. на зап. фасаде на пилястре колоны также изображение св. Евстафия на охоте. Очень часто эта же сцена встречается на стенных росписях сванских церквей (напр., наружная роспись в ц. Ипрари).

В Абхазии эта же сцена имеется среди изображений на барельефной плите из Цебельды рубежа VII — VIII вв.⁴

Вскоре после камней с изображением Евстафия был найден также камень, на котором сохранилось изображение головы оленя, дополняющее сцену чуда на охоте.

При этом интересно отметить, что в отличие от обычных для этой сцены изображений оленя, подходящего по типу к благородному оленю, здесь и в построении головы, и в форме рогов даны очень тонко подчеркнутые и правильно переданные характерные черты лося (рис. 4), что дало возможность палеонтологу Н. И. Бурчак-Абрамовичу сделать предположение об обитании прежде в Абхазии этого животного.

Над надписью и нимбом Евстафия проходит горизонтальная разделительная линия. Трудно допустить, что выше этой линии опять шел

³ Г. Н. Чубинашвили. Пещерные монастыри Давид-Гареджи. Тбилиси, 1948, стр. 31 — 32. Табл. 7, рис. Е. Е. Лансере. Табл. 37 — фото.

⁴ Р. О. Шмерлинг. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962. Табл. 2, рис. 2; табл. 3, рис. 2.

Рис. 4.

регистр на вертикальной плоскости стены, т. к. при этом стены оказались бы непомерно высокими.

Скорее нужно думать, что выше этой линии начиналось закругление свода, на котором обычно помещались Евангельские сцены; и действительно во внутренней части церкви при расчистке найдено много камней с фрагментами изображений лиц, фигур и драпировок одеяний (табл. III, 1); на одном из камней лицо, судя по типу и наличию крещатости на нимбе — Христа, который находился в какой-нибудь из Евангельских сцен на коробе свода.

Перейдем к датировке росписи.

Роспись первого слоя исполнена яркими, несколько потускневшими от кальцирования красками. В найденном фрагменте основная гамма — красный, коричневато-желтый с коричневым орнаментом, лоратная лента; черная обводка контуров ленты (табл. II, 1).

Как колорит, так и орнамент находят очень близкие параллели в росписи Атенского храма, в частности, он в точности совпадает с орнаментом на лоре одного из изображенных в западной абсиде ктиторов.

Как известно, роспись Аteni III. Амиранашвили датирует X в. и изображенное лицо считает Константином, царем Абхазии⁵. Р. Шмерлинг же на основании сравнительного анализа с ранними росписями, наблюдений над эволюцией стиля письма датирует роспись Аteni 4/4 XI в., а интересующее нас лицо считает Багратором IV (1027 — 1072)⁶. Этот же взгляд разделяют С. Барнавели⁷ и Т. Барнавели⁸. Приводимые доводы этих ученых заставляют согласиться с их датировкой и на основании ее отнести и нижний слой росписи Ацкара к тому же времени, т. е. к XI в., что подтверждает и орнаментальный фриз, ступенчатый, — «гармошка» на другом камне, также относящийся к нижнему слою росписи и находящийся многочисленные примеры как во

⁵ Ш. Я. Амиранашвили. История грузинской монументальной живописи. Тбилиси, 1957, стр. 96 — 98, табл. 82.

⁶ Р. О. Шмерлинг. К вопросу о датировке Атенской росписи. Сообщ. АН Груз. ССР, т. VIII, № 4, 1947. Тбилиси, стр. 267 — 273.

⁷ С. В. Барнавели. Новые надписи в Аteni. Сообщ. АН ГССР, т. VII, № 1 — 2, 1 — 80, 1946.

⁸ Т. В. Барнавели. О датировке росписи Атенского Сиони. Сообщ. АН ГССР, т. XVII, № 3, 1956, стр. 281 — 286.

многих росписях этого времени, так, в частности, в росписи того же Атенского Сиони.

Второй слой росписи по колориту значительно отличается от первого. Он глухой, с сероватым оттенком, нечистый, преобладают краски сероватые, сиреневые, желтые, коричневые, голубовато-серые. Много черных линий и белильных высветлений. Линия уверенная, но рисунок часто лишен правильности. Нужно отметить, что наблюдается различие между трактовкой святых и светских лиц. В первом случае, художник, несомненно, находится в рамках определенных канонизированных, иконографически сложившихся образцов, которые, будучи в свою очередь очень далеки от первоначальных, получивших забвение оригиналов, были непонятны художнику и воспроизводились им чисто механически.

Пространственное восприятие объемной формы первоначальных оригиналов и весь богатый арсенал средств для достижения ее передачи на двухмерной плоскости превратились здесь в их непонятую реминисценцию, выражающуюся наложением локальных слоев определенных красок, штрихов темной краской и белилами.

В изображениях светских лиц художник чувствует себя свободным от каких-либо иконографических образцов и канонов, поэтому здесь нет непонятной ему реминисценции восприятия и передачи объемной формы. Он просто, как умеет, изображает фигуры ктиторов, — лиц, которых он, возможно, видел и знал в жизни.

Фигуры трактованы плоскостно, они как бы распластаны на поверхности стены в своем наиболее широком аспекте; плоскостность мышления художника в росписи хорошо видна и в его трактовке орнамента на одеяниях. Независимо от взаиморасположения частей фигуры он равномерно закрывает всю плоскость, не прерываясь и не изменяя направления при переходе, например, от туловища к находящемуся над ним рукаву. Именно из-за этой плоскостности обе ноги фигуры, показанные в профиль, повернуты в одну сторону, туловище же и лицо даны в полный фас.

Параллели к росписям второго слоя с характерными для них стилистическими особенностями мы находим во многих поздних стенных росписях, напр., росписи в Гелати, в Светицховели, что позволяет отнести эти росписи к XVI — XVII вв.; это подтверждается и одеянием ктиторов.

Перейдем к рассмотрению пристроек, т. е. северного и южного приделов и западного притвора.

В абсиде южного придела, как и в средней церкви стоит прислоненный к стене престол, но уже без ниши.

В стене абсиды южного придела сохранились следы ниши и оконного проема, а в северном приделе от престола осталась только верхняя каменная доска.

Все три пристроенные к основной церкви помещения имели обращенные на запад дверные проемы. Из этих дверных проемов лучше остальных сохранился проем южного придела (табл. IV, 1). Он был решен как прямоугольный портал, богато орнаментированный обрамлением в виде заключенной между двумя гладкими валиками полосы резьбы (табл. V, 1).

Низ обрамления стоит на квадратных импостах, орнаментированных одинаковыми резными плетеными розетками. Верхняя ступенька карниза, дойдя до импоста обрамления, прерывается. Уровень и порога, и пола помещения находится на высоте второй ступеньки цоколя.

Также был оформлен западный дверной проем и северного при-

дела; от его орнаментального убранства сохранились лишь два импоста, один из которых повторяет орнаментальный мотив импостов южного входа, другой — отличается от них.

Западная стена западного притвора сильно разрушена и потому невозможно сейчас восстановить вид его входного проема. Однако, судя по расположению оставшихся камней, верхней ступеньки цоколя и камней наружной облицовки, можно предположить, что и здесь также были орнаментированные импосты, а значит и орнаментированное обрамление.

Возможно, что именно этот вход украшал упомянутый выше архитектурный камень с человеческими фигурами. Орнаментальная полоса этого архитрава очень оригинальна и по самому рисунку резьбы (табл. IV, 2).

Над этой полосой, чередуясь с плетеными крестами, строго фронтально расположены стоящие, как на почве, на верхнем валике обрамления четыре небольшие, крупноголовые фигуры, исполненные очень обобщенно, в довольно высоком рельефе.

На них всех длинные, доходящие почти до щиколоток одеяния и разнообразные по форме головные уборы.

Одна из этих фигур держит в руке предмет, который может быть понят как инструмент каменщика. Эта деталь, по аналогии с рядом других средневековых памятников, могла бы позволить сделать вывод, что неизвестные нам мастера, работавшие здесь много веков тому назад над постройкой и украшением церкви, оставили на ней свои, изваянные в камне образы.

Однако наличие у этой же фигуры в другой руке креста и положение рук других фигур, позволяющие думать, что и у них были утраченные после кресты, заставляют предположить, что здесь мы имеем скорее святых мучеников, для которых эта деталь является обязательным атрибутом.

Тогда предмет, принятый за угольник, может быть каким-то орудием мученичества. Орнаментированные порталы не являются единственными элементами декора приделов.

Резной камень с изображением креста на круглой подставке и сейчас находится на своем месте в облицовке восточного фасада под остатками оконного проема южного придела (рис. 5); два камня с крестами, но уже другого вида были найдены во время расчистки у стены того же фасада (табл. VI — 1, 2).

Датировка приделов основывается на рассмотрении порталов. В более ранних порталах (XI — XII вв.) обычно на импосте стоят колонки обрамления, в то время как орнаментированная полоса проходит рядом, покоясь своим основанием на том же уровне, что и основание этого импоста. (Ишхани 1006 гг.⁹; Эхвеви, нач. XI в.¹⁰; Земо-Крихи — 2/4 XI в.¹¹; Худжаби XII в.¹²

Позже на импост начинает упираться сама орнаментированная полоса (Схалта — сер. XIII в.¹³; Сафара кон. XIII в.¹⁴; Зарзма — нач. XIV в.¹⁵ То же видим и в порталах Ацкара.

⁹ Ц. Р. Габашвили. Порталы в грузинской архитектуре. Тбилиси, 1955, табл. 16 — 17.

¹⁰ Там же, табл. 18 — 19.

¹¹ Там же, табл. 26 — 27.

¹² Там же, табл. 34 — 35.

¹³ Там же, табл. 40 — 41.

¹⁴ Там же, табл. 44 — 47.

¹⁵ Там же, табл. 54 — 57.

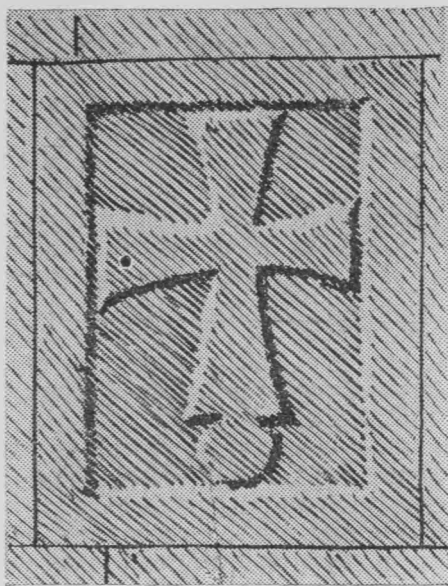

Рис. 5.

О своем времени говорит и сама резьба орнамента. В обрамлении южного портала резьба повторяет мотив плетения, схема которого — переплетающиеся круги и ромбы — проходит в грузинской архитектуре начиная с XI в. (напр. Самтавро)¹⁶, в последующие века — напр., Ква-тахеви XII — XIII вв.¹⁷ Однако резьба Цкелкари лишена той четкости, сочности и упругости, которая так характерна для более ранней резьбы; рисунок сильно сбит, линии вялы, часто нарушается порядок чередования переплетений лент; то же касается и орнамента импостов и орнамента архитравного камня, схема которого не имеет известных нам аналогий в грузинском архитектурном плетении и, возможно, является чисто местным явлением.

Отметим еще один момент в исполнении орнаментики Ацкарского храма. Для памятников XIII нач. XIV вв. (напр. Сафара, Зарзма) и для XIV в. (напр., Даба) характерно исполнение плетеного орнамента, не выступающего от плоскости стены, но заподлицо с ней. Фон при этом представляется углубленным¹⁸.

Именно это наблюдается в исполнении резных и плетеных крестов на архитравном камне и больших крестов на камнях с восточного фасада.

Интересно отметить, что на некоторых облицовочных камнях имеется разделка поверхности насечкой, чаще «в елочку», как это видим, например, в Акапском храме¹⁹ или в Бедии во втором ее слое, относящемся к XIV в.

На одном из камней вместе с насечкой (на стене внутри южного

¹⁶ Р. О. Шмерлинг. Грузинский архитектурный орнамент. Тбилиси, 1954, стр. 62 рис. 5; стр. 63, рис. 8.

¹⁷ Там же, стр. 72, рис. 5.

¹⁸ Там же, стр. 22.

¹⁹ Л. А. Шервашидзе. Церковь в сел. Акапа (Одиши) около Сухуми. Труды Абхазского института АН ГССР, т. XXX. Сухуми, 1959, стр. 115 — 120. Табл. 1.

придела, наружный камень средней церкви) процарапан глубокой бороздой с заполнением ее красной краской контур руки с растопыренными пальцами, нужно полагать по аналогии — ритуальный акт.

На стенах южного придела была прежде штукатурка и роспись. На это указывают остатки росписи вдоль южной стены, где очень слабо различаются фрагменты обуви и низа одеяний, что позволяет предполагать и здесь наличие ктиторов, как и в средней церкви.

Во время расчистки внутри южного придела было найдено несколько упавших из облицовки камней с сохранившейся штукатуркой и росписью.

На одном из них часть женской фигуры в синем мафории. Лицо в фас. Руки сложены молитвенно ладонями наружу. Голову окружает украшенный жемчугами нимб. Рядом надпись асомтаврული по голубовато-серому фону «წა მარობა», на другом камне еще меньший фрагмент, с близкой к этому же типу святой (табл. III, 2).

Рис. 6.

По колориту и характеру можно считать, что роспись южного придела одновременна со вторым слоем росписи главной церкви.

В северном приделе, видимо, росписи вообще не было, т. к. ни на стенах, ни в раскопчанном материале нет никаких следов штукатурки и красочного слоя.

В западном притворе роспись имела. Внизу, как видно из сохранившихся фрагментов на северной стене, шла полоса, имитирующая висящее на кольцах полотнище с орнаментом на нем.

Этот мотив очень часто встречается во многих поздних росписях церквей. Отдельные, найденные во время расчистки куски штукатурки с росписью говорят, что здесь были изображены различные сцены и персонажи (например, хорошо сохранившаяся голова ангела).

Роспись притвора отличается от остальной росписи и по колориту, приобретшему некоторую зеленоватость, и по измельчению фигур, она более поздняя, чем остальная роспись, возможно, относится к концу XVII в.

Большой интерес представляет относящийся к памятнику эпиграфический материал.

Это, во-первых, отмеченная выше надпись на престоле среднего алтаря. Поцарапанная, она была впоследствии покрыта почти целиком отпавшим тонким слоем штукатурки и краски.

Надпись эта прочтена и разобрана Т. Барнавели. В транскрипции мхედрули, с раскрытием титлов и расстановкой знаков препинания (также дано чтение и остальных надписей), надпись читается так:

ესე საკუთხე
ველი სსარა გავმართე
წმიდათ ვითრები, შეიწყალე
[ქამთა?] სისარ.

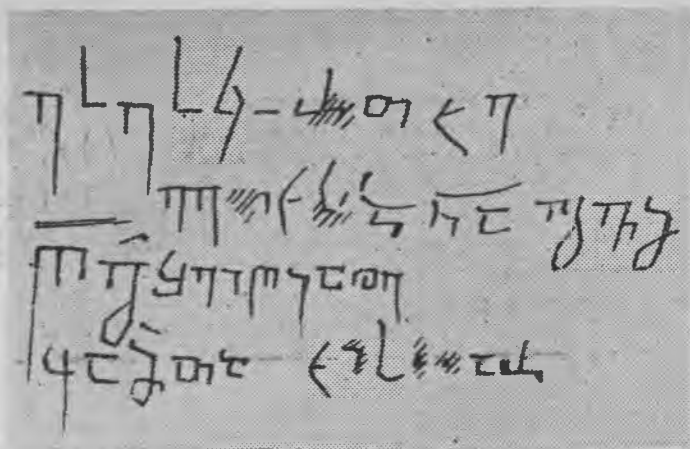

Рис. 7.

Рис. 8.

т. е. этот алтарь я Хсара устроил (а) Святой Георгий помилуй (неясно) Хисару²⁰.

Во время расчистки внутри здания среди строительного мусора, образовавшегося в результате обрушения стен и сводов, было найдено несколько небольших обломков камней со строками букв асомтавури. Четыре из этих камней представляют обломки одного камня и составляют в обрывчатую надпись асомтавури, смысл который может быть в какой-то мере восстановлен (рис. 8.).

+: წმიდაო გიორგი მწყ[ე]ლ[ის]ო
მეოხ ეყა[ვ]
. მონა
მენსა
რკილ²¹
ხოცე[სსა]

«Святой Георгий мцкелский... заступником будь (перед господом?) рабу твоему... ркил... священнику²².

²⁰ Хсара, Хисара — встречающееся в средневековых памятниках древнегрузинское имя, рассматривается Т. В. Барнавели, как трансформированное „ღვრისა ვარ“ т. е. «богу принадлежу». В Абхазии и сейчас бытует женское имя Хса.

²¹ Слово „რკილ“ — непонятно. Возможно часть имени или фамилии просителя (напр., Таркил).

²² Поскольку перед „ხოცესა“ свободное место, здесь могло быть также „მთავარ-უზბუცესა“ или придворное звание, напр., „მთავრეთუზბუცესა“ и др.

Остальные обломки камней не складываются вместе. На одном из них сохранились две строки, на верхней строке частично видна буква **მ**, а на нижней — **ლ** под титлом. Вплотную перед буквой **ქ** — облом, после **ლ** свободное пространство и две точки. Нужно полагать, что это часть имени „**მიქელ**“.

На другом камне сохранился угол левого нижнего обрамления и буквы **ბლ**; и дальше точка, над которой возможно нижняя часть более укороченной буквы **ა**; выше **ბ** нижний кусочек расположенной на верхней строке буквы (возможно **ა**).

Форма начертания букв (особенно **ა**, **ბ**, **ლ**, **ქ**, **ჟ**, **ბ** и др.) в этих надписях, способ резания их в два скоса, а в торцах в манере трехгранно-выемчатой резьбы с четкими обозначениями граней, позволяет поместить их в определенные хронологические рамки, а именно в X—XI века. К тому же времени относится и надпись на престоле, что подтверждает датировку основного памятника. Один из камней, имеющий форму квадрата (24 x 24 см), содержит трехстрочную надпись асомтаврული, исполненную тонкими глубоко врезанными линиями (рис. 9), содержание надписи — молитвенное обращение к св. Георгию.

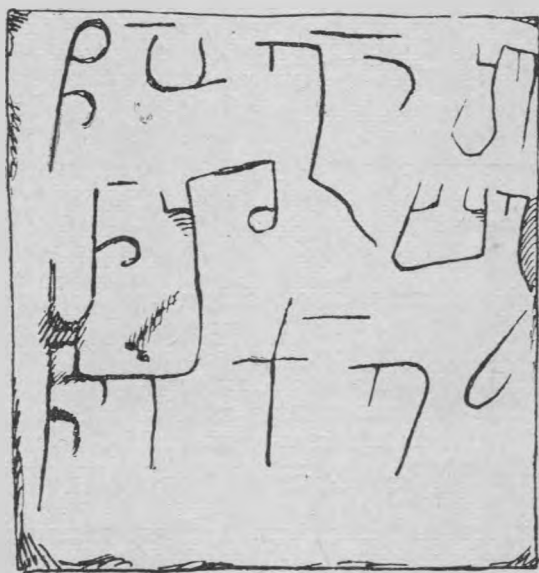

Рис. 9.

Интересны находки, обнаруженные при раскопках. В южной абсиде, на полу около престола была найдена каменная, украшенная орнаментом подставка для креста, предмет, возможно, чисто местной работы и несомненно заслуживающий специального исследования (рис. 10). Другой аналогичный предмет, но иной формы найден был в главной церкви (рис. 11).

Из находок отметим также большое количество керамики, среди которой непосредственно относятся к самой постройке остатки больших кувшинов, судя по налипшему на них известковому раствору они были вделаны в стены и служили голосниками для усиления резонанса во время богослужения и песнопений, как это часто наблюдается в средневековых церквях.

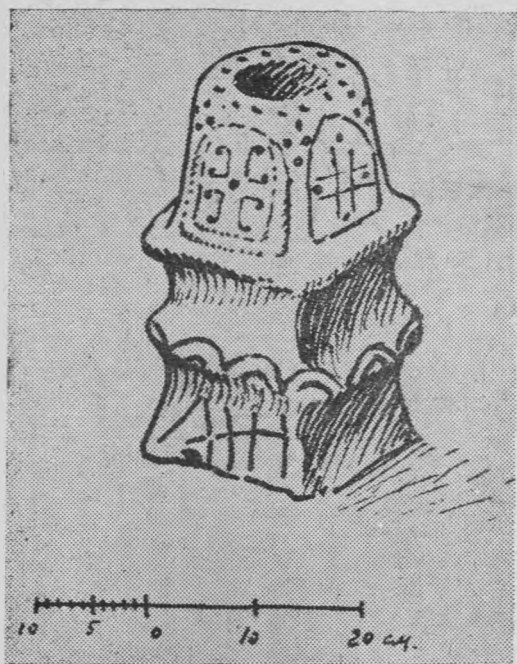

Рис. 10.

Рис. 11.

Из остальной керамики, кроме отдельных различных черепков, отметим два кувшина. Один из них совсем целый. Он стоял в нише среднего алтаря и потому, под почти трехметровым слоем обрушившихся обломков и наносов, остался невредимым; другой, покрытый снаружи зеленой поливой, был найден на полу южного придела в разбитом виде, раздавленный обрушившейся сверху массой. Оба эти кувшина были датированы специалистом по средневековой керамике З. П. Майсурадзе XVIII веком.

Эти кувшины особенно интересны тем, что дают указание на время оставления памятника.

После очистки пола церкви от завала и наносов, на полу, покрытом тонким известковым слоем было найдено большое количество оленьих рогов и кабаньих клыков, причем эти клыки не комплексные; это указывает на то, что место это особо чтилось охотниками, приносившими сюда рога убитого оленя и клык от каждого из убитых кабанов. Эти приношения были связаны с поклонением святому Георгию, которому, несомненно, и была посвящена церковь, судя по многим молитвенным обращениям именно к этому святому, культ которого, в свою очередь, восходит, как известно, к древнейшим языческим верованиям.

Из находок отметим также каменную баранью голову (табл. VII, 1). На полу церкви были найдены кусочки фаянсового сосуда с синим чешуйчатым и бирюзовым орнаментом; доньшко сосуда из молочно-белого стекла (диаметр около 8 см); два кусочка чуть желтоватого, толстого стекла (судя по вогнутости от какого-то сосуда, возможно

лампады); такой же кусочек, но тонкого стекла—закраина лампы; два очень тонких металлических (возможно посеребренная медь) кружочка (д. ок. 15 мм) с выбитыми на них непонятными значками, у одного из кружков у края пробита дырочка, возможно, для ношения на нитке; кусочек медной посеребренной ризы от иконы с растительным, чеканно-гравированным орнаментом (разм. 3х2,5 см); маленький серебряный футлярчик вроде ладанки (2х1,5х0,3 см).

В абсиде около престола в углу лежали в куче несколько предметов: хрустальный флакон, граненый, с побитым верхом; другой хрустальный флакон с орнаментом (оба по определению специалиста по стеклу Б. А. Шелковникова, происходят из Египта и относятся к X в.); кристалл горного хрусталя, абсидиановый нуклеус; сердоликовая полированная бусина (диаметром 2,2 см).

Все эти различные и по времени и по виду предметы были, нужно полагать, принесены когда-то разными лицами как дар церкви и ее патрону; вещи, понравившиеся нашедшему их или показавшиеся ему ценными и достойными. Вместе с тем, лежащие все в одной куче и будучи все с каким-либо изъяном или практически бесполезными, эти вещи кажутся брошенными при отборе нужных, подлежащих уносу предметов.

Создается впечатление, что было собрано и вынесено все ценное и нужное, что происходило какое-то выселение или уход со своего места. Кроме предметов, не имеющих практического значения и которые не нужно было уносить с собой, в церкви нет ничего, ни остатков икон, ни какой-либо утвари. Единственный целый из найденных предметов, возможно, случайно оброненный в спешке, это бронзовый бубенчик, диаметром около 3-х сантиметров, сделанный в виде бутона шестилепесткового цветка и обладающий очень мелодичным, серебристым звоном.

Интересно отметить, что среди многочисленных обломков стен и сводов, среди камней, известки и керамичных черепков нет ничего, что бы оставалось от кровли, ни одного фрагмента черепицы, керамичной или каменной, которой могло быть покрыто сооружение. Остается думать, что черепица была снята жителями при оставлении этого места и увезена с собой; иначе пришлось бы предположить, что памятник был покрыт непрочным материалом (дранью, камышом и т. д.), что вряд ли могло иметь место.

Изучение памятника позволило установить основные этапы его жизни.

Первоначально в X в. была построена церковь зального типа; в XI в. была расписана алтарная абсида; в XIII—XIV вв. к основной церкви были пристроены западный притвор, северный придел со склепом и южный придел; позже в XVI в. храм был подвергнут некоторой перестройке (сужение бокового прохода с севера), тогда же, нужно полагать, был произведен ремонт части конхи абсиды, упавшие камни которой были заменены болотным туфом (ширими). В конце XVI—XVII вв. стены как средней церкви, так и южного придела были оштукатурены и расписаны (абсида и конха вторично); в конце XVII в. был расписан западный притвор. В XVIII в. храм был оставлен. Своды и стены его обрушились, развалины засыпались наносами и перегноем, покрывались зарослями деревьев и кустарника. Лишь некоторые стены еще возвышались над поверхностью, но и они были впоследствии разрушены и использованы местными жителями как строительный материал.

Во время начала расчистки памятника почти на самой поверхности наносов и почвы, образовавшейся над развалинами, была найдена медная трехкопеечная монета чеканки 1842 г., указывающая на то, что уже в середине XIX в. памятник был почти так же засыпан, как и теперь, до начала расчистки.

Работа по расчистке памятника завершена. Она позволила выявить произведение архитектуры и стенной живописи, представляющее большой интерес в изучении средневекового искусства на территории Абхазии.

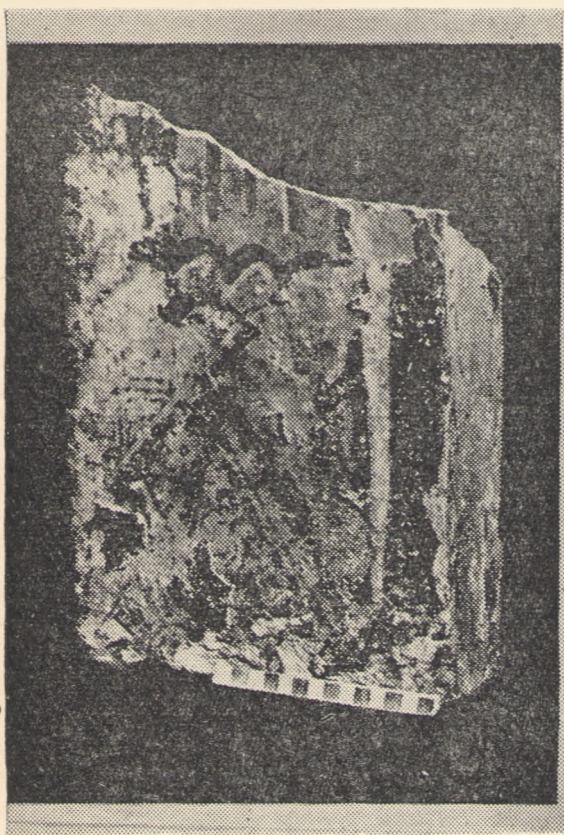

1

2

Табл. II

1

2

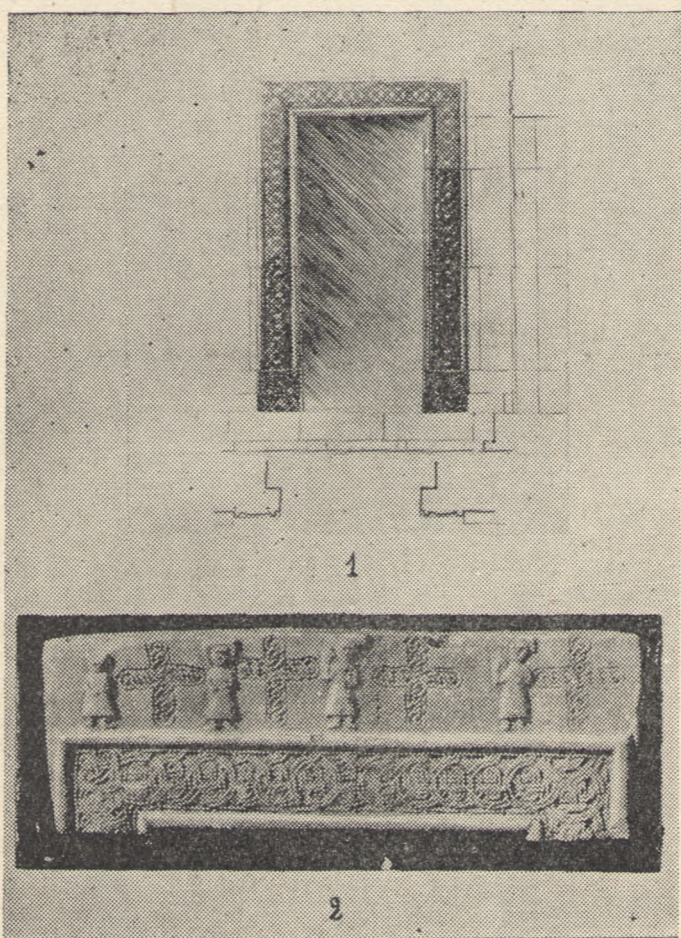

1

2

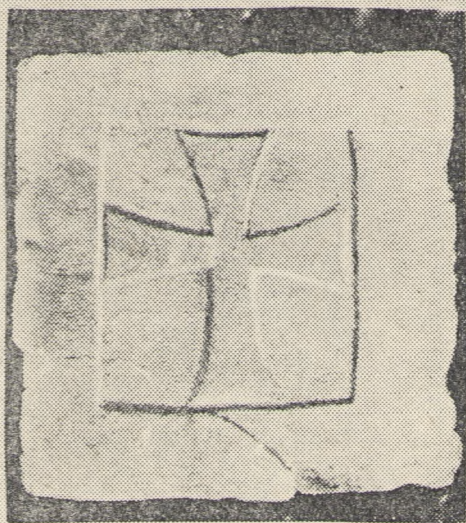
Табл. IV

Tabl. V

Табл. VI

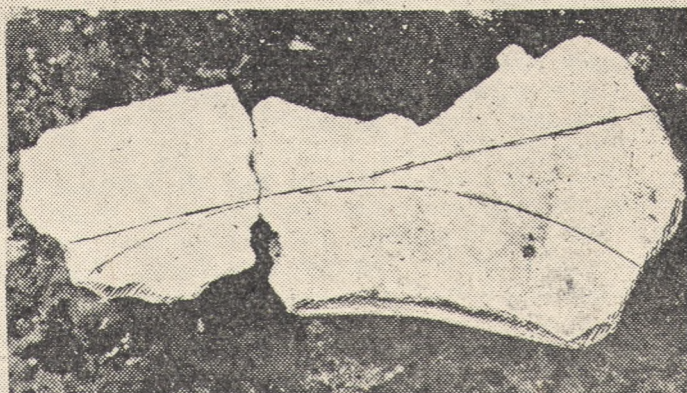
1

2

1

2

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ В ДОЛИНЕ ЦКУАРА

Летом 1962 года в Абхазский Совет Грузинского общества охраны памятников культуры поступило сообщение о том, что на территории села Приморское Гудаутского района под мощным земляным покровом обнаружены остатки какого-то сооружения. В результате его первичного обследования специалистами во главе с археологом В. Пачулиа выяснилось, что обнаружен средневековый архитектурный памятник. Для его спасения Советом Общества охраны памятников и Абхазским институтом языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР была организована и поручена мне экспедиция, которая и занялась расчисткой памятника.

Храм расположен в долине реки Цкуара в 3 км от берега Черного моря на западном крутом склоне невысокой горы, называемой местными жителями Мсыгхуа, поэтому и было решено назвать открытый памятник тем же именем.

В процессе работы в окрестностях храма были обнаружены развалины еще одного памятника, близкого к первому по многим строительно-техническим приемам исполнения. Второй памятник находится в 2-х км севернее храма Мсыгхуа в местечке Ачануа (храму дали это же наименование), он тоже расположен на склоне холма, но значительно выше, ближе к его вершине. Предварительное знакомство с ними показало, что вновь выявленные памятники входят в круг многочисленных сооружений, расположенных в окрестностях Анакопии, и, несомненно, заслуживают внимания.

Какими-либо письменными или устными сведениями об этих двух храмах мы не располагаем, но бесспорно то, что они построены были в когда-то очень густо населенном месте. Подобный вывод продиктован тем, что в бассейне нижнего течения реки Цкуара есть и другие храмы. Повсюду здесь встречается большая масса черепков керамических изделий, а в одном месте, у самой реки, обнаружены и следы гончарного производства. Вблизи церквей были захоронения и нынешнее местное население неоднократно встречало здесь во время земляных работ различные кувшины, ступки, железные кинжалы и другие предметы утилитарного назначения. Кроме того, на всей территории близлежащих склонов, холмов и лощин встречается и множество одичавших садов из фруктов местных пород.

Храм Мсыгхуа. Строители храма, планируя его, пользовались широким выбором места. Долина реки Цкуара вся обрамлена массой холмов, чередующихся цепочкой по обеим ее сторонам, вполне пригодных для возведения сооружений подобного характера. Действительно окружение холмов, на котором возведены храмы, исключительно красиво. И как справедливо отмечает академик Г. Н. Чубинашвили, «Самое место, где предполагалась постройка храма... выбиралось не случайно, а всегда... по определенным признакам. Признаки эти — красота местоположения, прежде всего; место это могло быть близко от населенного места,

прямо в центре его или за много верст в горах, но оно всегда обладало качествами красивого пейзажа и всегда наличия вблизи, если не прямо там же, родника»¹.

Храм Мсыгхуа возвышается над окружающей местностью и с его площадки к северу открывается величественная панорама на горы Бзыбского хребта. На фоне хребта, доминируя над всей обширной местностью, четко вырисовывается стройная и крутая седая горная вершина, наподобие островерхой шапки, которая называется Ах-ибакху, что в переводе с абхазского означает Царева гора. Впрочем не так уж часто ее можно видеть, большую часть времени она скрыта облаками или же туманом. Совершенно противоположная картина открывается на юг. Вершины, горы и холмы, постепенно понижаясь, опускаются к морю, где за неширокой кромкой прибрежной полосы открывается необозримая синь Черного моря. К этому следует добавить и то, что в 80 метрах, на самом берегу реки действительно бьет родник, а чуть ниже еще на 50 м, находятся минеральные источники. Таким образом красота местности и родники в значительной мере обусловили избрание строителями места для храма. Этот важный момент в строительстве искусства был развит еще в древнейшие времена и получил свое достойное продолжение и здесь. Аналогичное явление наблюдается и в Ачануа.

Нетрудно представить себе, как видимый с большого расстояния каждый из этих храмов своими стройными массами живописно вкомпановывался в пейзаж, составляя его неотъемлемую часть. Поражает одно, почему строители храма Мсыгхуа выбрали именно купольный тип, сооружая его таким маленьким? Он очень схож с многими купольными сооружениями целесообразных размеров, но, по-видимому, он был фамильным храмом феодала и ктитор непременно хотел, чтобы он по своим формам походил на величественные храмы, нимало не заботясь о том, что храм вмещал очень ограниченное количество молящихся.

В результате расчистки памятника Мсыгхуа обнажились очертания христианского храма с тремя выступающими на восток абсидами, без каких-либо пристроек. Внешние размеры строения в плане составляют 9,8х7,6 метров. В настоящем состоянии наибольшая высота стен храма достигает лишь 1,6 метра, причем более разрушенным оказался юго-восточный угол с южной абсидой. Пол внутри храма был покрыт красной цемянковой стяжкой (табл. I).

На расчищенной вокруг храма площадке было обнаружено большое количество строевого камня из обрушившегося верха храма, кровельная керамика, а также резные и декорированные блоки. Заложенные под фундамент шурфы дали возможность определить его состав и размеры. Раскоп храма был очень труден, так как в самом хаотическом состоянии были навалены каменные блоки, черепица и остатки скрепляющих материалов. По-видимому, храм был насильственно разрушен, о чем свидетельствуют обнаруженные в местах дверных проемов обуглившиеся остатки дверей.

Из раскопанного материала обращают на себя внимание различные блоки и фрагменты конструктивных деталей здания, фрагменты декора и профилированных плит, обломки кровельной черепицы и калиптер (табл. X, XI), некоторые с антефиксами (табл. IX, 2), личные формы которых говорят о сложной кровле, перекрывавшей купол и выступающие абсиды. Были найдены и осколки круглых с узорами

¹ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959, стр. 587.

тонких, оконных стекол (табл. XII). Семь блоков с пилонов храма, зашифрованные под №№ 176, 185, 186, 200, 280, 437, 539, свидетельствуют об использовании мастерами древних строительных традиций скрепления блоков. В торцевых местах соединения на них имеются выдолбленные неглубокие отверстия в которые закладывались штыри. Обычно для штыря в прошлом использовали металл, залитый свинцом, или же твердый камень. Однако следов ни того, ни другого в этих отверстиях нет. По-видимому, здесь использовали твердую и долговечную породу дерева, которыми так богата эта местность (в частности самшит или тис), они могли прослужить длительное время (табл. VI, 5).

Заслуживают также внимания многочисленные фрагменты каменной алтарной преграды, обнаруженные во время расчистки храма перед алтарем. Оставшиеся от нее резные орнаментированные граненые столбы побились от падения, но, как выяснилось, до падения пять из шести столбов были монолитные (табл. VIII, 1). Материал, из которого выполнена алтарная преграда, тот же, из чего сложен храм. Он добыт из одного карьера. Техника обработки столбов и художественные мотивы декора на них несколько иные. Здесь нет той тщательной обработки фактуры, доведенной почти до шлифовки, которые наблюдаются на самом здании. Не так строги также формы, линии и рисунок декора. Преграда сама по себе сделана с большим знанием дела и мастерски декорирована. Исполнение монолитных столбов высотой в 2,6 м при сечении всего в 0,2 м очень сложная работа, требующая большого умения.

Каждый из столбов состоит из трех составных частей: капители, восьмигранного стержня, обрамленного сверху и снизу поясками небольших выступов, и высокой, в сечении четырехугольной, базы. Капитель в виде перевернутой усеченной пирамиды, четырехугольное основание которой переходит в сужающийся восьмигранник, с лицевой стороны украшена углубленными бороздками в виде пальметок, расходящихся веерообразно в стороны. Стержень абсолютно гладкий. Все базы так же как и капители украшены лишь с одной лицевой стороны резным декором из переплетающихся профилированных бороздками лент, жгутов и т. д. Рисунок на всех базах столбов различный и носит черты грузинских средневековых орнаментальных мотивов. Немногочисленное количество плит с преграды своим декоративным убранством производит впечатление несколько иного характера, но эти вопросы, как и вся алтарная преграда в целом, требуют специального исследования.

Четко очерченный план Мсыгхуа представляет собой чуть вытянутый по продольной оси четырехугольник с тремя выступающими на восток обсидами, причем, средняя — большая — снаружи граненая, а боковые — круглые. Четыре пилона, расположенных в центральной части помещения, делят его на три нефа, которые завершаются раскрывающимися с востока в интерьер тремя глубокими алтарными полукружиями (табл. II). По продольной и поперечной осям помещения, строго по центру, стены прорезают три дверных проема — с юга, запада и севера. Вдоль стен идет невысокий парапет для восседания.

Троечастный алтарь возвышается над залом на две ступени. Перед его центральной подковообразной в плане абсидой глубокая бема. В северной и южной сторонах расположены жертвенник и диаконник. Эти, в плане вытянутые помещения, очерченные с востока в полциркуля, соединены с алтарем узкими проходами.

Стены храма, стоящие на довольно высоком цоколе, сложены из

двух рядов гладко тесаных квадров с заполнением из бутобетона. Толщина стены достигает 0,9 м и она выдержана почти везде одинаково.

На внутренних стенах кое-где наблюдаются следы былой штукатурки, видимо, более позднего происхождения. Следов же росписей не обнаружено. Плоскости продольных и торцевой (западной) стен расчленены пилястрами, каждая из которых расположена напротив пилона. Это указывает на то, что пилястры были соединены с пилонами подпружными арками, поддерживавшими своды.

Еще в процессе расчистки храма отдельные находимые фрагменты строения поражали тщательностью обработки, а когда представилась вся нижняя часть сооружения, с кладкой гладких плоскостей стен, с четкими линиями еле заметных швов, углов и граней, с правильными полукружиями выступающих абсид, то стало очевидным высокое мастерство исполнения работ строителей. Что касается архитектурной композиции сооружения, то судить достоверно по тому, чем мы располагали, не представлялось возможным. Можно было лишь подойти к некоторым выводам, исходя из общих и неперенных строительно-художественных норм христианской культовой архитектуры.

Единственно полное представление мы получили о плане. Бесспорно он доказывает лишь одно, что храм не мог быть зальной церковью, на что указывает наличие членящих пространство пилонов и устройство троечастного алтаря, и обладает чертами, типичными для купольных храмов². Композиционное решение плана храма Мсыгхуа, несомненно, обладает особенностями храма с куполом на четырех столбах. Это подтверждается имеющимися материалами, которые излагаются ниже. Внешняя конфигурация плана предельно лаконична и не нарушена какими-либо пристройками. Главный тройной выгиб с востока не нарушает общей компактности сооружения. Во внутреннем очертании плана, соответствующем внешним, все уместено в пределах квадрата и примыкающей к нему алтарной части. Здесь, наряду с выразительной подковообразной дугой центральной абсиды, зодчий применил спокойную полуциркульную кривую боковых абсид.

Подковообразная арка нашла свое применение во всех христианских странах Закавказья еще в древний период и имела распространение только в определенное время: с конца IV века и вплоть до X в. Затем она исчезла³. Подковообразная центральная абсида в плане сочетается с полуциркульными боковыми. Академик Г. Н. Чубинашвили по этому поводу пишет, что «Сочетание подковообразной арки с полуциркульной характерно для памятников грузинской архитектуры определенного периода... Это... само по себе в известной степени может считаться датирующим элементом, поскольку граница ее распространения является IX—X века»⁴. Формы арок для каждого времени продиктованы

² Если сравнить Мсыгхуа и базилику Санагире близ Вазисубани в Кахетии, то мы найдем большое сходство их планов. В другом случае план храма Мсыгхуа приближается к планам купольных церквей, например, к плану находящегося недалеко в Новом Афоне храма Симона Кананита и крепостной церкви в Бзыбской крепости или же церкви св. Георгия в Хони. Наконец, есть пример (церковь IX века в Армази), где в плане четыре самостоятельных устоя поддерживают купол без барабана, скрытый под двускатной кровлей. К этому можно добавить и целый ряд византийских и древнерусских многокупольных храмов, чьи планы очень близко подходят к Мсыгхуа. Таким образом, исходя лишь из плана, трудно определить Мсыгхуа как базилику или же купольный храм.

³ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 477.

⁴ Г. Н. Чубинашвили. «Болнисский сион». Известия ИЯИМК, т. IX, Тбилиси, 1940, стр. 135 — 136.

определенными художественными тенденциями и их очертания применены как на конструктивных или же декоративных арках, так и на разработке плана.

К. Н. Афанасьев в своей работе «Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими»⁵ признает индивидуальной особенностью Десятинной церкви, древнейшего памятника русской архитектуры (конец X века), то, что подкупольное звено плана отклоняется от квадратной формы и расширяется в поперечном направлении. Далее он отмечает, что эта особенность нехарактерна для ранних храмов и аналогичные случаи появляются лишь в XII веке и то известно очень ограниченное их число⁶.

Внутреннее помещение Мсыгхуа в плане квадратное, но устои несколько смещены к алтарю и подкупольное пространство по продольной линии сужается, расширяясь поперек.

На другом памятнике древнерусской архитектуры — Спасо-Преображенском соборе в Чернигове — К. Н. Афанасьев выявляет своеобразную особенность в наличии шестистолпного плана дополнительной пары восточных столбов. Фактически же они представляют собою торцы стен бемы, прорезанных дверными проемами, которые образовывали в западной части стен нечто вроде столбов, поднимавшихся лишь на высоту двери. Это приводит его к выводу, что подобная своеобразная черта заставляет говорить о принципиально ином варианте типа сооружения по сравнению с Десятинной церковью⁷. К этой типологической группе храмов автор относит Нижнюю церковь в Гродно и церковь Михаила-архангела в Смоленске на пристани, при этом добавляя, что помимо второй пары столбов к востоку от центрального купола, церковь в Смоленске имеет также и притворы с трех сторон «что роднит ее с церквами Северного Кавказа и Абхазии»⁸. Это замечание требует некоторого уточнения. Храм Мсыгхуа, находящийся в Абхазии, не имеет никаких пристроек, что не является исключением.

В храме сохранились нижние части подкупольных столбов, которые в сечении имеют крестчатую форму, с короткими ветвями в ширину пилястр и подпружных арок. Расположенная у алтаря пара столбообразных оснований отличается от подкупольных устоев. В сечении своем они почти квадратные, по толщине равны подкупольным столбам и имеют лишь по одному выступу с западной стороны аналогичному пилястрам, что продиктовано художественными и конструктивными требованиями сооружения. Это, естественно, подтверждает, что они были не свободно стоящими устоями, а обработанными под них торцами выступающих стен бемы, разделяющих алтарь на три части. Таким образом, храм был четырехстолпный, как и многие другие абхазские памятники (Лыхны, Бзып, Симона Кананита в Новом Афоне и т. д.).

Найденные при раскопе архитектурные фрагменты несколько дополняют пробел в определении характера строения и предварительное их изучение дает нам возможность сделать предположение в пользу того, что храм Мсыгхуа мог быть именно купольным.

Пять плоских плит, зашифрованных под №№ 31, 244, 261, 411, 459 по своим формам были определены как детали подкупольного кольца (табл. VII, 5). Узкая торцевая сторона каждой из них имеет хорошо

⁵ К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961.

⁶ Там же, стр. 42.

⁷ Там же, стр. 44.

⁸ Там же, стр. 45.

обработанную выкружку, профилированную неширокой лентой и галтелью. При расчете радиус вогнутости оказался близким к окружности, которая вписывается в пространство между четырьмя пилонами, и удалось определить диаметр этого кольца в 1,8 м.

Интересной деталью является блок № 499, сохранившийся лучше других, ему подобных (табл. VI, 4). Формы позволяют увязать его с конструкцией внутренней части купола. Он является тем промежуточным звеном, где сходились основания арок двух купольных окон, между которыми он находился. Угол, образованный на нем плоскостями частей простенков, равен 135° и является одним из внутренних углов восьмиугольника. Эта конфигурация позволяет предположить, что купол изнутри мог быть граненым. Подобные купола встречаются в византийской архитектуре (церковь монастыря Хора—VI в., капелла Марии в Константинополе—XI в., церковь Апостолов в Солониках—XIV в.). Если допустить, что храм некупольный, то использование такого рода архитектурных деталей невозможно в какой-либо иной части конструкции. Другие фрагменты внутренней конструкции храма не могут служить бесспорным доказательством купольности храма.

Во внешних конструкциях храма элементами, которые могут подтвердить выдвигаемое положение, являются пятиугольные в плане блоки, профилированные по двум лицевым сторонам тягами. Их найдено шесть и они зашифрованы под №№ 118, 144, 241, 245, 335 и 365 (табл. VII, 1). Лицевые стороны блоков сходятся под углом в 135° . При составлении их образовался восьмиугольник (недоставало двух блоков), что указывает на принадлежность этих фрагментов к основанию восьмигранного барабана. Профилировка тяги каждой лицевой стороны блока состоит из невысокого, почти плоского, но широкого валика и такой же ширины неглубокой галтели, между которыми идут клинчатые бороздки. Рисунок расположения и направления тяг указывает на принадлежность их к части обрамления купольных окон. Другие блоки (№№ 81, 345) с широкой выкружкой, обрамленной тягой того же мотива, указывают на то, что окна барабана были широки и перекрывались полукружием. Проследив направление профилированной тяги оконного обрамления, мы пришли к выводу, что она не замыкалась в наличник (табл. VI, 1, 2). Тяга, обойдя непрерывной широкой лентой верхнее полукружие окна, опускалась вертикально к его основанию, затем под прямым углом отходила от окна горизонтально до угла грани, переходила на следующую грань, вновь подходила уже к следующему окну и под прямым углом опять поднималась по вертикальной стороне окна, чтобы аналогичную фигуру прочертить вокруг другого окна. Так повторялось, пока тяга не обходила все восемь граней, чтобы замкнуться в непрерывной ленте.

Похожий композиционный рисунок украшения барабана и окон наблюдается в храме X в. Моква. Естественно, барабан купола должен был венчать карниз и его немногочисленные фрагменты были найдены (№№ 76 и 188, табл. VII, 3). Один из них является углом карниза и на нем промеряется тот же угол в 135° . Другой же блок из прямой тяги карниза. Невысокий, но сильно выступающий профиль тяги карниза прост и строг. Под узкой полочкой идет широкая и плоская галтель. Затем, после очередного уступа следует невысокий, но тоже широкий валик, разделанный под жгут. Это единственная резная тяга во всех декоративных обрамлениях храма. Все же другие тяги карнизов, обрамлявших фасады здания, повторяют этот же мотив, но без разделки валика.

Обычно постройки первой половины X века были лишены пышных

резных орнаментальных украшений, но затем уже позже появляются устремления декоративной разработки фасадов здания. Это в определенной мере проявилось в храме Кацхи, где каждая грань основного массива здания, обхода и барабана завершается отдельным фронтоном, создавая таким образом троекратно повторяющуюся, необычайно подвижную линию карнизов и кровель⁹. Однако, эти декоративные украшения первоначальной постройки носят характер профилированных тяг, а не резного орнамента, который становится доминирующим в декоре с XI века.

Все пространство храма было достаточно обильно освещено, так как оконные проемы были довольно широкие. Сохранившееся полуциркулярное обрамление оконного проема позволило определить его ширину в 0,21 м (табл. VIII). Найденные при раскопке храма фрагменты крупных оконных стекол были диаметром в 0,16 — 0,17 м. Таким образом, можно сделать вывод, что стекольные круги составлялись в пайки или же в переплеты вертикально в один ряд. Стекла эти сами по себе представляют интерес и требуют специального изучения. Такие же широкие окна имеются на Лыхненском храме, где особенно широки они на куполе. К сожалению, стены не сохранились до уровня окон и поэтому о их расположении можно лишь предположить исходя из сохранившихся строительных традиций.

Снаружи храм весь облицован мастерски тесаными и искусно сложенными каменными квадрами, и рисунок кладки сам по себе является художественным достоинством здания.

«Без арки нет строения в Грузии»¹⁰, — говорит академик Г. Н. Чубинашвили, и это лишний раз находит свое подтверждение на этом памятнике. Везде, где только возможно, применена арка. Как конструктивный элемент она часто использовалась и прежде всего, по-видимому, как подпружная арка, на которой лежал свод. Арка выполняла необходимую роль в наиболее эффективном использовании строительного материала, которым располагали создатели храма, и способствовала облегчению и прочности его конструкции, а также созданию необходимого художественного облика.

На храме Мсыгхуа арка нашла свое применение и в чисто декоративном оформлении окон на фасадах. Судя по сохранившимся фрагментам, окна были украшены профилированными тягами; орнаментальная резьба на них здесь не встречается.

Украшение окон имеет определенные, закономерные ступени развития, неразрывно связанные с этапами развития грузинской архитектуры. Начиная с ранних памятников VII века и вплоть до середины X века окна украшаются лишь навершиями различного вида (Болниси, Джвари, Самшвилде, Армази, Эредви, Кумурдо и др.). «С середины X века на украшение оконных проемов обращается особенное внимание и именно с этого времени мы встречаем различные варианты композиционного построения украшения окон. Исполнение навершия и наличника в X веке неодинаковое. Всегда более подчеркивается навершие (рельефом, цветом). При этом навершие не соединяется с наличником (Берис Сакдари и др.). Хотя навершие и наличник в храме Баграта (1003 г.) уже орнаментированы, оба с равным старанием, все-таки они еще не соединены, но сближены... На памятниках несколько более поздних, как малая церковь Ишхани (1006 г.), полукруглые навершия с

⁹ В. В. Беридзе. Архитектура Грузии. М., 1948, стр. 41.

¹⁰ Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, стр. 476.

горизонтальными отворотами, как правило, плотно насажены на оконные наличники. Таким образом, эта последняя композиция украшения внедряется в обиход в начале XI века, а раньше в таком виде не встречается»¹¹.

Оконные украшения на Мсыгхуа в определенной мере отличаются от вышеизложенной эволюции оконных обрамлений. В Мсыгхуа нет окон замкнутых в наличник. Навершие, профилированные тягой (блоки 81, 345), без горизонтальных отворотов и упираются в выступающие неширокие скосы (блок № 126, табл. VII, 4). Ими были обрамлены окна основного помещения церкви, на что указывают места находок. Вместе с тем, здесь на боковых абсидах были окна, которые вовсе не имели какого-либо украшения. Такая нарочитая строгость плоскостей стен боковых абсидных выступов, по-видимому, была продиктована определенным художественным замыслом зодчего, который стремился сосредоточить все внимание на центральной широкой граненой абсиде.

Суммируя вышеизложенное, нельзя не отметить незаурядное мастерство строителя храма, который отличается ясностью композиционного построения, строгостью пропорций, четкостью линий и высокой техникой исполнения и обработки материала.

Эти черты присущи сооружениям периода полного развития основных строительных тенденций. Вместе с тем, скупость декоративных приемов и предельная лаконичность облика здания ставят его в канун искусства зрелого средневековья, когда главной проблемой зодчего становится декоративное оформление здания.

Предварительное изучение выявленных материалов позволило дать храму типологическое определение купольного сооружения и подвести к датировке ориентировочно X веком.

Храм Ачануа. Этот храм оказался сооружением совершенно иного типа, несмотря на то, что первое же знакомство говорило о его хронологической близости и идентичности технического исполнения с храмом Мсыгхуа. При первом посещении Ачануа нам представился небольшой густо заросший бугор на склоне высокого холма.

Если первый храм с момента своего разрушения находился в забвении, что сохранило для нас множество важных материалов в виде обломков, различных фрагментов и т. д., то второму менее повезло. Впервые развалины храма были обнаружены в 1933 году и всякий, кому нужен был добротный строительный материал, брал для своих нужд тесаные квадры, нисколько не заботясь о сохранности памятника.

В результате полной расчистки остатков сооружения нам представился сильно поврежденный план и части стен христианского храма (табл. IV). В процессе работы были обнаружены те немногие блоки и фрагменты, которые оказались в переворошенном завале с незначительным числом уцелевших черепков, и части резного каменного креста с алтарной преграды. Были также обнаружены мелкие осколки оконного стекла, обломки кровельной керамики в виде калиптеров и антефиксов, идентичные тем, что были найдены при расчистке храма Мсыгхуа.

В основе двочастного храма Ачануа лежит несложный план, наружные размеры которого достигают 8,55 x 8,25 м. Он состоит из зала церкви и примыкающего с севера большого помещения, которые соеди-

¹¹ В. Долидзе. «Хозита-Майрам — документ культурных связей грузин с народами Северного Кавказа». Сообщения АН Грузинской ССР, т. XV, № 2, Тбилиси, 1954, стр. 125.

няются узким проходом в смежной стене. Снаружи южная часть имеет пятигранную выступающую абсиду, а у северной части абсида замкнута в прямоугольник.

Ни с юга, ни с запада нет каких-либо следов пристроек. Внутренние очертания плана лаконичны и просты. Они почти полностью соответствуют наружным и сохраняют одинаковую толщину стен, в которых нет каких-либо конструктивно неоправданных утолщений, утяжеляющих массу оболочки сооружения.

Слегка вытянутый зал церкви как бы расчленен двумя парами пилястр на три части и к нему примыкает с востока широкое алтарное полукружие. Идеально очерченная полуциркулярная абсида без бемы замыкается с северной стороны стройным заплечиком, южный же заплечик не сохранился. В месте сопряжения алтарной части со стенами зала, в северо-восточном углу, прослеживается основание углового пилястра. Весь юго-восточный угол и примыкающее к нему алтарное полукружие разрушены. На северной и южной стенах видны основания еще двух пилястр с каждой стороны. Но в самих углах у западной стены нет никаких пилястр.

Строго по продольной оси в западной стене имеется дверной проем. На поперечной же оси в южной и северной стенах симметрично между пилястрами расположено тоже по одному дверному проему. Таким образом, в зал церкви ведут три входа. Однако проем в северной стене очень мал и узок.

Алтарная часть возвышается над залом на одну невысокую ступень; престол в нем не сохранился, хотя есть основания предполагать, что он был, как это наблюдалось в северной абсиде трехабсидного храма Мсыгхуа. К этому следует добавить, что в прошлом здесь была и алтарная преграда, об этом свидетельствуют найденные во время расчистки храма фрагменты резного креста и резные куски каменных досок с алтарной преграды, аналогичные тем, что найдены были на Мсыгхуа.

Вдоль северной и южной стен тянется невысокий и неширокий (0,4х0,4 м) выступ для сидения, сложенный из тесаных камней и оштукатуренный красноватой цемянкой, который прерывается лишь в местах проходов, а у алтаря, образовав прямой угол, немного продолжается вдоль стен абсиды. Примыкающее с севера помещение еще более разрушено и внутренние очертания его плана прослеживаются лишь в алтарной части и юго-восточном углу. Его абсида имеет подковообразную форму, которая вписывается в наружный прямоугольник. Внешние очертания в своей большей части сохранились и в западной стене, почти у самого фундамента видны следы наружного входа.

Толщина стен храма почти везде выдержана одинаковой и достигает 0,8 м. Подобная равномерность и в алтарной части главного помещения наводит на мысль, что в алтаре не было ниш или же, если они и были, то очень мелкими. Совершенно обратное мы имеем в северном помещении. Так как абсида вписана в наружный абрис прямоугольника, то утолщений в углах, срезаемых алтарным полукружием, строители не могли избежать, и в них вполне возможно было поместить довольно глубокие ниши. Стены храма снаружи и изнутри облицованы тесаным камнем.

Притолоки дверных проемов без каких-либо скосов или же выступов. Причем южная дверь на 0,12 м шире западной и достигает 1,05 м.

Несмотря на то, что внутренние стены выложены из тесаных камней, на них прослеживаются следы штукатурки. В частности, следы

штукатурки на северной стене позволили обнаружить отпечаток несуществующего ныне основания среднего пилястра, который затем был подтвержден наличием противоположного пилястра на южной стене. Следы штукатурки наблюдаются и в северном помещении.

Оба помещения вымощены красной цемянкой. Этой же цемянкой обработаны выступы для сидения, расположенные вдоль стен главного помещения.

Располагая столь немногими данными и опираясь лишь на план сооружения, возникает задача выявления и определения характера и особенностей храма Ачануа и его датировки.

Зальная церковь, как совершенно определенный архитектурный тип, получила широкое распространение в средневековом строительном искусстве на территории почти всех христианских стран, в том числе и Абхазии, ввиду того, что она наиболее логично и доступно отвечала как запросам, так и возможностям поселян, чьими руками и средствами она сооружалась. Однако от большинства храмов этого типа Ачануа отличается некоторыми чертами.

Важным вопросом перед нами встает положение северной части церкви. Зальные церкви не всегда снабжаются помещениями, располагающимися по сторонам абсиды. В церквях, где их нет, алтарная часть повышена на одну или несколько ступеней и отделена от остального пространства перегородкой, расположенной обычно под триумфальной аркой. Но наличие помещения по сторонам абсиды продиктовано требованиями выполнения вспомогательных к алтарю функций. Так с течением времени возникла потребность в приделе с северной стороны.

Ренэ Шмерлинг писал: «О том, что последний (северный придел. — А. К.) рожден желанием снабдить алтарь служебным помещением свидетельствует то обстоятельство, что северный придел, протягиваемый не на всю длину стены церкви, а только на известную ее часть, не получает доступа снаружи, с церковью же соединяется одним проходом, находящимся в ряде случаев в непосредственной близости к алтарю»¹². Примером этого может служить Илорский храм, где северный придел, действительно, почти вдвое короче самой церкви и имеет лишь один вход из внутреннего пространства храма. К этому следует добавить, что обычно размеры площади приделов значительно меньше (почти в несколько раз) площади зала церкви.

Здесь же мы имеем иную картину, свидетельствующую о более самостоятельном назначении северного помещения. Во-первых, площадь северного помещения не на столь значительно меньше площади южного помещения церкви, во-вторых, по наружным очертаниям южная часть длиннее северной на выступ абсиды и два уступа у северо-восточного и северо-западного углов, что составляет всего 0,5 м, которые лишь подчеркивают наружное членение здания. Кроме того, северное помещение имеет в западной стене довольно широкий самостоятельный вход снаружи, тогда как дверной проем, расположенный на поперечной оси, соединяющий его с основным помещением, очень узок, а порог его настолько высок, что доходит до уровня сидений, расположенных вдоль стен, и чтобы можно было подняться на него, сооружена ступенька из монолитного блока.

Таким неудобным проходом вряд ли пользовались в торжественных случаях и он не свидетельствует о своем частом функциональном

¹² Р. Шмерлинг. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962, стр. 35.

использовании. К этому следует добавить и то обстоятельство, что обе части выложены одновременно, на месте стыков не прослеживаются какие-либо швы. Помимо этого проход выходит к центру зала. Но в ранних абхазских церквях есть примеры, когда с северной стороны к церкви пристроены помещения и проход в них расположен у западной стены, вдали от алтарной части церкви. Так в раннем храме Лашкинтар на северной стене имеются два прохода, один из них, расположенный ближе к алтарю, ведет из церкви наружу, а другой — у западной стены — более низкий и узкий, ведет в северную пристройку.

С Ачануа перекликается также и другой ранний памятник грузинской архитектуры, находящийся в Гелати. Он расположен на косогоре, в трехстах метрах к юго-востоку от монастыря. Эта небольшая церковь св. Ильи состоит из двух равных по длине помещений, но северная половина значительно уже южной. В отличие от Ачануа обе абсиды церкви не выступают за границы прямоугольного плана; соединяющий смежные помещения широкий и высокий арочный проход стремится к объединению внутреннего пространства строения. Северное помещение тоже имеет самостоятельный выход наружу, но в северной стене, а южная половина имеет лишь один вход с запада. Кроме того алтарные части соединены самостоятельным проходом. Подобное плановое решение церквей говорит о том, что северные части церкви не только были подсобным помещением для алтаря. Они выполняли, как видно, и более самостоятельные функции.

Сталкиваясь со столь своеобразным устройством северного помещения, следует признать, что недостаточная изученность памятников архитектуры средневековой Абхазии пока еще не дает возможности необходимого исследования такого разнообразного построения приделов.

В вопросе датировки памятника определяющим моментом является устройство алтарной части храма. По наружному абрису пятигранная абсида сильно выступает за пределы четырехугольного плана церкви, абсида же северного придела замкнута в прямоугольнике. В северо-западной части Абхазии встречаются зальные церкви с выступающей абсидой (Айлага-Абыку в селе Бомбора, крепостная церковь Анакопии и т. д.). К XI веку в центральной Грузии уже полностью сложился наиболее целесообразный и распространенный тип храма, где абсиды обычно не выступают за границу прямолинейного очертания плана. Это уже само может быть датирующим рубежом для храма Ачануа.

Еще более уточняет дату сооружения памятника внутренняя конфигурация абсиды. Абсида главного помещения в плане полуциркулярная, тогда как абсида придела — подковообразная. Сочетание различных по форме абсидных кривых наблюдается и на храме Мсыгхуа.

В техническом исполнении наблюдается четкость линий грани на камне, правильность обработки его поверхности и тщательность подгонки и исполнения стыков, так что раствор в швах почти незаметен. Храм Ачануа по технике обработки камня и облицовке близок храму Мсыгхуа, с той лишь разницей, что здесь квадраты достигают значительно больших размеров, например, некоторые из них 1,1 x 0,4 м при толщине в 0,2—0,3 м.

* * *

Богатство выбора природного камня на территории Абхазии, пригодного для строительных целей, определило характер местного зодчества. Кирпич и дерево являлись второстепенными или даже вспомога-

тельными материалами поэтому и не оказали существенного влияния на конструкции и формы.

На данных памятниках, как оказалось, в возведении стен и перекрытии сводов использовались только камни. Кирпича здесь нет и только кровля была черепичная. Камень этот добывался в близости расположенном карьере и представляет собою палеоценовый третичный нумуллитовый известняк. Белоснежный по цвету и мягкий в обработке, он обладает теми свойствами, которые дали строителям возможность максимально использовать его высокие качества. Не потускневшая со временем его красивая фактура дает и сегодня представление о былом облике храмов.

Стены сложены из двух параллельных рядов камней и пространство между ними заполнено бутобетоном. Высота каждого ряда колеблется между 0,35 и 0,4 м. Толщина облицовочных камней в среднем достигала 0,15—0,2 м и основная нагрузка массы приходилась не на эти наружные блоки, а на заполняющий толщу стены бутобетон. Это же подтверждается еще и тем, что кромка блоков скашивалась во внутрь, заостряя угол камня, что делало кромку еще более ломкой, но так как блок не нес основную нагрузку, то это позволяло строителям толщину щели шва довести до минимума, а зазор, образованный изнутри, заполнялся раствором. Таким образом блоки здесь становятся облицовкой и вместе с тем как бы выполняют роль своеобразной опалубки, в которую укладывают рваный камень и щебенку и заливают известковым раствором с ровным морским гравием. Пригонка блоков выполнена настолько тщательно, что раствор не просочился наружу. Эта система монолитных стен, облицованных с двух сторон, оправдала себя и, как это видно на многих памятниках средневековья, в частности на храме Мармал-абаа, у которого впоследствии ободрали всю облицовку из блоков известняка, части стен из бутобетона выдерживают нагрузку и время.

Обе церкви были крыты черепицей. Она была изготовлена двух видов — плоская с отогнутыми кверху бортами и желобчатая — калиптера, но различных конфигураций, из которых и комбинировалось кровельное покрытие. Черепица клалась прямо на раствор, но тем не менее на некоторых плоских черепицах встречались отверстия, по-видимому, для закрепления их гвоздями во избежание сползания. Древние строители не упускали случая принарядить свое творение и поэтому крайние калиптеры с торца были снабжены антефиксом, на котором был отштампован крест и начертаны буквы. Красный цвет черепицы и бегущее зубчатое украшение края кровли придавали особый эффект зданию, служа красочным и ажурным обрамлением на строгих и гладких белых стенах, сверкавших на фоне голубого неба и окружающей зелени.

С момента зарождения христианской культуры, пришедшей в страны Закавказья с юга из Сирии и Палестины, а с запада из Византии, в средневековой истории нашего края произошли огромные социально-политические и культурные изменения. Христианство, кроме новой веры, несло с собою и новый нарождавшийся феодальный строй через оставшиеся на побережье, некогда расцветавшие греческие фактории на Восточном Причерноморье. К тому времени аборигены нынешней Абхазии имели свою сложившуюся художественную культуру; пришед-

шая новая культура могла быть воспринята и получить здесь дальнейшее развитие, преломившись через призму местных народных традиций. В христианской культовой архитектуре тогда еще окончательно не сложились определенные каноны и поэтому легче могли быть интерпретированы по-своему, в каждой стране, вступившей на путь христианизации.

Дальнейшее историческое развитие христианской культуры наиболее наглядно подтверждает подобное положение. И если в восточной, южной и центральной Грузии складываются строительные традиции, тяготеющие к малоазийским, то в Абхазии они больше тяготеют к собственно византийским. Кроме того в грузинских и абхазских традициях наблюдаются и взаимовлияния. Провести строгую грань между этими традициями невозможно. Так, к примеру, «Гелатский храм (XII век) представляет своеобразную комбинацию абхазских и карталинских элементов: по плану и общим пропорциям он напоминает Пицунду, а облицовка тесаным камнем и... декор говорит о карталинской традиции»¹³.

Неиссякаемый творческий дух народа выявлял из своей среды талантливых мастеров, которые способны были понять его мысль и эстетические запросы. Опираясь на традиции и достижения передовой культуры, они создали очень интересные и своеобразные памятники культуры, которые можно отнести к ряду уникальных. К таким памятникам в первую очередь относятся храмы Амбара, Лыхны, Моквский кафедрал и некоторые другие. Эти архитектурные маяки дали ориентиры, по которым стали вырабатываться отдельные плановые, конструктивные и художественные решения и складываться все более самостоятельные формы и характерные особенности. Абхазские сооружения отличаются от остальных памятников христианской культуры того же времени, например, удлинённый план здания, выступающая полукруглая или же граненая абсида, отсутствие на фасадах резного декора, невысокий барабан купола, низкое шатровое перекрытие и т. д.

Недавно обнаруженные храмы Мсыгхуа и Ачануа, несомненно, являются теми произведениями, которые в определенной мере демонстрируют художественно-технический уровень и особенности своей эпохи, локализовавшиеся в этом крае, и поэтому займут соответствующее место в ряду памятников средневекового зодчества Абхазии.

¹³ Ш. Я. Амиранашвили. Вклад Грузии в сокровищницу художественной культуры. Тбилиси, 1963, стр. 15.

Табл. I

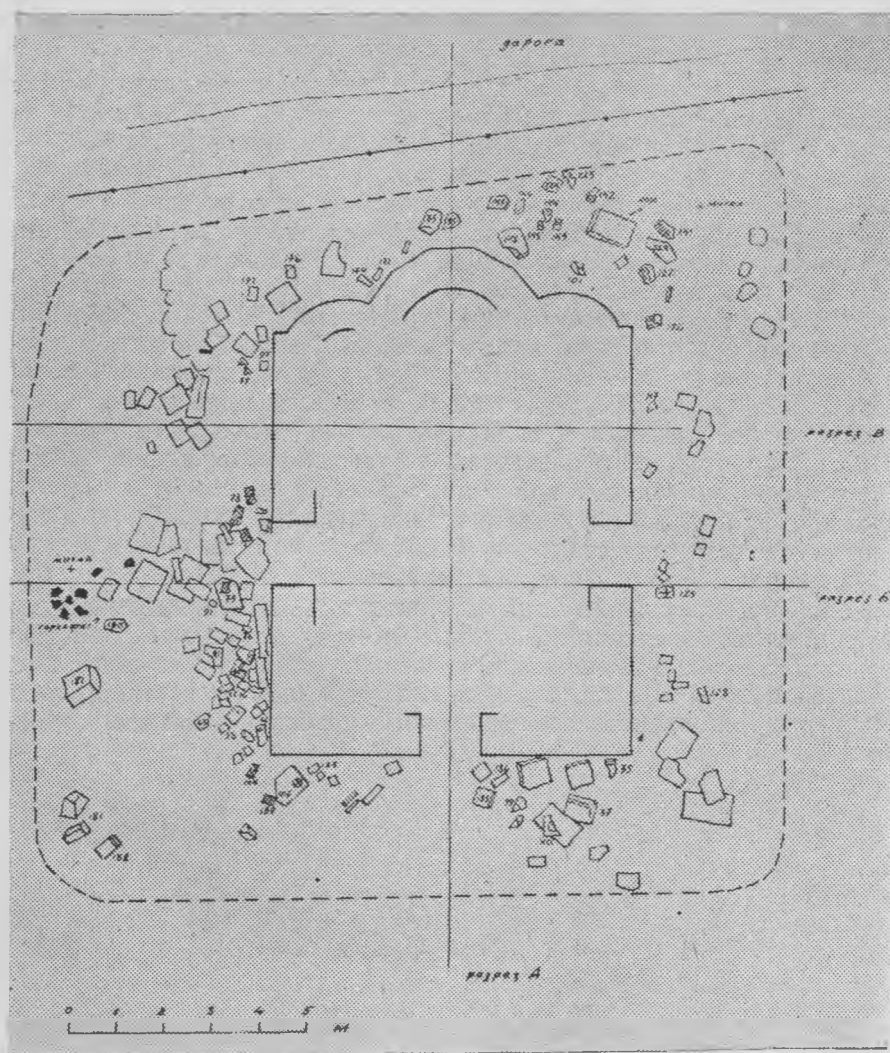
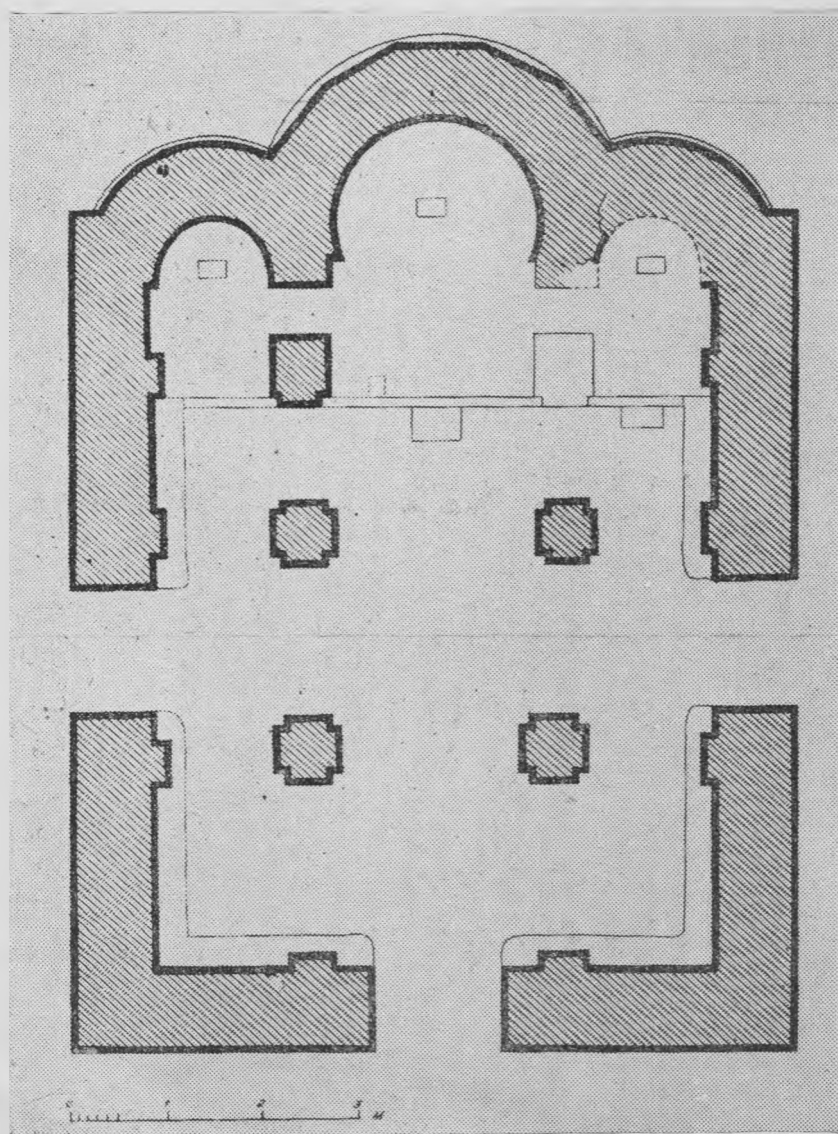

Табл. I

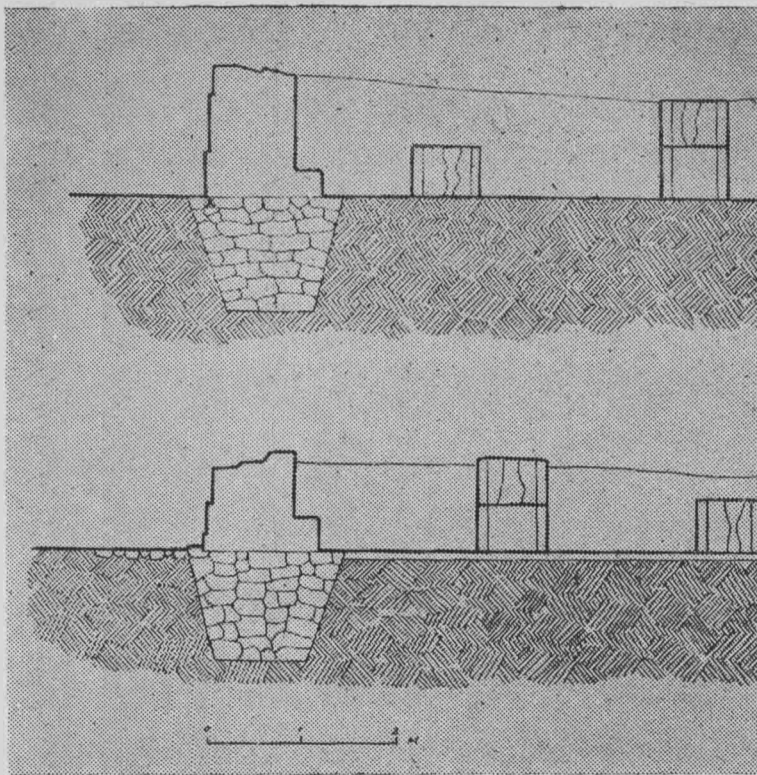

Табл. III

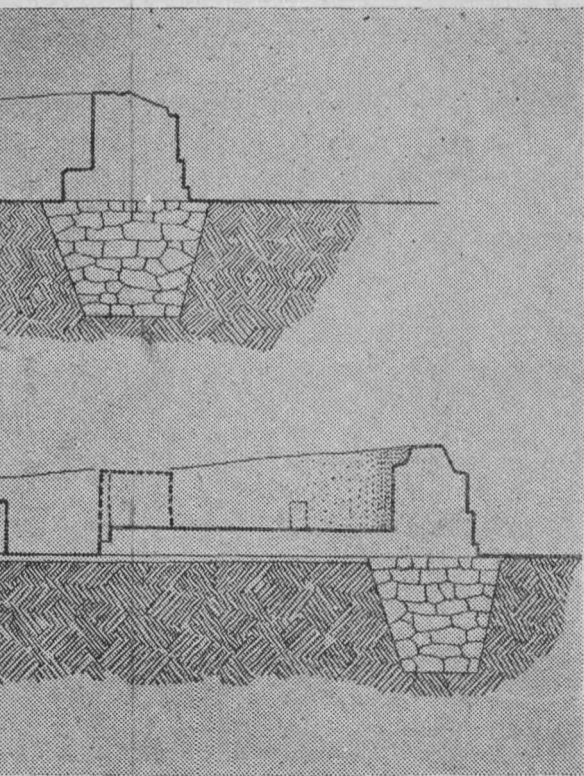

Табл. IV

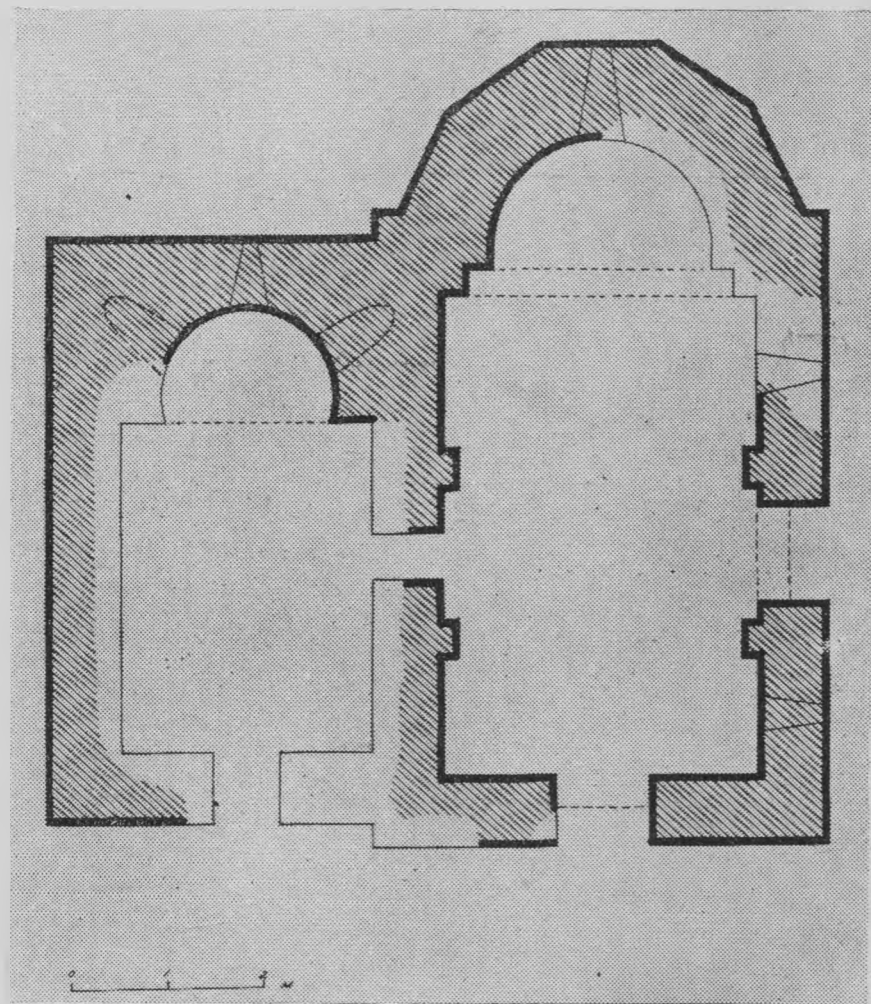

Табл. V

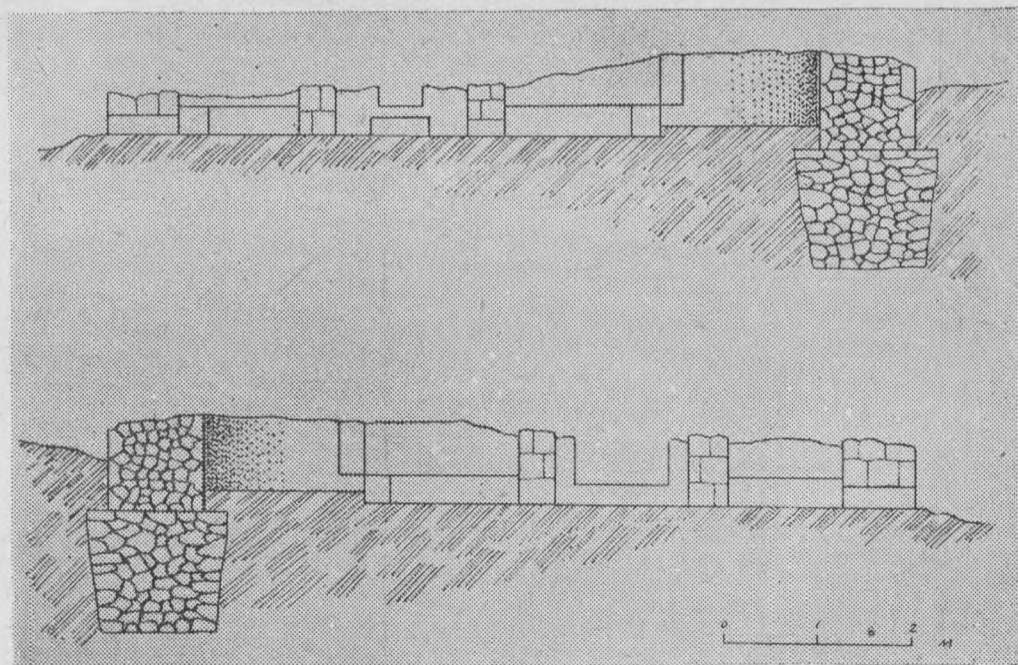

Табл. VI

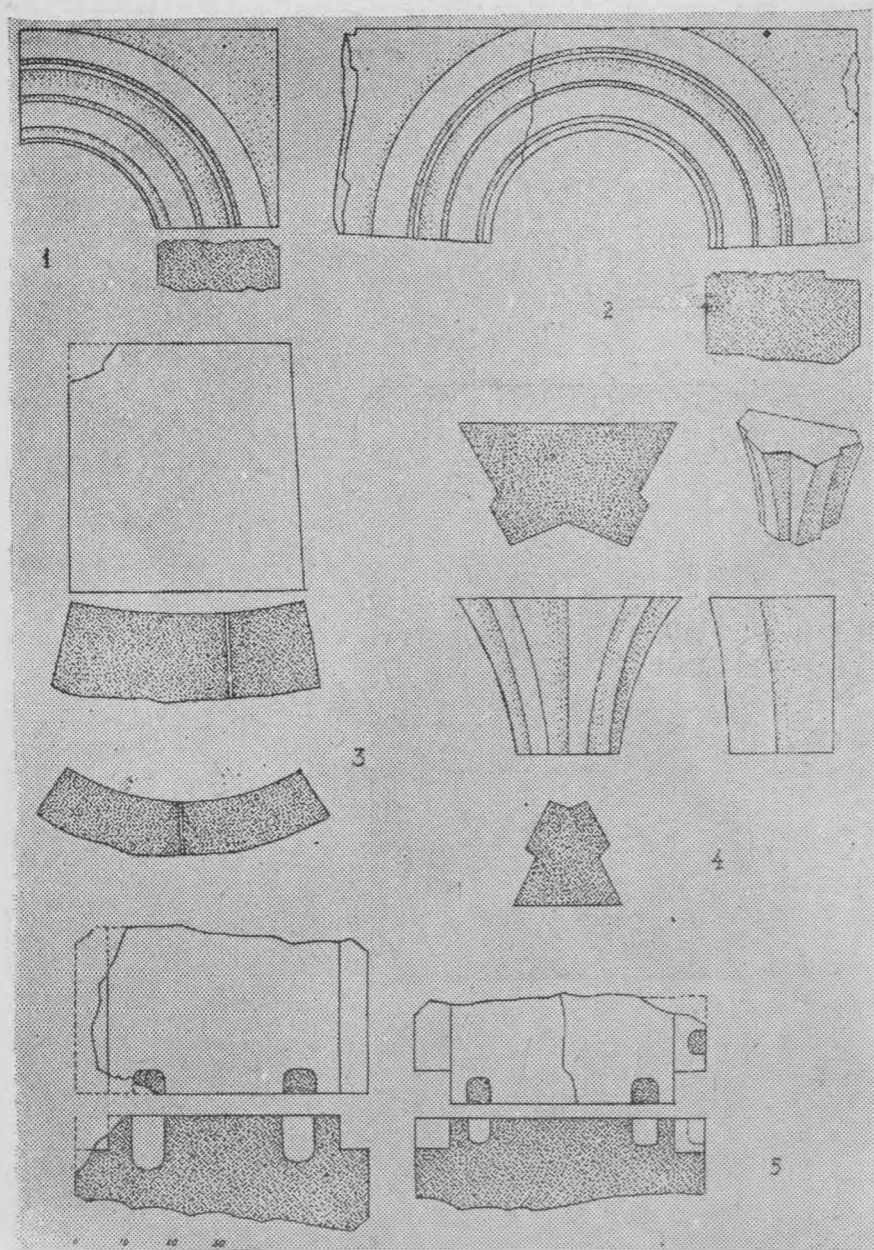

Табл. VII

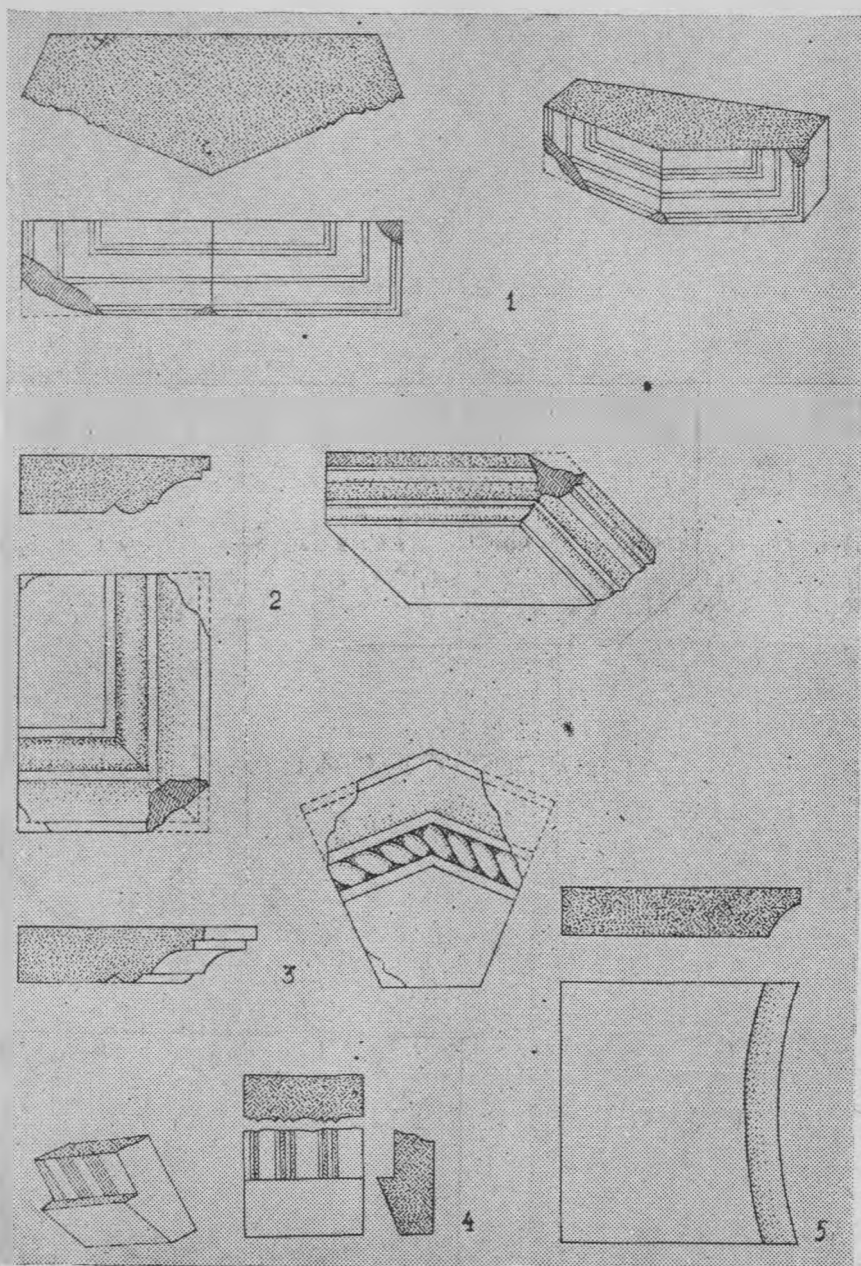

Табл. VIII

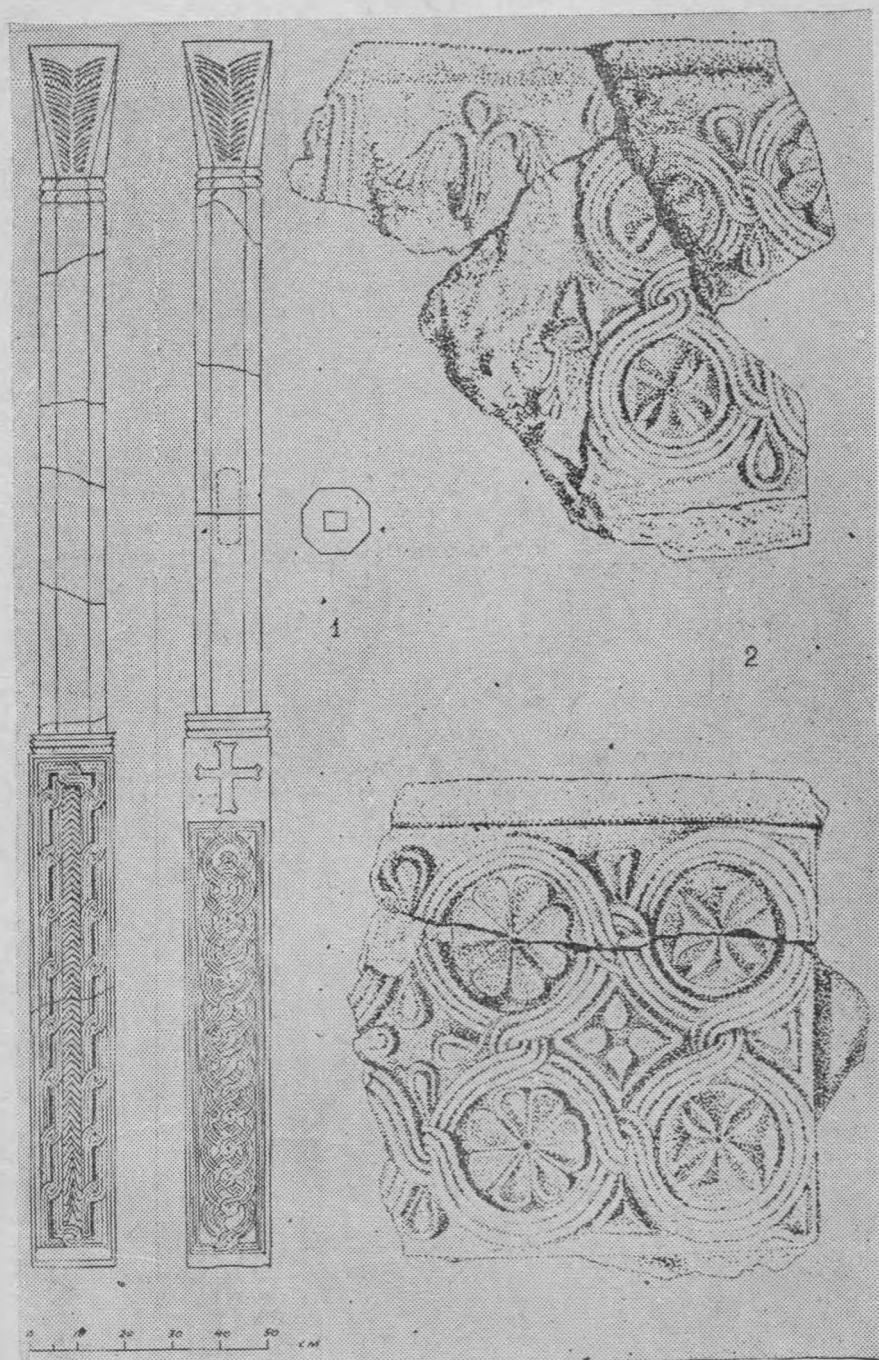

Табл. IX

Табл. X

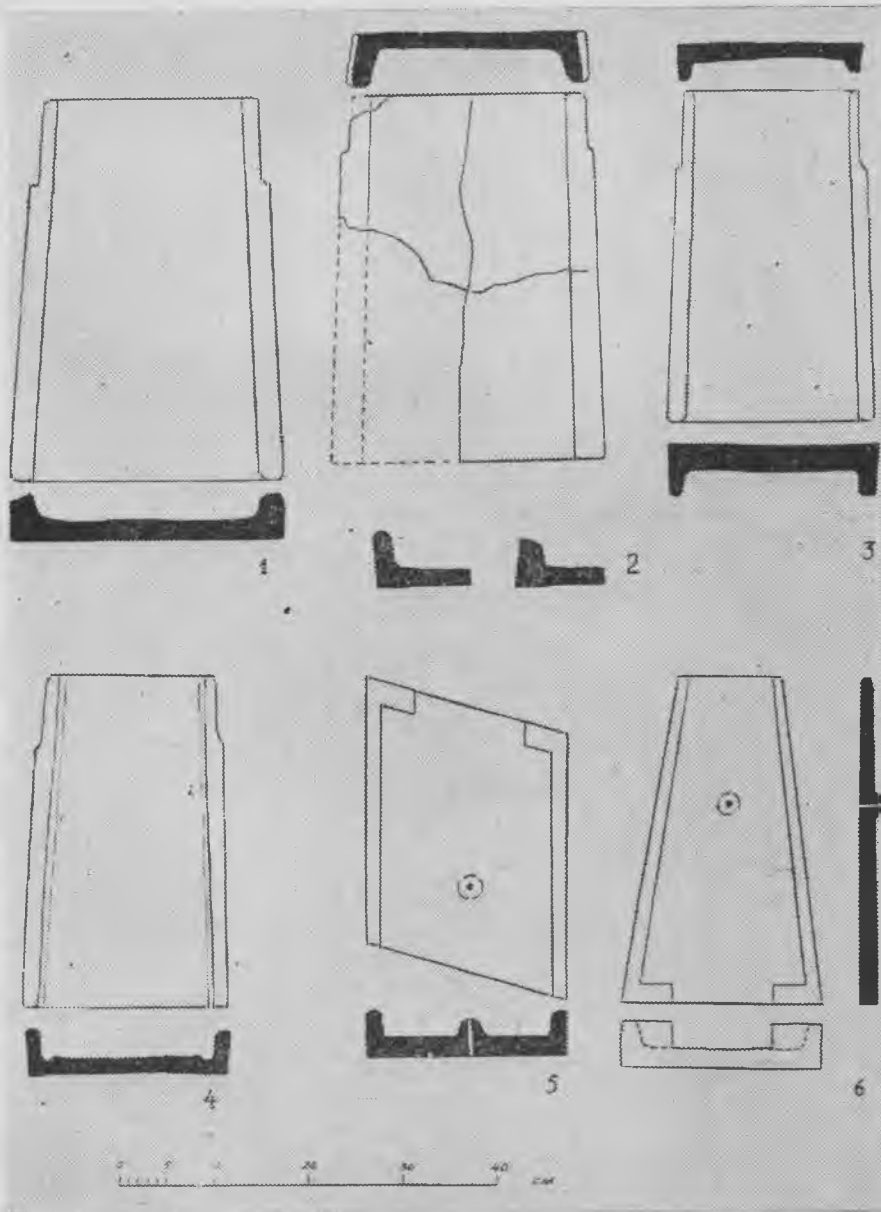
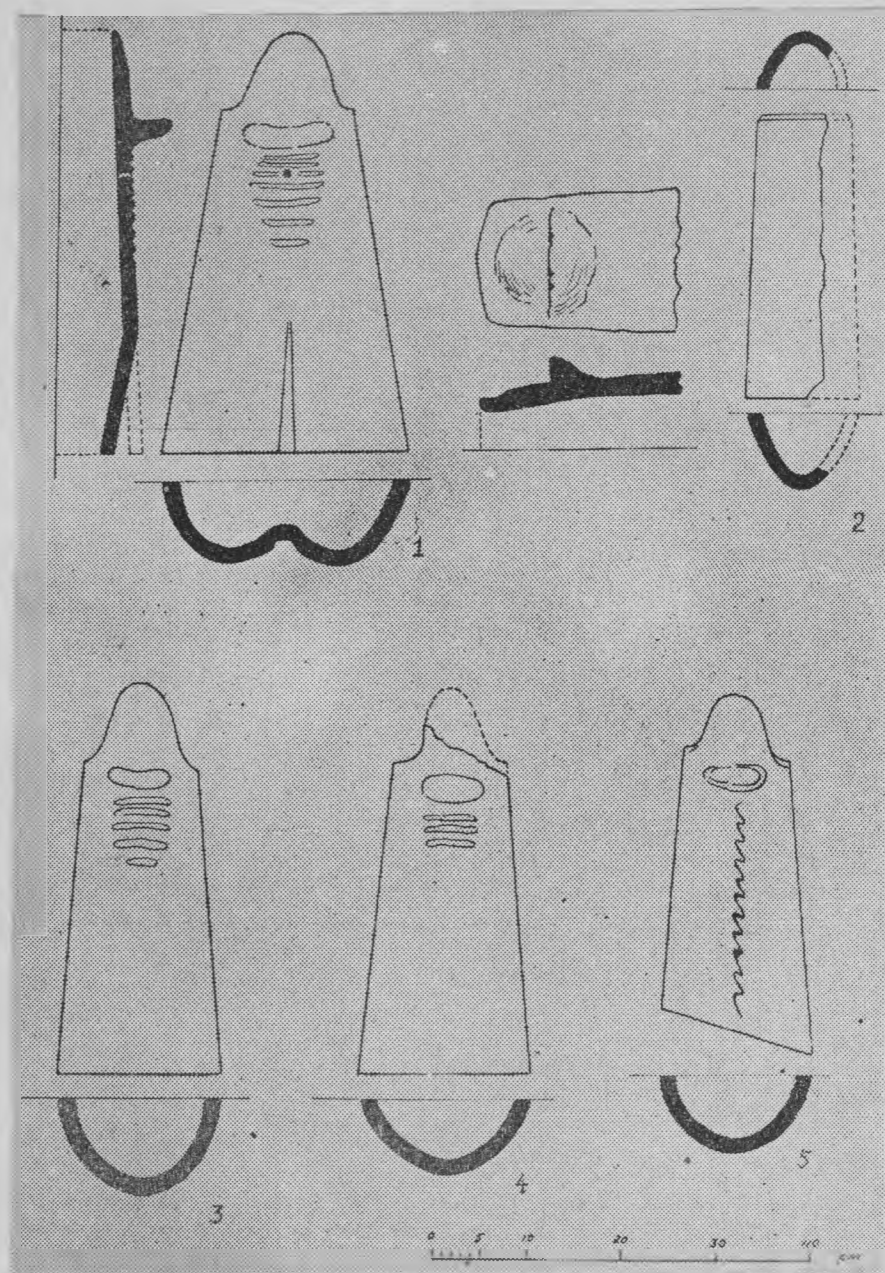
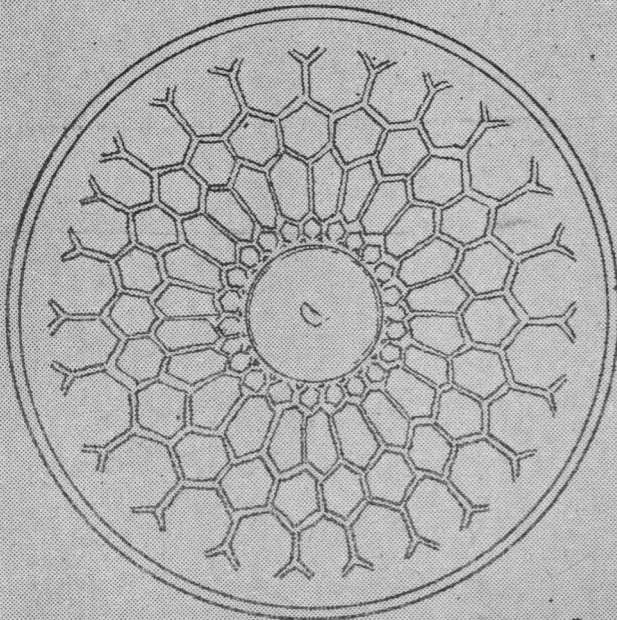
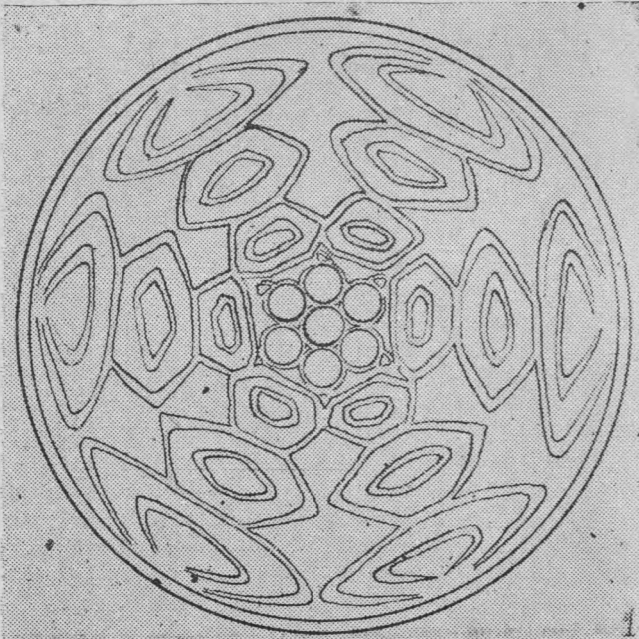

Табл. XI

0 1 2 3 4 5 cm

ФИБУЛЫ ИЗ НЕКРОПОЛЯ АХАЧЧАРХВА

Фibuла — это особый вид застежки, служившей в древности для скрепления одежды, а также для украшения. Существовало множество видов фибул, но общий их тип сохранялся неизменным. В фибуле различают: 1. Иглу, предназначенную для скрепления одежды; 2. Иглодержательный канал или желобок, в который входит конец иглы; имеет целью удерживать иглу и предохранять от уколов; 3. Дужку или корпус фибулы и 4. Пружину, соединяющую дужку с иглой¹.

Как показывает опыт изучения, фибулы, как одни из немногих сохранившихся в земле частей костюма, наглядно отражают контакты между областями, направление торговых путей и интенсивность их функционирования; наличие их локального варианта — хороший показатель районов местной металлообработки. Фибулы являются также одним из основных датированных предметов².

За последнее время в археологических памятниках Абхазии выявлено большое количество фибул. Основная масса их происходит из Цебельдинских могильников³, Пицундского городища⁴, а также из других позднеантичных пунктов Абхазии.

До сих пор они не были предметом специального изучения. В связи с этим в настоящей статье мы делаем попытку классифицировать фибулы одного из Цебельдинских могильников — Ахаччархва, раскопанного в 1962—1964 гг. В комплексе исследуемого могильного инвентаря фибулы преобладают в численном отношении не только среди предметов украшения, но и среди всех остальных видов металлических изделий. Из 61 выявленной нами фибулы 57 сделаны из бронзы⁵, 3 из железа и одна — комбинированная (дужка из серебра, игла из бронзы, а ось железная). По выделке дужек, форме ножек и наличию других дополнительных составных частей мы делим фибулы на 3 типа.

I тип (табл. I, 1) — лучковые фибулы с завязкой, дужка в сечении круглопроволочная с нижней тетивой. Игла с пружиной соединена с

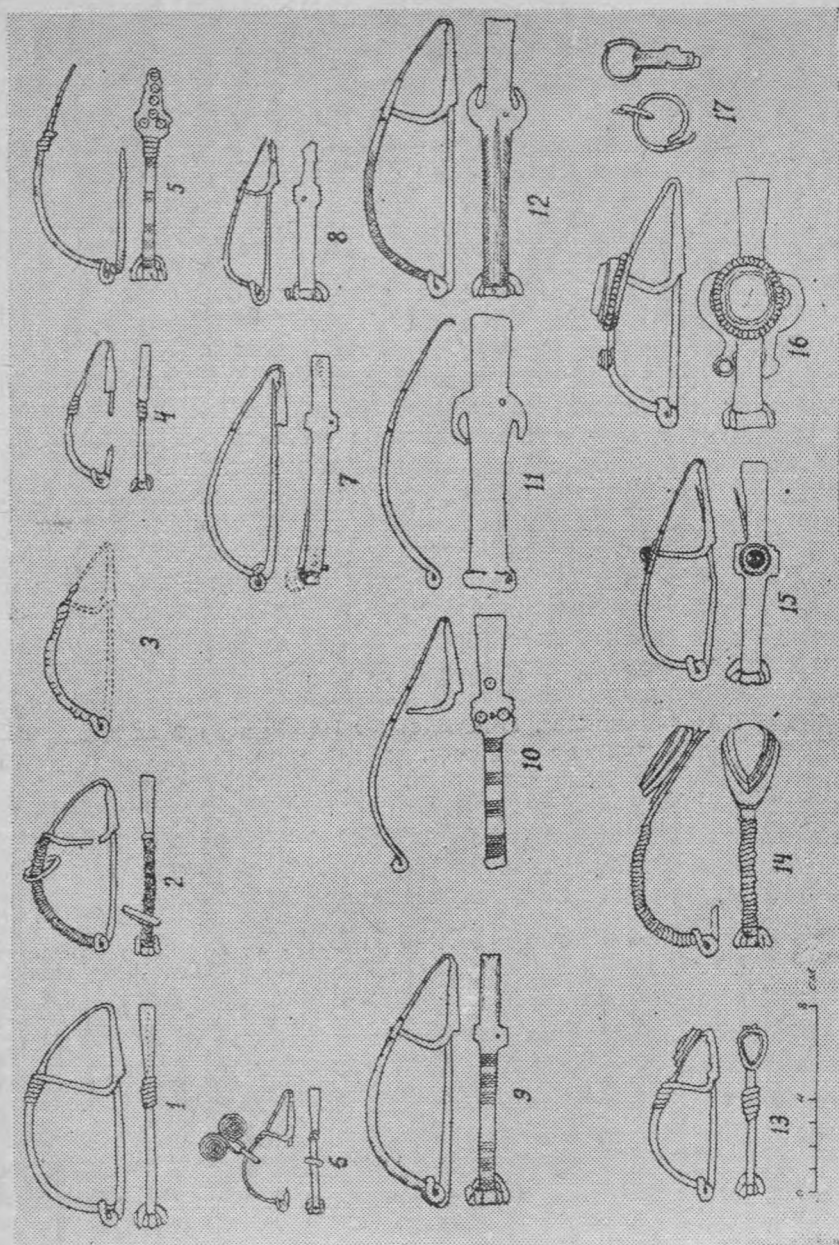
¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, XXXVa, СПб., 1902, стр. 642.

² А. К. Амброз. Экономические связи и передвижения народов на юге Европейской части СССР в I в. до н. э. — IV в. н. э. Автореф. канд. диссерт., М., 1964, стр. 4 — 5.

³ М. М. Трапш. О некоторых итогах археологических исследований в с. Цебельда Сухумского района. ТАИЯЛИ, XXXII, Сухуми, 1961, стр. 187 — 190. Его же. Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960 — 1962 гг., ТАИЯЛИ, XXXIII — XXXIV, Сухуми, 1963, стр. 258 — 277.

⁴ Р. М. Рамишвили. Археологические раскопки в Бичвинта. МАГК, III, Тбилиси, 1963, стр. 80 (на груз. яз.). Его же. Археологические раскопки в Бичвинта. МАГК, IV, Тбилиси, 1965, стр. 116 — 117 (на груз. яз.). О. С. Гамбашидзе. Бичвинта, предварительный отчет об археологических работах, произведенных в VII раскопе в 1956 — 57 гг. МАГК, III, Тбилиси, 1963, стр. 90 (на груз. яз.). Его же. Бичвинта (Итоги раскопок 1958 г. на седьмом участке археологической экспедиции), МАГК, IV, Тбилиси, 1965, стр. 128 (на груз. яз.).

⁵ Мы считаем, что термин «бронза» сохранится условно до тех пор, пока не будет выяснен металлографический анализ изучаемых фибул.

исходящей из могильника Абгызрхва, опубликован М. М. Трапшем⁶. По-видимому, к этому типу следует отнести лучковую фибулу с завязкой, выявленную А. Комаровым в Новом Афоне в 1882 г. (хранится ныне в ГИМе; инв. № 57/59). Дужка Ново-Афонского экземпляра украшена перпендикулярно нанесенными поясками из тонкой проволоки, ножка пластинчатая. Размеры: длина 8 см, высота 2,6 см (табл. I, 3). К разновидностям этого типа следует отнести фибулы с тонкопроволочной обмоткой дужки, на спинку которой нанесены 8-образные спиральные завитки из накатной проволоки, имеющие чисто декоративное значение. Фибулы с проволочной намоткой бывают обычно парные, соединенные длинной тонкой цепочкой. Этот вид фибулы украшался также очкообразными спиралями, подвешенными к спинке фибулы двумя кольцами⁷. Размеры: длина 7,6 см, высота 3,4 см, длина иглы 7,2 см, диаметр поперечного сечения вместе с обмоткой 0,5 см (всего 6 экземпляров); по 2 фибулы происходят из двух погребений (№№ 4, 19) и по одной из погребений № 16 и 17. По техникековки, способу нанесения намотки, а также размерам они тождественны, что позволяет говорить не только об одновременности их бытования, но и возможности выполнения их одним мастером. Материал о двух аналогичных фибулах, происходящих из позднеантичного могильника Алрахва, опубликован М. М. Трапшем⁸. По комплексам датируются III — IV вв. н. э.

Первый подтип (табл. I, 4). Фибулы с прямой ножкой, низким корпусом (погр. № 31). Края пластинчатой ножки украшены поперечными насечками. Судя по ее размерам, видимо, ею скрепляли тонкую ткань. Размеры: высота 2,2 см, длина 6 см (1 экземпляр).

Второй подтип (табл. I, 5). Фибулы с граненой дужкой. Они относятся к разновидностям фибул с завязкой. Нижняя часть корпуса украшена врезными полукружочками, а у места завязки нанесена форма креста. Длина сохранившейся части 7 см, высота 2,2 см (погр. №№ 9, 16, 37).

II тип (табл. I, 6) — фибула с прогнутой спинкой. Она отличается от предыдущих полвязных фибул тем, что дужки у нее пластинчатые с сильно выступающим прогнутым профилем, круто переходящим к ножке и образующим узкую длинную щель в пространстве между корпусом и иглодержателем. При помощи кольца на одной из фибул подвешена очкообразная спираль в 6 завитков, выполненная из тонкой проволоки (2 экз.) (погр. №№ 4, 26). Размеры: длина первой 5,5 см, высота 2,3 см; длина второй 6,1 см, высота 1,9 см. Одна из них происходит из погребения № 26 вместе с медальоном IV в. н. э. Две аналогичные фибулы с прогнутой спинкой известны из Верхней Рутхи⁹.

III тип (табл. I, 8—9) — фибулы с приклепанными концами подвязки. Эта самая большая группа фибул, происходящая из могильника Ахачхархва. Здесь выделяется несколько подтипов.

Первый подтип (табл. I, 9). Крестовидная с круглой дужкой в сечении, с изогнутой спинкой в профиль. Подвязка соединена с дужкой путем сквозной заклепки. В середине дужки, там, где иглодержатель соединен с корпусом, имеются различные формы: например, крест

⁶ М. М. Трапш. Некоторые итоги..., ТАИЯЛИ, XXXIII—XXXIV, стр. 270, рис. 7, 1.

⁷ Следует отметить, что корпус фибулы I типа полностью повторяет форму одночленных фибул из Клдети (II в. н. э.) с той разницей, что у последних тетива выступает сверху дужки (Г. А. Ломтатидзе. Клдетский могильник. Тбилиси, 1957, табл. XIII, 1-3).

⁸ М. М. Трапш. Указ. соч., стр. 270, рис. 7, 2.

⁹ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, табл. CIV, 4-5.

(погр. №№ 42, 45), вытянутая четырехугольная форма (погр. №№ 19, 26, 28, 32). Поверхности дужек орнаментированы тонкими поперечными надрезами (погр. №№ 28, 42, 45). Размеры малой фибулы: длина 7,3 см, высота 2,5 см. Эта фибула происходит из погребения № 32 и датируется по стеклу первой половиной IV в. н. э. Размеры наибольшей фибулы: длина 10,7 см, высота 3,7 см (погр. № 42).

Второй подтип (табл. I, 8). Крестовидная с пластинчатой дужкой. По форме изгиба спинки эта фибула дает два варианта:

а) угловатый в профиле (5 экз.). Все они происходят из погребения № 33. Размеры: длина наименьшей фибулы 7 см, высота 1,5 см; длина наибольшей фибулы 9,5 см, высота 2,7 см;

б) фибулы с округлой спинкой (погр. №№ 2, 7, 15, 28, 36, 38, 43) (из них две фибулы изготовлены из серебра). Размеры их колеблются от 7 до 10 см в длину и от 2 до 3,3 см в высоту. Две аналогичные фибулы известны из с. Мерхеул. Одна из них с расширенной пластинчатой ножкой орнаментирована поперечными надрезами и тремя врезными кружочками с точечными наколами в середине. Второй экземпляр обнаружен в с. Амткел, тоже из разрушенного погребения. Аналогичные фибулы известны из с. Мцара¹⁰ и Пицундского городища¹¹.

По мнению проф. Б. А. Куфтина, распространение крестовидных фибул относится к эпохе не ранее 2-й половины I тыс. н. э.¹² Материалы изученного нами могильника дают основание внести в это поправку. В частности, в погребении № 2 вместе с пластинчатой крестовидной фибулой найдена стеклянная посуда, относящаяся ко времени не позднее IV в. н. э. (табл. II). Фибула с крестовидной перекладиной известна также из Гагра¹³.

Третий подтип (табл. I, 11, 12) — фибулы с выступами роговидной формы на дужке. В профиле они сходны с фибулами с круглой спинкой, но в отделке корпуса отличаются рядом признаков: от головки корпуса до места заклепки подвязки проходит по центру прорезанный желобок, придающий дужке двухстворчатый вид (2 экз., погр. № 37). Дужки обеих фибул орнаментированы косыми насечками. Размеры первой фибулы: длина 11,3 см, высота 3,6 см; длина второй фибулы 11,9 см, высота 3,8 см. Обе кованы. Примерно такая же фибула доставлена из с. Амткел (табл. I, 2) колхозником Х. Кондакчаном в 1954 г. (хранится в фондах Абхазского института языка, литературы и истории). Последняя отличается от Ахачхархвинских экземпляров массивностью дужки. Ее размеры: длина 12 см, ширина дужки 1,7 см.

Фибулы с инкрустацией. К этой группе мы относим фибулы, украшенные резными камнями и стеклом, независимо от того с завязкой или приклепкой соединен иглодержатель с дужкой. Ввиду их немногочисленности здесь даем подробное описание каждой фибулы.

1. Круглопроволочная бронзовая фибула (табл. I, 13). Подвязка соединена с дужкой шестью оборотами проволоки. На заднем конце дуги припаена миндалевидная пластинка, а на ней пластинчатая рама с ободком из зерни, в который и вставлено синее стекло в соответствии с формой миндалевидной пластинки. Длина 7,5 см, высота 2,9 см, диаметр проволочного сечения 0,3 см (2 экз.). Вместе с ней в погребении

¹⁰ Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды. I, Тбилиси, 1949, стр. 93-94.

¹¹ О. С. Гамбашидзе. Указ. соч., стр. 90.

¹² Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 93 — 94.

¹³ А. А. Спицын. Могильник V в. в Черноморье, ИАК, 23, стр. 105, 13.

№ 30 был стеклянный бокальчик с синими напаями и серебряная серьга с «гирькой», согласно которым и датируется весь комплекс IV в. н. э.

2. Фибула со сплошной намоткой проволоки на дужке, некогда выступавшей в виде декора, ныне распавшейся (табл. I, 14). На плоской поверхности конца дуги припаяна аналогично предыдущей фибуле миндалевидная пластинка с гнездом, со вставкой слоистого халцедона молочного цвета, прекрасной полировки. Обойма гнезда не сохранилась. Размеры: длина 9,5 см, высота 3,7 см. Фибула лежала на левом плече покойника (погр. № 31). По комплексу погребение датируется примерно так же, как и предыдущее погребение № 30.

3. Бронзовая двучленная фибула, с дуговидной спинкой, пластинчатая, с крестовидной перекладной и плавно расширяющейся ножкой у основания (табл. I, 15). На перекладине припаян тонкий бронзовый листочек, а на нем серебряное колечко из зерни, образующее гнездо, в которое вставлен сердоликовый камень оранжевого цвета. Размеры: длина 9,5 см, высота 2,8 см, ширина спинки 9 мм. Фибула происходит из разрушенного погребения № 34 и датируется комплексом IV—V вв. н. э.

4. Железная фибула с округлой пластинчатой дужкой, лировидным украшением. Иглодержатель соединен с дужкой приклепанным концом подвязки. На дужке напаян тонкий лист, а на нем круглопроволочный ободок, составленный из зерни, окаймляющей, в свою очередь, пластинчатое гнездо с большим вставным сердоликом. Одна сторона отростка была отломана еще в древности, а на конце сохранившейся части имеется маленькое гнездышко, инкрустированное бесцветным стеклом. Фибула происходит из разрушенного женского погребения, находящегося в 200 метрах к юго-западу от могильника Ахаччархва. По сопровождающему погребение материалу (стеклянная посуда, бусы и т. д.) фибулу следует датировать IV в. н. э. Размеры: длина 10,8 см, высота 3,9 см, ширина пластинчатой дужки 1,3 см (табл. I, 16). Вместе с ней найдена фибула аналогичной формы, но более миниатюрного размера. Все перечисленные четыре фибулы с инкрустацией не имеют прямых аналогий вне пределов Цебельды. Однако по форме к ним всего ближе Гагрские фибулы, которые считались А. А. Спицыным импортом из Византии¹⁴.

Проделанная классификация фибул могильника Ахаччархва и их параллелей, происходящих из разных уголков Абхазии, дает основание сделать некоторые выводы.

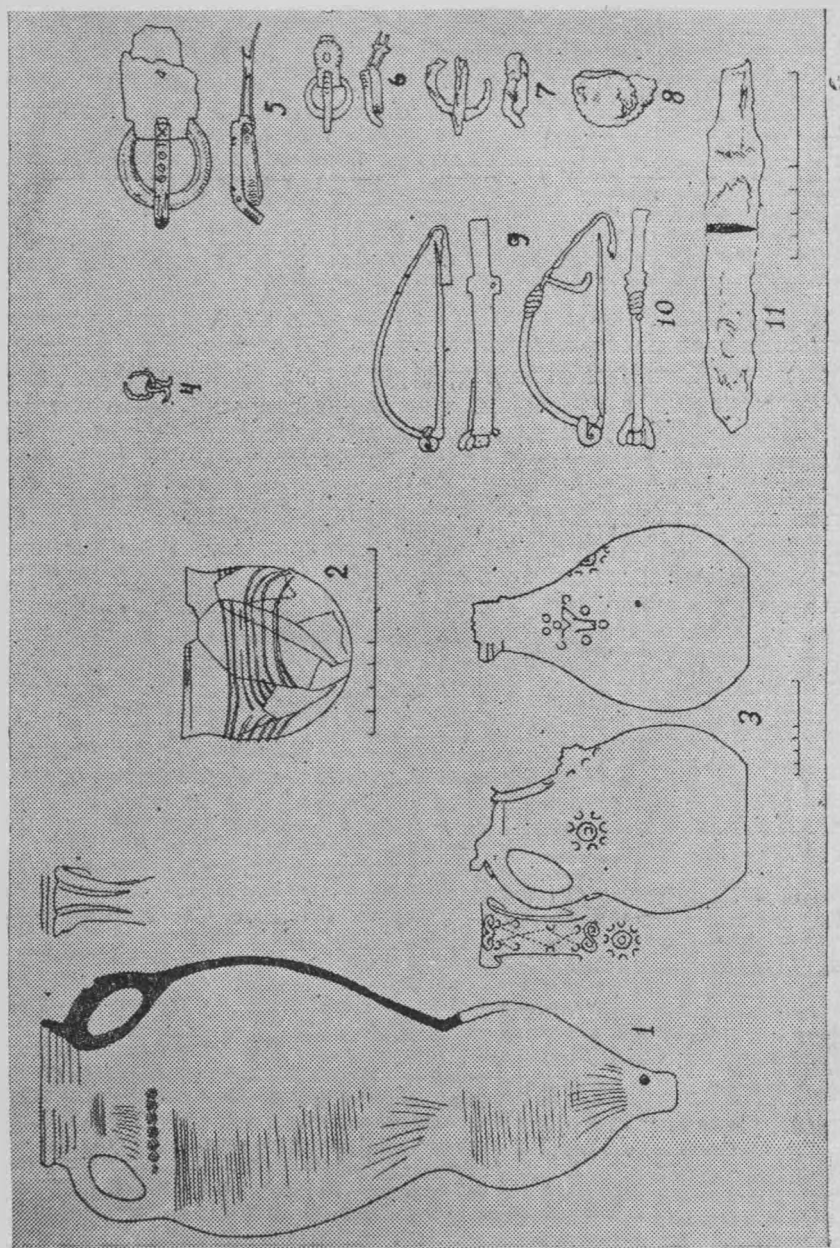
В рассматриваемую эпоху, когда функционировал могильник Ахаччархва, у местного населения прослеживается большой спрос на фибулы, и, как видно из погребального инвентаря, эта категория предметов украшений выступает неотъемлемой частью костюма людей обоего пола. В изучаемом могильнике представлены только двучленные фибулы, характерные для позднего этапа.

Но сравнительный анализ показывает, что основная их форма (I тип нашей классификации) полностью повторяет формы одночленных дуговидных фибул из хорошо датированного некрополя Кддеети II в. н. э.¹⁵ Нужно полагать, что рассматриваемый нами тип фибулы должен восходить к более ранним одночленным фибулам. Это вовсе не значит, что фибулы вообще не меняли своей формы. Наоборот, сохра-

¹⁴ А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 106.

¹⁵ Г. А. Ломтатидзе. Указ. соч., табл. XIII, 1-3.

няя какую-то общую линию развития, мастера-ювелиры изготавливали фибулы в соответствии со вкусом населения и быстро менявшейся модой. Отсюда и важность установления датировки фибул. Так, считалось, что фибулы с круглопроволочной дужкой по своему происхождению предшествуют фибулам с крестовидной дужкой. Как было выше отмечено, проф. Б. А. Куфтин полагал, что эта форма Цебельдинских фибул появилась только во второй половине I тыс. н. э. Погребальный комплекс № 2 (табл. II) могильника Ахачхархва показывает, что крестовидные фибулы бытовали среди населения еще в IV в. н. э. Этим са-

мым вносится поправка в хронологию в сторону их удревнения по крайней мере на два века, вопреки существовавшим представлениям.

Вместе с тем, рассматриваемые фибулы с учетом археологических открытий последних лет в Абхазии вносят также ясность и по некоторым другим вопросам истории материальной культуры изучаемой эпохи. Имеются в виду фибулы с инкрустацией, которые дореволюционные исследователи (А. А. Спицын и др.) считали фибулами византийского происхождения.

Не исключая импорт вещей из Византии, мы полагаем, что инкрустированные фибулы изготовлялись также и местными мастерами.

Таким образом, фибулы могильника Ахаччархва следует считать продукцией местных мастерских. Они были одним из элементов той самобытной культуры позднеантичной и раннесредневековой Абхазии, которая стала известна в литературе как Цебельдинская культура.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ В АБХАЗИИ

Одним из важнейших периодов древнейшей истории Кавказа является эпоха энеолита и ранней бронзы — время крупных изменений в хозяйственной деятельности человека (овладение производством металлических изделий, интенсивное развитие земледелия, скотоводства), обусловивших в свою очередь и социальные сдвиги (переход от матриархата к патриархату).

Для конкретного понимания этого сложного отрезка первобытной истории первостепенную роль играет изучение данных археологии.

Многолетними археологическими исследованиями на территории Кавказа обнаружено уже довольно значительное количество памятников этой эпохи — эпохи энеолита и ранней бронзы. Изучение этих памятников (как поселений, так и погребений) дало возможность археологам выделить на Кавказе две большие географические области, разнящиеся между собой характерными комплексами вещественных источников, то есть археологическими культурами.

Одна из них, охватывающая Северный и отчасти Северо-Западный Кавказ, характеризуется распространением так называемой «Майкопской культуры»¹. Другая, включающая Закавказье и северо-восточные части Малой Азии, характерна распространением культуры, получившей название «Куро-аракского энеолита»².

Работами последних лет на северо-востоке Кавказа, на территории ЧИ АССР в зоне контакта этих культур обнаружены объекты, археологический материал которых близок как Майкопской, так и Куро-аракской культурам. Изучение этих объектов позволило Р. М. Мунчаеву выделить в Дагестане особую группу памятников и рассматривать ее как Северо-Восточный локальный вариант Куро-аракской культуры³. В Западной части Дагестана и в Чечено-Ингушетии древние памятники носят более смешанный характер. Здесь даже в отдельных поселениях (Луговое, Сержень-Юрт) обнаруживаются элементы обеих культур⁴.

¹ Памятникам Майкопской культуры посвящена большая специальная литература. Наиболее полная историографическая сводка по этой культуре дана в работе А. А. Иессена к хронологии больших кубанских курганов. СА, XII, М.-Л., 1950, стр. 157—200; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 3—8.

² Очерк истории изучения Куро-аракского энеолита дан в монографии Р. М. Мунчаева — Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, М., 1961, стр. 9—19. О последних работах см. у К. Х. Кушнareвой и Т. Н. Чубинишвили. Историческое значение южного Кавказа в III тыс. до н. э. СА, № 3, 1963, стр. 10—24.

³ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура... МИА, 100, стр. 147.

⁴ Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция КСИИМК, 55, 1954, стр. 99; его же. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, 2, стр. 155—157; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура..., стр. 27—29; его же. Памятники Майкопской культуры в Чечено-Ингушетии, СА, 1962, 3; Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 году. КСИА, 88, 1962; А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА, 94, 1963, стр. 42.

Проследивая генетическую и историческую связь древнейших археологических культур Кавказа, лауреат Ленинской премии, профессор Е. И. Крупнов, привлекая данные этнографии, лингвистики, антропологии находит «...в фактах конца III тыс. до н. э. признаки начавшегося распада общекавказского культурного и этнического (языкового) единства, истоки которого должны уходить в предшествующую неолитическую эпоху»⁵.

Археологические памятники III тыс. до н. э. Черноморского побережья Кавказа, в частности Абхазии и Северной части Кавказского Причерноморья, носят своеобразный характер. Находясь между двумя культурными регионами — Майкопским и Куро-аракским, древняя культура Черноморского побережья не могла не иметь взаимосвязей с этими областями. Кроме того, анализ материалов из памятников этой эпохи говорит и за то, что культура Западного Кавказа испытывала на себе непосредственное влияние передовых для того времени древнейших цивилизаций Востока.

К сожалению, наличные археологические памятники интересующей нас эпохи на территории Абхазии изучены еще недостаточно. Поэтому в настоящее время судить о культуре энеолита и ранней бронзы этого края можно основываясь лишь на материале сравнительно небольшого количества обследованных памятников.

В данной статье даются краткие данные историко-археологического изучения памятников, характеризующих культуру энеолита, ранней бронзы Абхазии и прилегающих к ней районов Западного Кавказа, а также некоторые сведения истории изучения памятников неолита и поздних этапов бронзы.

Территория Абхазии издавна привлекала внимание любознательных путешественников и специалистов-археологов, интересовавшихся прошлым этой легендарной страны. В течение XIX века здесь побывали: Дюбуа де Монпере⁶, М. Муравьев⁷, Броссе⁸, Д. З. Бакрадзе⁹, П. С. Уварова¹⁰, В. И. Сизов¹¹, А. М. Павлинов¹², епископ Леонид (Кавелин)¹³, А. А. Миллер¹⁴ и др. Однако все они в своих исследованиях останавливались, главным образом, на изучении памятников, относящихся к средневековью и античному времени. В одной из своих работ А. А. Миллер опубликовал рисунки найденных в селе Ачандара бронзовых предметов, однако комментарий к ним не дал¹⁵.

⁵ Е. И. Крупнов. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность. Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований, 1962 (отделение исторических наук), М., 1963, стр. 23; *его же*. Древ. культ. единство Кавказа и Кавказская этническая общность. Доклад на XXVI международном конгрессе востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1963; *его же*. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. СА, I, 1964, стр. 26 — 43.

⁶ Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, Сухуми, 1937.

⁷ Муравьев. Грузия и Армения. Три части. СПб., 1848.

⁸ Brosset, *Rapports sur un voyage archeologique dans la Georgie et dans l'Arménie exécuté en 1847-1848*. Vol. S-PB. 1849-5.

⁹ Д. З. Бакрадзе. Кавказ в древних памятниках христианства. Записки общества любителей Кавказской археологии, книга I, Тифлис, 1875, стр. 19—176.

¹⁰ П. С. Уварова. Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшетия, Псховский участок. Путевые заметки, ч. II, М., 1891.

¹¹ В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, в. II, М., 1889.

¹² А. М. Павлинов. Экспедиция на Кавказ в 1888 г. МАК, в. III, М., 1893, стр. 1—29.

¹³ Епископ Леонид (Кавелин). Абхазия и ее христианские древности. М., 1887.

¹⁴ А. А. Миллер. Разведка на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. Изв. ИАК, в. 33, СПб., 1909, стр. 71—83.

¹⁵ Там же, стр. 82.

Древностями Абхазии интересовались и местные любители археологии — В. И. Чернявский¹⁶, А. Н. Введенский¹⁷, К. Д. Мачавариани¹⁸, но и они в области изучения памятников первобытного общества не дали ничего существенного.

В дореволюционное время на Кавказе были обнаружены многочисленные памятники, относящиеся к медно-бронзовой эпохе. Поэтому у исследователей естественно возникал вопрос о возможности бытования аналогичных культур и на территории Абхазии. Однако отсутствие археологических данных привело исследователей к неправильным выводам.

Так, П. С. Уварова писала, что в Абхазии о дольменах ничего неизвестно, «о них народ не имеет никаких представлений, чем несомненно доказывается, что их в крае никогда не существовало»¹⁹.

В. И. Сизов объясняет отсутствие на Черноморском побережье памятников эпохи бронзы тем, что эта область «отделенная горами от северо-восточных областей Кавказа и находясь близко от моря, подчинялась влиянию других народностей»²⁰. А. А. Миллер, основываясь на сообщениях древних авторов о способе погребения (подвешивание покойников на деревьях), практиковавшемся у колхов, пришел к неправильному заключению, что древние могильники в Абхазии вообще не могут быть обнаружены²¹.

Таким образом, в этот период изучение памятников, относящихся к первобытному обществу, на территории Абхазии не проводилось, и отсутствие вещественных источников отразилось на выводах исследователей, касавшихся этой темы.

Между тем, здесь уместно сказать, что кое-какой материал, относящийся ко времени существования первобытного общества, все же имелся в наличии.

Так, в коллекции Абхазского государственного музея хранится несколько предметов, в паспорте которых значится, что они находки 1914, 1917—20 годов²². Это кремневые наконечники стрел и дротиков, каменный молот, небольшой каменный молоток с просверленным отверстием и другие предметы. Найденные в различных местах Абхазии членами общества «Любителей природы» предметы эти были выставлены в экспозиции музея, организованного в мае 1918 г.²³ Однако почему-то никто из исследователей на них не обратил внимания. Значительно позже в 1935 году М. М. Иващенко в своей работе «Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии» дал опи-

¹⁶ В. И. Чернявский. Записки о памятниках Зап. Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. V арх. съезд в Тифлисе. Тр. пред. ком. М., 1882.

¹⁷ А. Н. Введенский. Замечания на записку Чернявского V арх. съезд в Тифлисе. Тр. пред. ком. М., 1882.

¹⁸ К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель по Сухуми и Сухумскому округу. Сухуми, 1913.

¹⁹ П. С. Уварова. Несколько дополнительных сведений по вопросу о Кавказских дольменах. МАК, в. 9, М., 1904, стр. 175.

²⁰ В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря. МАК, в. II. М., 1889, стр. 173.

²¹ А. А. Миллер. Разведка на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, в. 33, СПб., 1909, стр. 71—72.

²² Архив Абхазского музея. Опись I инв. №№ 65 —

1236	123
АМ 153	АМ 179

²³ Е. Т. Папашвили. К истории создания Абхазского государственного музея. Труды Абгосмузея 1949 г.; Г. Т. Черкезия. Абхазскому музею 50 лет. Труды Абгосмузея, т. III, I. Г. Черкезия, М. А. Лабаха...

сание этих предметов, но датировал неправильно, относя их ко времени XI—VII вв. до н. э.²⁴

Систематическое изучение памятников древности в Абхазии началось только после установления Советской власти.

В 1922 году создается Абхазское научное общество, возглавившее изучение истории Абхазии²⁵. К этому году и относится первое открытие и описание памятников, принадлежащих к медно-бронзовой эпохе.

В 1926 г. в выпуске известий Абхазского научного общества была опубликована небольшая статья В. И. Стражева, в которой описаны впервые обнаруженные на территории Абхазии дольмены²⁶.

Дольмены (по-бретонски «доль» — стол, «мен» — камень) являются интереснейшими и пока еще в некоторой степени загадочными сооружениями древности. Эти каменные гробницы представляют из себя в большинстве случаев четырехугольное помещение в виде ящика из поставленных на ребро четырех огромных каменных плит и покрытых сверху пятой плитой. Вес отдельной плиты у одного из Эшерских дольменов по подсчетам Б. А. Куфтина достигал 22,5 тонн)²⁷. В передней лицевой плите имелось обычно круглое отверстие, затыкавшееся каменной пробкой. Распространены дольмены на довольно широкой территории. Они встречаются многочисленными группами в Индии, Алжире, вдоль берегов Средиземного моря от Туниса до Верхнего Египта, во Франции, в Дании, в Португалии, в Центральной Аравии, Палестине, Персии, частью в Испании, Германии, Швеции, в Англии, Шотландии, Бельгии, Греции. На территории нашей страны в Крыму, на Украине и на Кавказе.

Кавказские дольмены распространены по обе стороны северо-западной части Главного Кавказского хребта. На северной стороне областью их распространения является горная и предгорная полосы от Таманского полуострова до р. Ходзь — притока р. Лабы. На Черноморском побережье дольмены встречаются от Новороссийска до Сухуми, большей частью на возвышенных террасах, на склонах и гребнях небольших водораздельных хребтов.

Первые известия об обнаружении такого рода памятников на территории Кавказа мы имеем еще с конца XVIII века²⁸. Их изучением занимался целый ряд исследователей, среди которых надо особо отметить деятельность Е. Д. Фелицына, проводшего большую работу по изучению дольменов Северо-Западного Кавказа²⁹.

В данной статье мы не будем останавливаться на истории изучения дольменной культуры всего Кавказа. По этому вопросу имеется большая литература. Сошлемся на статью Л. И. Лаврова «О дольменах Северо-Западного Кавказа», где дана довольно подробная сводка

²⁴ М. М. Ивашенко. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935, стр. 5—6.

²⁵ Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш. Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти. Труды Абхазского института языка литературы и истории им. Д. И. Гулиа, вып. 32. Сухуми, 1961, стр. 115.

²⁶ В. И. Стражев. К Азантскому дольмену. Известия Абхазского научного общества, вып. IV. Сухуми, 1926, стр. 125—127.

²⁷ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I, Тбилиси, 1949, стр. 267.

²⁸ Л. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа. Труды Абхазского ин-та., вып. 31. Сухуми, 1960, стр. 101. Имеются в виду наблюдения академика Паласса во время поездки на Таманский полуостров в 1794 г. P. S. Pallas, *Bemerkungen auf einer Reis in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*, b. II, Leipzig, 1803, стр. 278, 279.

²⁹ Е. Д. Фелицын. Западно-кавказские дольмены, МАК, IX, 1904, стр. 1—86.

последовательности изучения дольменов и приведена библиография вопроса³⁰.

Если восточная граница распространения дольменов на северном склоне Кавказа была в основном определена еще в начале XX века, то на Черноморском побережье эта граница отодвигалась по мере обнаружения новых групп все дальше и дальше на восток.

В. Д. Фелицын проводил эту границу по р. Псецуапсе³¹, П. С. Уварова относил ее к рр. Кадошу и Шахе у Сочи³². А. А. Спицын считал южной границей дольменов уже Гагра³³, а А. А. Миллер высказал предположение о возможности нахождения дольменов и южнее Гагра в Абхазии³⁴. В 1926 г. В. И. Стражев открыл Азантскую группу дольменов и установил границу распространения дольменов по р. Кодор³⁵.

Таким образом, открытие Азантской группы дольменов ввело территорию Абхазии в сферу распространения дольменной культуры Кавказа.

Азантские дольмены находятся у с. Азанта Сухумского района. В. И. Стражевым здесь было обнаружено три дольмена. Первый, сравнительно хорошо сохранившийся и, как позже стало известно, один из самых высоких дольменов всего Кавказа, расположен на плато, возвышающемся над озером Амткел. Второй на том же плато, в двухстах метрах к северу от первого. Третий дольмен находится в поселке Сули Азантского сельсовета. Обследуя эту группу, В. И. Стражев сделал только обмер дольменов. Раскопок проведено не было.

Азантские дольмены оказались не единственными в Абхазии. В той же статье «К Азантскому дольмену» В. И. Стражев сообщает: «Сопутствуя проф. А. С. Башкирову в конце сентября (1925 г.—В. Б.) в село Ачандара Гудаутского уезда я, по указанию А. Л. Лукина, имел возможность осмотреть на участке Ив. Чамагуа пять разрушенных дольменов»³⁶.

В 20-е годы в Абхазии были сделаны интересные археологические открытия и памятников позднебронзовой культуры Кавказа, получившей название колхидской³⁷. Несмотря на большой научный интерес, вызванный открытиями 20-х годов, этот период «характеризуется лишь накоплением фактических данных, не вскрывавших пока еще все научное значение памятников»³⁸. Работы проводились членами краеведческого общества и носили характер частной инициативы.

Только в начале 30-х годов, с созданием Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (АбНИК, АбНИИ), начинается более целенаправленное историческое изучение

³⁰ Л. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа. Труды Абх. института, вып. 31, 1960, стр. 101—178.

³¹ Е. Д. Фелицын. Западно-Кавказские дольмены. МАК, IX, 1904, стр. 12.

³² П. С. Уварова. Несколько дополнительных сведений о кавказских дольменах. МАК, IX, 1904, стр. 175.

³³ А. А. Спицын. Разведка памятников материальной культуры. Л., 1927; его же. Дольмены на Кавказе. Доклад в ГАИМК, 12.XI-1927.

³⁴ А. А. Миллер. Разведка на Черноморском побережье Кавказа в 1907. Изв. арх. комиссии, вып. 33, стр. 83.

³⁵ В. И. Стражев. К Азантскому дольмену, стр. 125.

³⁶ Там же, стр. 127.

³⁷ В. И. Стражев. Бронзовая культура в Абхазии. Изв. Абх. научного общества, вып. IV. Сухуми, 1926, стр. 105—124.

³⁸ Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш. Археологические исследования., стр. 116.

края. Деятельность нового института ознаменовалась крупным сдвигом и в области археологических исследований³⁹.

В 1930 году была обнаружена и обследована М. М. Иващенко группа дольменов в селе Эшера. Отсюда был получен и первый значительный дольменный инвентарь⁴⁰.

Эшерская группа дольменов находится в 20 км от г. Сухуми в поселке Кюр-Дере. Расположена она у верховьев реки Шиц-Квара на одной из южных террас водораздельного отрога бокового хребта. Обследовавший эту группу в 1930 г. М. М. Иващенко насчитал здесь 15 дольменов, большинство из которых хорошо сохранилось. В своей работе, посвященной раскопкам 1930 года⁴¹, М. М. Иващенко дает подробное описание самих дольменов, найденных в них предметов и находит аналогии к ним в инвентаре северо-кавказских дольменов. Разбирая способ погребения, он приходит к выводу, что дольмены являлись местом коллективного захоронения⁴². М. М. Иващенко обратил внимание на то, что инвентарь в каждом отдельном дольмене украшался изображением только одного вида животных или птиц, которые могли быть тотемами одного рода, а значит дольмены были родовыми могилами⁴³. Датировал дольмены Абхазии М. М. Иващенко II тыс. до н. э.⁴⁴

Такая общая датировка для всех дольменов Абхазии была не совсем точной; как будет сказано ниже, последующими исследователями были выделены более ранние и более поздние дольмены, разница во времени сооружения которых занимает довольно большой промежуток.

Раскопками четырех дольменов М. М. Иващенко не удалось установить многослойности захоронений. Относительно обряда погребения он высказал неверное предположение⁴⁵, которое в дальнейшем также было опровергнуто.

В публикации М. М. Иващенко указано о нахождении еще одной группы дольменов Абхазии близ села Отхара Гудаутского района⁴⁶.

Эта группа находится в центре Отхара на большой поляне около школы. Дольмены полностью разрушены. В некоторых местах видны плиты пола с пазами⁴⁷. Несколько плит использовано крестьянами под скамьи для сидения⁴⁸.

В 1933 г. проф. А. В. Фадеевым (доктор исторических наук, проф. А. В. Фадеев с 1929 по 1939 гг. работал в Абхазии) и бывшим директором Абхазского государственного музея Ф. А. Ашибоквым в Старых Гаграх была обследована небольшая Карстовая пещера. В ней были найдены четыре глиняных сосуда, с кальцитовыми натеками и даже небольшими сталактитами. В сосудах лежали отдельные человеческие кости и каждый сосуд был прикрыт человеческим черепом. Один из

³⁹ Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш. Археологические исследования..., стр. 116.

⁴⁰ М. М. Ivashenko. Beiträge zur vorgeschichte Abchasiens. Eur. Sept. Antiqua VII, Helsinki, 1932, стр. 98-103

⁴¹ М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935, стр. 9—50.

⁴² Там же, стр. 49.

⁴³ М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников..., стр. 49.

⁴⁴ Там же, стр. 50.

⁴⁵ Там же, стр. 48.

⁴⁶ Там же, стр. 14.

⁴⁷ О. М. Джапаридзе. Дольменная культура в Грузии. Труды Тбилисского гос. ун-та, т. 77, Тбилиси, 1952, стр. 78 (на груз. яз.).

⁴⁸ М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников..., стр. 14.

черепов искусственно деформирован. Из четырех найденных сосудов два были оставлены Гагринскому музею, а после его закрытия утеряны. Два сосуда хранятся в Абгосмузее⁴⁹. К сожалению, ни один из черепов не сохранился. По форме и технологическим принципам Л. Н. Соловьев датирует эти сосуды концом энеолита и началом бронзовой эпохи⁵⁰.

В 1934 г. на средства АбНИИ была организована археологическая экспедиция под общим руководством академика М. И. Мещанинова, которая в числе других работ провела и раскопку Эшерской группы дольменов⁵¹. Производителями работ были археологи М. М. Иващенко, Б. А. Куфтин и местный энтузиаст-краевед А. Л. Лукин. Экспедицией раскопано два дольмена. Результаты работ опубликованы в монографии Б. А. Куфтина «Материалы к археологии Колхиды I»⁵².

Раскопки 1934 года внесли много нового в понимание культуры дольменов. Был установлен порядок расположения дольменов на террасе, определена ориентировка всех дольменов этой группы. Оказалось, что один дольмен из всей группы был обращен передней стороной на юго-запад, в то время как все остальные направлены почти точно на юго-восток⁵³. Наиболее ценным было то, что удалось проследить порядок расположения костных остатков, а это дало возможность поставить вопрос о характере погребального обряда. По этому вопросу Б. Ф. Куфтин делает два предположения: первое, что «дольмены могли быть оссуариями, куда помещались только декарнированные кости от первичных погребений»⁵⁴, второе, что «при постройке дольмена могли быть захоронены один или несколько покойников в сидячем положении по углам камеры. В дальнейшем же новыми захоронениями разрушалось расположение костей первых погребений»⁵⁵.

Изучение дольменов Абхазии, как погребальных сооружений, позволило ответить на ряд важных вопросов исторического исследования. Однако, для более полного понимания жизни древнего общества, воздвигавшего дольмены, необходимы были раскопки мест его поселений.

Остатки древних поселений являются наиболее полноценными источниками, в особенности по истории материальной основы общества.

Их изучение дает возможность осветить самые различные стороны экономической жизни человеческого коллектива, оставившего эти поселения. Поэтому, естественно, у археологов, исследовавших дольмены, должен был возникнуть вопрос, что из себя представляют поселения строителей дольменов и где их нужно искать. Б. А. Куфтин предполагал, что эти поселения нужно искать у моря⁵⁶. С ним позже согла-

⁴⁹ Архив Абгосмузея. Опись I, № 1540; М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников..., стр. 83.

⁵⁰ Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. Труды Абхазского института, вып. 31. Сухуми, 1960, стр. 80—81.

⁵¹ Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш. Арх. исследования в Абхазии..., стр. 117.

⁵² Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 258—322.

⁵³ Там же, стр. 260.

⁵⁴ Там же, стр. 274.

⁵⁵ Там же, стр. 275.

⁵⁶ Архив Абхазского института ЯЛИ им. Д. И. Гулиа. Стенографический отчет сектора истории ИАКАН, посвященное арх. экспедиции по изучению эшерских дольменов, 1937. Сухуми (рукопись хранится в архиве АбНИИ).

сился и Л. Н. Соловьев⁵⁷. Их предположение вскоре подтвердилось открытием поселения у Очамчирского морского порта, вызвавшее большой научный интерес, так как инвентарь этого поселения находил аналогии в инвентаре дольменов.

Однако вряд ли можно согласиться с мнением Б. А. Куфтина, что поселения строителей дольменов должны быть только у моря. Действительно, они могут быть и у моря, но это вовсе не обязательно. Ведь еще до открытия Эшерской группы дольменов известны были дольмены и в селе Азанта, которое находится в 30—40 км от моря. Кроме того, позже были открыты дольмены в селе Псху, которые находятся еще дальше, в труднодоступной высокогорной местности. Почти наверняка, чтобы жители морского побережья забирались так высоко в горы и сооружали там дольмены только для того, чтобы похоронить своих покойников.

Очамчирское поселение было открыто при строительстве морского порта. Во время земляных работ стали обнаруживаться фундаменты древних зданий, золотые предметы, посуда и т. д., о чем было сообщено в Институт абхазской культуры. Вскоре была организована экспедиция, проводшая в 1935—1936 гг. археологические раскопки (руководители Л. Н. Соловьев, М. М. Иващенко)⁵⁸. Здесь на правом берегу небольшой речки Джикумур, у впадения ее в море, было обнаружено три искусственных холма. Раскопка одного из них установила наличие трех культурных горизонтов: средневекового, древнеантичного и эпохи ранней бронзы. Нижний, наиболее древний культурный слой, отделенный от вышележащего стерильной прослойкой, залегал на уровне моря, местами опускаясь и ниже этого уровня. Исследование этого слоя дало ценный материал для выяснения характера жизни насельников этого места. Многочисленные находки свидетельствовали о занятиях рыболовством, земледелием и скотоводством. Установление сходства инвентаря Очамчирского поселения с инвентарем дольменов Абхазии позволило Л. Н. Соловьеву выделить особую абхазскую дольменную культуру⁵⁹.

В разработке и освещении вопросов, связанных с изучением эпохи энеолита, да и не только энеолита, а вообще эпохи первобытнообщинного и родового общества Абхазии, особое место занимают работы Льва Николаевича Соловьева. С 30-х годов до настоящего времени он фактически является основным исследователем памятников этого времени. Археологические материалы, добытые из целого ряда им открытых и раскопанных древних стоянок, поселений и погребений, вошли в научный оборот, благодаря его неутомимой деятельности. Большое место в работах Л. Н. Соловьева уделяется связям выявленной им медно-бронзовой культуры Абхазии с соседними областями.

При изучении какой-либо археологической культуры, наряду с другими признаками, первостепенное значение имеет определение границ ее распространения. В этом отношении для осмысления культуры энеолита и ранней бронзы в Абхазии имеют значение результаты раскопок «жилых холмов» Колхидской низменности. Археологическое исследование поселений «Наохваму», «Диха-Гузубе» показало, что наи-

⁵⁷ Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. Материалы по истории Абхазии, сб. I. Сухуми, 1939, стр. 49.

⁵⁸ Л. Н. Соловьев. Археологические раскопки близ г. Очамчиры в Абхазии. СА, IV, 1937, стр. 323—324.

⁵⁹ Л. Н. Соловьев. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. Мат. по истории Абхазии, сб. I, стр. 5—65.

более древние слои этих поселений имеют культурно-исторические взаимоотношения с синхронными памятниками Абхазии⁶⁰.

Раскопки колхидских жилых холмов, получившие монографическое освещение в работе Б. А. Куфтина «Материалы к археологии Колхиды II»⁶¹, проводились на холме «Наохваму» близ Квалони в 1933—1934 гг. А. И. Амиранашвили-Болтуновой, С. И. Макалатия, В. М. Гоголешвили. Затем в 1936 г. продолжены С. И. Макалатия⁶². В 1935 г. разведочного характера работу проводил там А. А. Иессен⁶³. В 1940 г. раскопку центральной части холма «Наохваму» производил Г. К. Ниорадзе совместно с И. А. Гзелешвили⁶⁴. Археологическая раскопка холма «Диха-Гудзубе» проводилась в 1935—36 гг. директором Зугдидского музея А. И. Чантурия⁶⁵.

В 1937 году экспедиция Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, в составе Б. А. Куфтина, А. Л. Лукина и Л. Н. Соловьева продолжила раскопки эшерских дольменов. Материалы раскопок 1937 г., находившиеся у Б. А. Куфтина, не были им опубликованы. Позже материалы двух дольменов (№ 2 и № 6) опубликовал О. М. Джапаридзе, используя полевые описи Б. А. Куфтина. Однако в своей работе он пишет, что «в этом году (1937—В. Б.) Б. А. Куфтин обследовал три дольмена, №№ 2, 4, 6. К сожалению, в его архиве оказались неудовлетворительные записи»⁶⁶. Видимо поэтому О. М. Джапаридзе не удалось ввести в оборот материалы раскопок третьего дольмена (№ 4).

В 1960 г. Л. Н. Соловьев по записям своего дневника раскопок 1937 г. опубликовал результаты исследования еще одного дольмена — № 1⁶⁷. Таким образом, уточнилось, что в 1937 году было раскопано всего три дольмена. Несоответствие же в номерах дольменов (у Б. А. Куфтина — № 4, а у Л. Н. Соловьева — № 1) произошло, по-видимому, потому, что исследователями в разные полевые сезоны давалась новая нумерация этих памятников.

Раскопки Эшерских дольменов внесли дополнительные уточнения в определение погребального обряда⁶⁸. В одном из дольменов (№ 2)

⁶⁰ Вопрос взаимоотношений памятников Абхазии и Колхидской низменности разбирается в нескольких работах; Л. Н. Соловьев. Археологические раскопки близ г. Очемчири в Абхазии. СА IV, 1937, стр. 323; его же. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Труды Абхазского института, 29. Сухуми, 1958, стр. 164; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, II. Тбилиси, 1950, стр. 268; *ოთარ ჯაფარიძე, კართვლი ტომების ისტორიისათვის ლიტონის წარმოების ადრეულ საფეხურზე. თბილისი, 1951* стр. 230 и др.

⁶¹ Б. Я. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, II. Тбилиси, 1950, стр. 149—257.

⁶² Там же, стр. 156.

⁶³ А. А. Иессен. Проблема изучения археологических памятников Колхидской низменности в целях характеристики современных последнедевических геологических процессов. Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода № 6—7. М.-Л., 1940; его же. Сухумская экспедиция. ГАИМК, СА, III, 1937, стр. 252.

⁶⁴ Г. К. Ниорадзе. Археологические раскопки в Колхидской низменности. Известия Грузинского филиала ИЯИМК Академии наук СССР, вып. X. Тбилиси, 1941, стр. 323—343 (на груз. яз.).

⁶⁵ В. В. Хоштария. Диха-Гудзубе, древнее поселение в Колхидской низменности. Сообщения АН Грузинской ССР, т. V, № 2. Тбилиси, 1944.

⁶⁶ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 220 (на груз. яз.).

⁶⁷ Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. Труды Абхазского института, вып. 31. Сухуми, 1960, стр. 75.

⁶⁸ Там же, стр. 79.

было зафиксировано четыре разновременных слоя, последний из которых датировался находкой в нем колхидской монеты⁶⁹.

В 1939—40 гг. Л. Н. Соловьевым были обследованы гроты Команский и Калдахварский, культурные отложения в которых свидетельствовали об использовании этих гротов местным населением в медно-бронзовую эпоху.

Команский грот расположен в 8 км от г. Сухуми, на восточном обрыве горы Коман. Л. Н. Соловьев, проводивший здесь раскопки на средства Абгосмузея, установил несколько разновременных слоев. Слой «Е» содержал... «кремневый отщеп, черепки посуды, расколотые кости животных. Глиняная посуда, изготовленная вручную, принадлежала двум типам. В большинстве случаев она является грубой с примесью песка, поверхность сосудов была сглажена гребенкой и часто украшалась резным орнаментом. Изредка встречались черепки более тщательно изготовленной посуды из хорошо промытой красно-бурой глины с лощением по черному фону, с орнаментом в виде остроугольных шевронов. И тот и другой тип посуды имеет аналогии в известном Очамчирском поселении и датируется эпохой развитого энеолита, но, вероятно, несколько древнее его»⁷⁰. В слое «Д» обнаружены несколько вторичных погребений, металлический и керамический инвентарь, который хорошо сопоставляется со вторым снизу слоем Эшерского дольмена № 1 (1937 г.) и датируется серединой или второй половиной II тыс. до н. э.⁷¹

Калдахварский грот (абхазы называют жграхапы — жабрахапы) расположен на левом берегу р. Бзыбь недалеко от шоссе и моста. Здесь в 1940 г. Л. Н. Соловьевым на глубине 1,05 м, в слое гумуссированной щебенки были найдены обломки тонкостенного сосуда из серой глины с кальцитовыми включениями, имеющего снаружи хорошее лощение. Вместе с ними найдены части человеческого черепа и фаланги пальцев. Судя по характеру черепков посуды и костным остаткам, Л. Н. Соловьев считает это погребение вторичным и относит к концу энеолита и началу бронзовой эпохи⁷². Повторное обследование этого грота в 1963 г. экспедицией Абх. института ЯЛИ под руководством Л. Н. Соловьева при нашем участии установило наличие в Калдахварском гроте и более древних слоев.

В 1940 г. на свежепропалотом чайном поле юго-западной окраины г. Гудаута, на правом берегу небольшой речки Кистрик, А. Л. Лукиным было собрано большое количество (до 1300 единиц) кремневых и шлифованных из галек орудий, а также остатки очень архаичных керамических изделий. Собранный комплекс А. Л. Лукин датировал неолитом⁷³. В 1941 г. для изучения селища Кистрик была организована экспедиция под руководством Л. Н. Соловьева, «давшая обильный подъемный материал и ряд ценных наблюдений, добытых путем шурфов»⁷⁴.

Материалы результатов обследования селища Кистрик опублико-

⁶⁹ О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен., стр. 220.

⁷⁰ Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры., стр. 87.

⁷¹ Там же, стр. 88.

⁷² Там же, стр. 81.

⁷³ Я. Н. Мелихов. Неолит в Абхазии. Газета «Советская Абхазия», № 117, от 21.V.1940.

⁷⁴ А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. СА, XII, 1950, стр. 247.

ваны А. Л. Лукиным, который считал, что весь собранный материал относится к одному хронологическому периоду⁷⁵.

Систематическое изучение Кистрика дало возможность А. Л. Лукину сделать очень интересные и ценные наблюдения. В частности, о длительном существовании поселения, о развитии древнего гончарного производства, о появлении животноводства, о знакомстве «кистрян» с прядением и ткачеством и др. Датируя памятник развитым неолитом, А. Л. Лукин считает, что Кистрикская община была еще матриархальной⁷⁶.

Недоумение вызывала находка на Кистрике 22 крупных свинцовых обоймиц, вероятно, являвшихся поясным набором. А. Л. Лукин считал вполне логичным и последовательным, это «человек неолита начал знакомство с металлом с самого мягкого, самого ковкого и самого легкоплавкого из них, перейдя на следующей ступени культурного развития к широкому освоению меди»⁷⁷. Вряд ли можно согласиться с мнением А. Л. Лукина, что неолитическое население было знакомо с выплавкой или даже с холодной ковкой свинца. Что касается того, что первый металл, который начал употребляться древним населением Западно-Кавказского побережья Черного моря, был свинец, то это, на наш взгляд, вполне могло быть, но только в последующую эпоху. В пользу такого мнения говорит находка слитков свинца вместе с инвентарем энеолитического облика в поселении на горе Гуад-Иху близ Сухуми⁷⁸. Кроме того, работами Л. Н. Соловьева в 1963 г. на селище Кистрик установлено, что свинцовые обоймицы были найдены А. Л. Лукиным в землянке, относящейся к бронзовой эпохе.

В 1945—1946 гг. Л. Н. Соловьев обнаружил Гумистинское поселение. Оно расположено на высокой морской террасе на левом берегу р. Гумисты, в трех км к западу от г. Сухуми. В центре поселения имела широкая расплывчатая насыпь, в которой Л. Н. Соловьев раскопал несколько могил. Оказалось, что здесь существовал родовой могильник. Погребения совершались на поверхности почвы в скорченном положении и обкладывались камнями. Следующие погребения пристраивались к уже существующим.

Инвентарь погребений был очень беден и состоял из глиняных горшков, отличавшихся лишь слабым обжигом от черепков, собранных на поселении. В одном погребении был найден миниатюрный каменный топорик с начатым сверлением. В большом количестве были найдены дисковидные гальки, служившие мотыжками (Л. Н. Соловьев называет их мотыжками Сухумского типа). Время поселения по сходству погребального обряда с Нальчинским могильником, Л. Н. Соловьев определяет приблизительно последними столетиями III тыс. до н. э.⁷⁹

В 1946 г. Л. Н. Соловьев в Михайловской пещере, расположенной в 7 км к северо-западу от Сухуми, раскопал семь вторичных погребений. Бронзовый инвентарь, обнаруженный при этом, может быть сопо-

⁷⁵ А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. СА, XII, 1950, стр. 247—286.

⁷⁶ Там же, стр. 286.

⁷⁷ Там же, стр. 283.

⁷⁸ Архив Абхазского института ЯЛИ им. Д. И. Гулиа АН Груз. ССР. Опись коллекции из нижнего культурного слоя с горы Гуад-Иху, № Гв-1/81.

⁷⁹ А. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Труды Абхазского ин-та, 29, 1958, стр. 148—149.

ставлен с материалом дольменов и датироваться раннебронзовой эпохой⁸⁰.

В том же 1946 г. Б. А. Куфтиным была обследована Азантская группа дольменов⁸¹.

Результаты раскопок 1946 г. Б. А. Куфтиным не изданы. Частично материал Азантских дольменов опубликовал О. М. Джапаридзе⁸². Кроме того, в газете «Заря Востока» от 15 мая 1947 г. опубликовано интервью, данное Б. А. Куфтиным корреспондентам, где кратко сообщается о проведенных археологических раскопках в Абхазии в 1946 г.⁸³ Устанавливается, что Б. А. Куфтиным было раскопано три дольмена, сооружение которых не выходит за рамки III тысячелетия до нашей эры. В одном из дольменов со стенками толщиной до 60 см обнаружено более двух десятков погребений, среди которых собран редкий погребальный инвентарь: своеобразно орнаментированная керамика, медные украшения и орудия, подвески из клыков кабана и др. В другом дольмене прослежено, «как древняя постройка была использована через тысячу лет каким-то другим населением позднебронзовой эпохи... Задняя плита дольмена была провалена внутрь и послужила ложем для погребения с совершенно другим инвентарем. Здесь были найдены многочисленные отлитые из бронзы крупные бусы, булавки со спиральными головками, своеобразная орнаментированная бритва»⁸⁴.

В 1952 году М. М. Трапш, обследуя могильник VIII—VI вв. до н. э. на горе Гуад-иху, близ Сухуми, установил, что некоторые погребения были опущены в культурный слой древнего поселения. Инвентарь, собранный на поселении, позволяет отнести его существование к началу медно-бронзового века⁸⁵.

В том же году Л. Н. Соловьев совместно с Н. И. Гумилевским на 13-ом км Бзыбского шоссе, обследуя навесы «Лавинной балки», обнаружил несколько вторичных погребений. Сопутствующего инвентаря найдено не было. По обряду захоронений Л. Н. Соловьев относит погребения к бронзовому веку⁸⁶.

В 1955—1956 гг. под руководством О. М. Джапаридзе проводились раскопки дольменов Эшера. Обследовано два дольмена, № 2 и № 3. О. М. Джапаридзе, написавший несколько работ о дольменах, на основании обследования эшерских дольменов, высказал ряд новых интересных соображений о дольменной культуре Кавказа⁸⁷.

Исследование памятников, связанных с дольменной культурой и ее судьбами, в 50-е годы было вынесено за северо-западные пределы

⁸⁰ Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры..., стр. 81—86.

⁸¹ В. И. Стражев. К Азантскому дольмену. Изв. Абхазского научного общества, вып. IV, Сухуми, 1926, стр. 126.

⁸² О. М. Джапаридзе. Дольменная культура в Грузии. Труды Тбилисского гос. ун-та, № 77. Тбилиси, 1959, стр. 101—102.

⁸³ Археологические раскопки в Абхазии. Газета «Заря Востока», № 96 от 15.V. 1947 г.

⁸⁴ Там же; О. М. Джапаридзе. Дольменная культура в Грузии..., рис. 26—27, 30—36.

⁸⁵ М. М. Трапш. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг., СА, XXIII, 1955, стр. 213.

⁸⁶ Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры..., стр. 81.

⁸⁷ О. М. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955, стр. 64—76; его же. Дольменная культура в Грузии. Труды Тбилисского гос. университета, вып. 77. Тбилиси, 1959, стр. 77—126; его же. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 212—239.

⁸⁸ Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш. Археологические исследования, стр. 119—120.

Абхазии⁸⁹. С 1950 — 58 гг. под руководством Л. Н. Соловьева производились раскопки первобытных стоянок Воронцовской пещеры, расположенной в Адлерском районе, в верховьях реки Кудепсты. По своему значению этот памятник выходит за рамки обычного. Стратиграфические наблюдения стоянок этой пещеры дали возможность Л. Н. Соловьеву разрешить ряд кардинальных вопросов. Раскопки обнаружили материалы близкие как дольменной, так и майкопской культурам и пролили свет на взаимоотношения этих культур. Многолетнее изучение стоянок Воронцовской пещеры привело Л. Н. Соловьева к созданию самостоятельной схемы периодизации памятников энеолита и ранней бронзы Северо-Западного Кавказа и вновь поставить вопрос о тесных связях Северо-Западного Кавказа с Малоазиатским культурным миром⁹⁰.

Интересные данные о бытовавшем у древнего населения Абхазии обряде погребения дали раскопки могильника в Новых Гаграх.

Здесь в сентябре 1963 г. в 60 — 70 метрах от берега моря рабочими во время строительства здания для будущего пионерского лагеря были обнаружены глиняные кувшины, в которых лежали человеческие кости. В сентябре — октябре того же года в Новых Гаграх провела археологическое обследование экспедиция Абхазского института ЯЛИ им. Д. И. Гулиа⁹¹. В результате работ было установлено, что на этом месте существовал древний могильник; захоронения совершались, в основном, в небольших глиняных сосудах, но встречаются захоронения костей и без сосудов. И в том, и в другом случае все это вторичные захоронения. В ряде погребений вместе с разложившимися костями в кувшинах найдены медные височные подвески в полтора оборота и очень плохой сохранности металлические шильца (или булавки). Сосуды горшкообразной формы, из плохо промешанной глины, с органическими примесями, очень слабого обжига. По-видимому, они приготавлились специально для погребального ритуала. Судя по погребальному обряду, керамике и металлическим предметам, этот могильник можно отнести к ранней бронзовой эпохе.

В последние годы большую работу по сбору археологических материалов проводит учитель истории Гантиадской средней школы Н. И. Гумилевский. Созданный им ученический археологический кружок систематически обследует террасы близлежащих холмов. Уже открыто несколько древнейших стоянок и поселений. Собранный поверхностными сборами огромный археологический инвентарь, насчитывающий несколько десятков тысяч единиц, выставлен в небольшом школьном музее. Сборы, проводимые школьным кружком, дали ценный археологический материал, однако его значение снижается ввиду отсутствия точных паспортов к предметам.

С 1958 по 1961 гг. экспедиция Абхазского института ЯЛИ им. Д. И. Гулиа обследовала пещеры и гроты Кодорского ущелья⁹². В не-

⁸⁹ Л. Н. Соловьев, М. М. Трапш. Археологические исследования..., стр. 119—120.

⁹⁰ Л. Н. Соловьев. Первобытные стоянки Очемчири и Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архив ИИМК АН СССР, р. 2, № 1432; его же. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Труды Абхазского института..., 29. Сухуми, 1958, стр. 135—184.

⁹¹ Состав экспедиции: Л. Н. Соловьев (руководитель), В. В. Бжания, Е. Х. Скоропнякова, Ю. Воронов. Материал хранится в Абгосмузее.

⁹² Состав экспедиции Л. Н. Соловьев (руководитель), В. В. Бжания, Б. Л. Соловьев.

которых из них (гроты Ахракапщъ, Ахапыецва — по-абхазски — Ахра-капъшъ, Ахапъ-иатъа) путем шурфовок добыт материал, свидетельствующий об использовании человеком этих мест с верхнего палеолита до позднего средневековья. Среди добытого материала выделяется группа предметов, относящихся к эпохе энеолита и ранней бронзы.

В 1963 — 64 годах на селище Кистрик проводила раскопки экспедиция Абхазского института под руководством Л. Н. Соловьева. Стратифицированный материал, добытый при раскопках, показал, что не вся огромная коллекция А. Л. Лукина относится к одному хронологическому периоду. На памятнике выявлены слои, относящиеся к неолиту, энеолиту и поздней бронзе⁹³.

В июле 1964 г. экспедиция Абхазского Совета Грузинского общества охраны памятников культуры⁹⁴ в поселке Хабью Ачандарского сельсовета, на приусадебном участке колхозника Е. В. Чамагуа обнаружила новую дольменную группу. Два дольмена удалось расчистить. Они оказались разрушенными и, очевидно, разграбленными. Среди завалов камней и земли найден только один медный нож. Дольмены из Хабью небольшого размера, по всей вероятности, являются одними из древних.

Осенью 1964 г. нами были обследованы два поселения в сс. Тамыш и Мачара⁹⁵.

На Тамышском поселении раскопок проведено не было. Собран большой поверхностный материал. Судя по фрагментам керамики и каменным орудиям, памятник относится к концу эпохи средней бронзы.

Раскопки Мачарского поселения (было вскрыто около 100 м²) показали, что памятник содержит три древних культурных горизонта. Нижний слой относится к энеолиту, верхний — к средней бронзе.

Таким образом, за почти сорокалетний период археологического изучения, в Абхазии обнаружен ряд памятников, как бытовых, так и погребальных, обследование которых в известной мере проливает свет на картину жизни древнего населения Абхазии.

Выделяются несколько этапов последовательности этого изучения.

1. Двадцатые годы. Этап первых открытий древнейших памятников, введший территорию Абхазии в круг областей бытования первобытной культуры; тем самым было опровергнуто мнение дореволюционных исследователей об отсутствии здесь каких-либо дериватов древнего общества. Однако I этап характеризуется лишь накоплением фактических данных, не раскрывших пока еще всего значения обнаруженных объектов.

II. Тридцатые годы. Этот этап характерен целенаправленным планированием археологических исследований. Организованный в 1930 г. Абхазский научно-исследовательский институт культуры централизовал историческое изучение края. В эти годы была развита активная полевая деятельность, давшая в результате археологических раскопок большой вещественный материал.

⁹³ Л. Н. Соловьев. Древнее поселение Кистрик в Абхазии. Мат. сессии, посвящ. итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов), Баку, 1965, стр. 48—50.

⁹⁴ Состав экспедиции В. В. Бжания (руководитель), О. Г. Хагба, Л. Д. Кварчелия.

⁹⁵ Обследование Мачарского и Тамышского поселений проводилось на средства Абхазского института ЯЛИ им. Д. И. Гулиа. Материал хранится в Абгосмузее.

III. На третьем этапе, который продолжается и в наши дни, полевые исследования успешно продолжаются. Теперь на основе анализа и попыток научного осмысления добытых материалов появляются работы обобщающего характера. В публикациях ставятся важные вопросы, касающиеся происхождения и датировки бытовавших на территории Абхазии древних культур.

* * *

Абхазские памятники эпохи энеолита и ранней бронзы стали находить свое отражение в сводных работах не только археологии и истории Абхазии, но и всего Кавказа⁹⁶.

Несмотря на определенные успехи археологического изучения памятников рассматриваемой эпохи в Абхазии ряд важных вопросов остается пока еще неразрешенным.

В первую очередь это касается хронологии. До настоящего времени у нас нет еще твердоустановившейся хронологической шкалы таких больших эпох, как неолит, энеолит и эпоха ранней бронзы. В этом отношении взгляды археологов расходятся. Еще более колеблются даты применительно к отдельным памятникам.

Другим важным вопросом, требующим объяснения, является определение характера хозяйства древнего населения Абхазии. Как выясняется, ведущими занятиями жителей морского побережья было земледелие, рыболовство и скотоводство. Но что было определяющим в хозяйстве горных поселенцев этой эпохи? Это предстоит еще выяснить.

Археологическими исследованиями установлено, что памятники медно-бронзового века Абхазии, носят по сравнению с другими областями Кавказа своеобразный характер. Л. Н. Соловьев, проследив единство форм материальной культуры в ряде синхронных памятников, выделил особую «южно-дольменную» культуру⁹⁷. Однако границы распространения этой культуры, как на восток так и на запад, до сих пор еще не определены. Не уточнено соотношение древнейших абхазских памятников с синхронными памятниками колхидской низменности.

Недостаточно также оценены и связи «южно-дольменной» культуры с соседними культурами Закавказья и Северного Кавказа. Особенно это касается Майкопской культуры. Важно установить, каковы были связи с этой культурой, многократно прослеженные на поразительном сходстве некоторых предметов погребального инвентаря? Было ли это культурное взаимовлияние этнически разного населения? Или же мы имеем здесь этническое родство племен, составляющих в настоящее время одну абхазо-адыгскую языковую группу.

Еще большее значение для конкретного понимания исторического процесса, протекавшего в III тыс. до н. э. на территории Абхазии, имеет попытка реконструкции общественных отношений у древнейшего на-

⁹⁶ Очерки истории Абхазской АССР, ч. I. Сухуми, 1960; Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы. Сухуми, 1959; З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960; А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, 1935; его же. К хронологии больших кубанских курганов. СА, XII, 1950; Археология Грузии. Тбилиси, 1959; О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры, Тбилиси, 1961; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961; А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965 и другие.

⁹⁷ Л. Н. Соловьев. Новый памятник..., стр. 151.

селения Абхазии. Этот вопрос не раз ставился в научной литературе, однако и он еще далеко не ясен.

Нет нужды в данной статье перечислять все вопросы, остающиеся еще нерешенными. Их окончательное выяснение зависит от дальнейшего археологического изучения края. Но уже сейчас наличные материалы, в свете последних достижений археологической науки, позволяют вновь поставить и попытаться осветить основные вопросы древнейшей истории Абхазии.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ АБХАЗИИ

Одним из важнейших этапов истории Кавказа, в том числе и Абхазии, является средневековье. Для конкретного понимания этого сложного отрезка времени немаловажную роль играет археология. Ведь всесторонне изучая памятники (материальной) человеческой культуры, советские археологи не только восстанавливают конкретную древнюю и средневековую историю современных народов СССР; этим самым они содействуют выявлению того истинного вклада, какой внесли все советские народы, в том числе и народы Кавказа, в общую сокровищницу мировой культуры с древнейших времен. А в этом плане процесс историко-культурного развития Кавказского перешейка очень показателен. Кавказ — это не только неповторимо своеобразный этнографический музей. Многонациональный Кавказ — это один из древнейших очагов культуры нашей страны и всей Европы. И этот тезис прежде всего был высказан археологами¹.

К сожалению, имеющиеся в наличии археологические памятники интересующего нас времени на территории Абхазии изучены еще недостаточно. Поэтому в данный момент судить об эпохе средневековья этого края можно основываясь лишь на материалах сравнительно небольшого количества исследованных памятников.

На территории Абхазии имеются следующие группы памятников средневекового времени: поселения, могильники, крепостные сооружения, замки, храмы, дворцы и мосты.

Поселения средневекового времени известны во многих пунктах Абхазии (Сухуми, Новый Афон, Лыхны, Гагра, Хашупсе и др.).

Могильники интересующего нас времени обнаружены в Цебельде, Сухуми, Новом Афоне, Гагра и др.

Крепостные сооружения на территории Абхазии представлены богато: Анакопийская, Великая Абхазская стена, Хашупсинская, Цебельдинская и др. Эти оборонительные сооружения тесно связаны с историей Абхазии и являются для нас первостепенным источником.

В ранний период, до образования Абхазского царства, характерными крепостными сооружениями были родовые крепости, являвшиеся политическими и стратегическими центрами отдельных племен.

К более поздней поре раннего средневековья относятся некоторые крепости, имевшие большое государственное значение, например, закрывавшие горные проходы, ведущие в Абхазию, или путь, ведущий вдоль морского побережья. К ним относятся крепость в Гагра, мощные стены второй линии обороны Анакопии, многие сооружения, входящие в линию Абхазской стены.

В период развитого средневековья усиливается расчленение Абха-

¹ Е. Н. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961, стр. 9.

зии на феодальные владения. Поэтому господствующим типом стали феодальные замки на возвышенных местах. Хорошим примером такого замка является замок Баграта. В ущелье, западнее р. Гумиста расположен замок Адзаба, в ущелье р. Бзыби замок Хасанта-Абаа.

В ряде перечисленных крепостных сооружений и др. пунктах Абхазии установлено наличие производственных мастерских: гончарных печей, печей для выжигания извести.

Более многочисленны в Абхазии архитектурные памятники, как и на всей территории Кавказа. К северо-западу от границ Абхазии они встречаются значительно реже. По сведениям, приведенным В. П. Пачулиа², в Абхазии насчитывается 280 отдельно расположенных памятников и ансамблей. Подавляющее большинство из них относится к категории храмов. На многих холмах, бывших местом почитания языческих божеств, стояли небольшие простейшие архитектурные храмы, вернее часовни. В местах, известных как экономические и политические центры Абхазии, высятся прекрасные, сложной архитектуры храмы, частично пострадавшие от времени, полуразрушенные, частично сохранившиеся полностью и имеющие даже следы фресковой росписи. Наиболее известны из таких храмов Пицундский, Лыхненский, Драндский, Моквский, Бедийский.

Значительно реже встречаются в Абхазии архитектурные сооружения гражданского назначения. К ним относятся дворцы, каменные жилища абхазских феодалов, например, в с. Лыхны, около Нового Афона, недалеко от г. Гали и др.

Редким образцом путевых сооружений является. Беслетский мост (X—XI вв.) близ Сухуми. Имеются сведения о следах устоев других каменных мостов.

В данной статье мы пытаемся дать краткий очерк историко-археологического изучения памятников средневековья на территории Абхазии.

Наследие материальной культуры народа данной территории привлекало к себе внимание многих иностранцев, приезжавших в Абхазию в разное время в качестве путешественников, торговцев, миссионеров, послов и т. д. Они знакомились с краем, с его культурным, политическим и экономическим состоянием, что нашло отражение в их путевых заметках, отчетах, описаниях и зарисовках. Следует иметь в виду, что все эти свидетельства порой носят крайне неоднородный и случайный характер, в них часто встречаются поверхностные наблюдения и противоречивые суждения. Но вместе с тем их работы содержат богатый и разнообразный фактический материал, имеющий большое значение для всестороннего изучения истории края.

Первые свидетельства иностранцев об Абхазии относятся к XVII в.

С целью пропаганды католицизма, начиная с 1626 г. вплоть до конца XVII в., в Грузию интенсивно направлялись миссионеры. В числе прибывших в Абхазию были итальянские монахи Арканджело Ламберти, Иосиф Цампи и художник Кристофоро Кастелли. За время своего пребывания они изучали страну, народ, его язык и обычаи.

В 1654 г. Ламберти издал в Неаполе «Сообщение о Колхиде», а в 1657 г. «Священную историю колхов»³. Наряду с освещением истории края и его населения, значительное место отводится описанию церковной организации, монастырей и церквей, религиозных праздников.

² В. П. Пачулиа. По историческим местам Абхазии. Сухуми, 1960.

³ Работа Ламберти переведена на русский язык и издана в Тифлисе в 1902 г. под названием «Описание Колхиды, ныне именуемой Мингрелией».

Здесь впервые упоминается Илорский храм XI в., как особая святыня абхазов и мегрелов, известная по всей Западной Грузии; дается его описание и приводятся легенды, связанные с ним.

Перу Иосифа Цампи принадлежит очерк о становлении христианства в Мегрелии, в котором дано также подробное описание некоторых храмов, в частности Бедия, Мокви, Илори, их убранства, обрядов жертвоприношения и проведения религиозных праздников. Свой труд Цампи подарил побывавшему в Абхазии и Мегрелии в 1672 г. французскому коммерсанту Жану Шардену. В 1687 г. Шарден издал в Лионе книгу⁴, в которую включил сочинение Цампи.

Но ни один из перечисленных «исследователей» не ставил и не мог поставить, в силу условий своего времени, перед собой археологических задач. Все они, в основном, были представителями духовенства, и это определяло круг их интересов. Эти люди, если и наблюдали какие-либо памятники материальной культуры, то ограничивались лишь фиксацией их наружного состояния. Однако их скромный труд нельзя предавать забвению.

После длительного перерыва, вызванного турецкой экспансией в Закавказье, в XIX в. снова наблюдается оживление интереса к Абхазии. В 1833 году ее посетил швейцарский ученый-археолог и натуралист Фредерик Дюбуа де Монперэ. Результатом многостороннего изучения Кавказа, населяющих его народов, их жизни и культурного наследия явился многотомный труд «Путешествие вокруг Кавказа», изданный в Париже в 1839—43 годах⁵. Это фактически первая научная работа, в которой описаны средневековые памятники архитектуры: Пичундский, Гагринский, Лыхненский храмы. Многие из этих памятников после Дюбуа, вследствие деятельности «Общества восстановления христианства на Кавказе», потеряли свой первоначальный облик.

Человек большой эрудиции и добросовестности, Дюбуа в некоторых выводах был поспешен. Объясняется это тем, что до него в этой области было сделано очень мало. Отсутствие археологического материала заставило его основывать свои выводы почти исключительно на литературных данных и свидетельствах древних авторов. Иногда он ссылается на своих предшественников: Шардена⁶, Де-ля Мотре⁷, Ротье⁸, Мурие⁹. Однако и эти последние дают весьма ограниченные сведения.

Ошибочным является предположение Дюбуа о местонахождении древнего города Диоскурии. Вопреки указаниям Страбона и Арриана, он помещает Диоскурию не на берегах Сухумской бухты, а у реки Скурча — Мармара (Кодорский мыс). Такой вывод Дюбуа тесно связан с его версией о происхождении Келасурской стены, которая, по его мнению, должна была защищать именно Диоскурию и ее колонии, что не оправдывается современными изысканиями. Можно считать установленным, что постройка грандиозного сооружения — Великой Абхазской стены — осуществлена не ранее VI в., когда Диоскурии уже не было.

⁴ Ж. Шарден. Путешествие по Закавказью. Тифлис, 1902.

⁵ Frideric. Dubois de Montpereux, Voyage autour du Caucase, Paris, 1836.

⁶ Dubois. Voyage, T. 1, p. 315.

⁷ Ibid, p. 316.

⁸ Ibid, p. 316.

⁹ J. Mourier. La Mingrelie (ancienne Colchide). Odessa, 1883.

Несмотря на все это, труд Дюбуа представляет собой большую ценность для специалиста, занимающегося изучением средневековой истории Северо-Западного Кавказа.

С XIX века, после того, как в русское подданство вошли Карталино-Кахетинское царство, а затем в 1810 г. и Абхазия, наряду с усилением политических и экономических связей России с Кавказом, проводятся первые попытки русских ученых по изучению истории и культуры кавказских народов. Для обследования архитектурных памятников в 1838 г. Абхазию посетил профессор Нордман, который напечатал в Петербурге статью «Путешествие по Закавказскому краю»¹⁰. В ней он дает перечень сорока трех архитектурных памятников Абхазии с кратким их описанием. В этот перечень вошли Пицундский, Лыхненский, Илорский храмы и многие другие исторические объекты, заинтересовавшие Нордмана.

С более широкими задачами Грузию, а также Абхазию, посетил в 1847 г. академик Броссе. К изучению памятников он привлек грузинского историка Платона Иоселиани. Результатом исследования Броссе явился трехтомный труд в форме отчетов¹¹. Давая описание древних архитектурных сооружений, он главное свое внимание заостряет на древнегрузинских надписях, сохранившихся как на архитектурных памятниках, так и на произведениях чеканного искусства.

Интересны по своему содержанию и «Путевые заметки» П. С. Уваровой. Муж ее, археолог А. С. Уваров, был одним из организаторов Московского Археологического общества. «Путевые заметки» Уваровой носят описательный характер. Автора привлекает все: и экзотическая природа, и люди с их нравами, обычаями, и архитектурное творчество местного населения. Средневековые памятники Абхазии Уварова описывает с большой любовью и подробностью. Она во многом соглашается с Дюбуа по части объяснения назначения и происхождения Келасурской стены. Ее путевые заметки и описания христианских памятников — храма Симоно Кананита в Пицунде, Лыхнах, церкви в имении Воронова, Келасурской стены — дают ценные сведения для изучения архитектурных памятников средневековой Абхазии¹².

Автор, скрывшийся под инициалами И. Н., в своей книге «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» (1898 г.) касается некоторых исторических памятников Абхазии¹³. Фактически эта работа слишком вольно копирует труд архимандрита Леонида (Кавелина), изданный под тем же названием в 1885 г. Упомянутые авторы впервые опубликовали памятники греческой письменности, найденные в развалинах Анакопийской крепости на Иверской горе. Этим надписям посвятил специальную работу акад. В. В. Латышев, в которой они получили полную расшифровку¹⁴.

Заслуживает внимания камень с греческой надписью, которая переводится так: «...месяца марта... 6.437, индикта 2... Боже небесный,

¹⁰ Журнал Министерства народного просвещения, ч. XX. СПб., 1838.

¹¹ M. Brosset. *Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847-48*, VII-VIII. SPB, 1850.

¹² П. С. Уварова. Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок), ч. II. М., 1891; ее же. Христианские памятники. Материалы по археологии Кавказа, т. IV, I.

¹³ И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1885. Переиздана в 1898, 1913.

¹⁴ В. В. Латышев. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря. СПб., 1911.

крепкий и бессмертный, упокой его. Аминь. Троица единосущная Христа боже, спаси боже недостойного твоего Евстафия пресвитера, написавшего (сие) Аминь».

Поставленная в надписи цифра 6.437 соответствует, по общепринятому счету, 929 г. н. э. Этот документ, несомненно, свидетельствует о существовании в данной местности христианства, богослужение в 30-х годах X в. (в царствование Константина Багрянородного) совершалось пресвитерами, говорившими и писавшими по-гречески.

Перевод другой плиты с надписью гласит: «Построена помыслом бога и богородицы и великим счастьем Константина Мономаха, великого царя и самодержца римлян содействием Евгения протоспафария Деспота и Федора Валанти, таксиарха Касы, сия дивная... лета 6.554 в месяце феврале, индикта 14-го».

Эта надпись датируется первой половиной XI в. «После покорения Ани, — пишет В. В. Латышев, — прекрасное стратегическое положение этой крепости могло внушить Константину Мономаху мысль сделать ее одной из операционных баз на побережье, и в этих видах, он, вероятно, и отдал протоспафарию Евгению и таксиарху Федору повеление ремонтировать укрепления или вновь построить какие-либо необходимые крепостные здания, а для удовлетворения религиозных потребностей гарнизона воздвигнуть церковь, которой раньше в самой крепости, быть может, вовсе не было»¹⁵.

Поворотным моментом в развитии кавказоведения и, в частности, в изучении археологии Абхазии явился V Археологический съезд, состоявшийся в Тифлисе в 1881 г. «Его влияние на общее развитие историко-археологического и этнографического изучения всего Кавказа в дореволюционный период было исключительно велико. Съезду предшествовала тщательная и глубокая подготовка, произведенная Подготовительным комитетом, объединившим усилия крупнейших ученых России, занимавшихся изучением Кавказа. Была разработана обширная и весьма разнообразная программа, как самого съезда, так и работ Подготовительного комитета. Впервые в план подготовительных работ к съезду были включены задачи изучения не только памятников христианских и классических, но и первобытных времен».

Подготовительная работа к съезду была связана с осуществлением серии экспедиционных работ по заранее разработанному плану.

Одними из деятельных участников в этой, своего рода «археологической кампании», внесшими большой вклад и в изучение средневековых памятников Абхазии, были историк Д. З. Бакрадзе, и любители древностей В. Чернявский и А. Введенский.

Одного из замечательных грузинских ученых того времени Дмитрия Захарьевича Бакрадзе давно интересовали абхазские памятники. В 1859 г. он впервые посетил Абхазию. Результатом его поездки по Западной Грузии явилась статья, в которой он дает всестороннее описание районов древней культуры и памятников, приводит имевшиеся на них древние надписи¹⁶. При вторичном посещении Абхазии в 1865 г. он тщательно знакомится с ризницей Илорского храма, в которой особо отмечает золотой потир высокохудожественного исполнения. Это была, как он выяснил, бедийская напрестольная чаша, которая после запустения Бедийского храма XVII в. попала в Илори. Д. Бакрадзе был

¹⁵ В. В. Латышев. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря. СПб., 1911, стр. 27.

¹⁶ Д. З. Бакрадзе. Очерки Мингрелии, Самурзакани и Абхазии; газ. «Кавказ», 1860, № 48—49; газ. «Сванетия», Кавказ, 1861. № 1—4.

первый из исследователей, который увидел и описал эту чашу. Третий раз он побывал в Абхазии в 1886 г. Тогда он увидел бедийскую чашу без ножки, которая к этому времени была уже утрачена.

Им же в 1875 г. написана его замечательная работа «Кавказ в древних памятниках христианства», в которой делается ценный обзор памятников христианства на Кавказе, в том числе и Абхазии¹⁷.

Одним из любителей археологии Абхазии был В. И. Чернявский — по профессии натуралист-зоолог. Он приехал в Сухуми на постоянное местожительство в 1870 г. с целью изучения Черноморской береговой фауны. Прожив здесь более 40 лет, он много времени посвятил выявлению и изучению местных памятников, печатал заметки в «Известиях Императорского Российского Гесграфического Общества», в газете «Черноморский вестник»¹⁸. В. Чернявский считал, что Великая Абхазская стена заходит в море у устья реки Келасури и доходит до Сухумской крепости. Кроме того, впервые им были исследованы подводные стены на дне Сухумской бухты против устья р. Беслетки.

Следует отметить и заслуги другого любителя абхазской археологии А. Н. Введенского. Он взялся составить археологическую карту Абхазии, произвести подробное описание развалин в Келасури, собрать местные предания о башнях-крепостях и других древних сооружениях.

А. Н. Введенский сделал замечания на записку С. В. Чернявского о памятниках Западного Закавказья.

Так А. Н. Введенский считал, что остатки фундаментов, лежащие на водоразделе рек Келасури и Беслетки, по всей вероятности, «служили основанием древних заводских построек», так как, по преданию абхазцев, в этом месте добывали свинец.

В 12 км от реки Бзыби им зафиксированы также остатки храма Хаджала-бей (по своему плану напоминающего Пицундский). В народе ходили слухи, что в нем находятся какие-то свертки. А. Н. Введенский подозревал: не спрятаны ли в этом храме «пергаменты» — старинные письменные памятники — из библиотеки пицундского патриарха¹⁹.

Эти сообщения, безусловно, заслуживают интереса и внимания.

80-е годы XIX в. характеризуются заметным оживлением в археологическом изучении Кавказа, в том числе и Абхазии, вызванным работами V Археологического съезда. В Закавказье к этому времени уже деятельно работало организованное в Тифлисе Кавказское общество любителей археологии, которое было тесно связано с Московским археологическим обществом.

Первые серьезные начинания в области археологического изучения Абхазии в дореволюционный период тесно связаны с именем В. И. Сизова. Еще в 1886 г. он принял на себя поручение Московского археологического общества заняться исследованиями восточного побережья Черного моря. Сизов произвел раскопки на территории Сухуми, давшие конкретный материал, указывающий на то, что город находится на месте обширного древнего поселения, существовавшего до нашей эры²⁰.

¹⁷ Д. З. Бакрадзе. Кавказ в древних памятниках христианства. Записки Общества любителей Кавказской археологии, кн. 1-я, Тифлис, 1875, стр. 19—176.

¹⁸ В. И. Чернявский. Записка о памятниках Зап. Закавказья. V-й археологический съезд в Тифлисе. Труды подготовительного комитета, стр. 14 и след.; его же. Из исследований в Ю.-З. Закавказье. Изв. И. Р. Географ. Об-ва, т. III.

¹⁹ Замечания А. Н. Введенского на записку В. И. Чернявского. V археологический съезд в Тифлисе. Труды подготовительного комитета, стр. 126.

²⁰ В. И. Сизов. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. МАК, вып. II, М., 1884.

При изучении Сухумской крепости он установил, что нижние части ее относятся к римскому времени. Верхнюю часть стены, свалившуюся в сторону моря, он отнес к развитому средневековью (XI—XII вв.). Сизов кратко охарактеризовал черепки поливной посуды и указал на их местное происхождение.

По заданию Московского археологического общества в 1888 году памятники Абхазии посетил архитектор А. М. Павлинов. Он побывал в Пицунде, Мокве, Бедия, Илори, в Кутаиси и составил краткие описания находящихся там церковных сооружений. Как указывает Павлинов, эти сооружения представляют смесь, сочетание центрально-купольной системы с базиличной, в которых эффект сосредотачивается у алтаря и над ним. Однако нам кажется ошибочным следующий вывод Павлинова: «Церкви эти..., хотя и принадлежат Кавказу, но, вероятно, построены греками»²¹. Не умаляя роли Византии, нельзя также не учитывать ту местную традицию в архитектуре, которая уже прочно установилась к X—XII вв. в постройках большинства церквей на территории Абхазии.

В предреволюционные годы полезной была и деятельность «Общества любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа». Им был организован музей, где имелся и археологический отдел. Кроме того, в дореволюционные годы работала Сухумская церковно-археологическая комиссия, в круг интересов которой входили христианские памятники Абхазии. Комиссия издала брошюру О. Ермолаевой о Бедийском храме²².

Таким образом, до революции, несмотря на неблагоприятные условия, отдельными путешественниками, любителями и историками проведена полезная работа по изучению исторических памятников средневековой Абхазии. Но по сравнению с многообразием и богатством памятников средневековья эти работы были отрывочны, эпизодичны. Ни один из перечисленных исследователей никаких больших археологических и историографических задач перед собой не ставил. Основной упор делался на христианские памятники, а бытовые памятники (жилища, различные хозяйственные строения и др.) не изучались.

В дореволюционное время не было возможностей для планомерного историко-археологического изучения средневековых памятников Абхазии. На это мероприятие тогда не отпускались средства и все зависело от инициативы отдельных обществ и любителей старины.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России в 1917 г. и после установления Советской власти в Абхазии в 1921 г. появились благоприятные условия для историко-археологического изучения края.

В 20-х годах были сделаны первые шаги в области изучения абхазской археологии, предпринятые М. М. Иващенко и В. И. Стражевым²³, а работы К. Кудрявцева²⁴, С. М. Ашхацава²⁵ и Д. И. Гулиа²⁶ дали первые наброски истории Абхазии.

Общее оживление краеведческой работы было связано с созданием

²¹ А. М. Павлинов. Экспедиция на Кавказ 1888 года, МАК, вып. III, М., 1893, стр. 74.

²² О. Ермолаева. О Бедийском храме. Сухум, 1913.

²³ В. И. Стражев. Руинная Абхазия. Известия Абхазского научного общества. Вып. I, Сухум, 1925, стр. 131—169.

²⁴ К. Кудрявцев. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922.

²⁵ С. М. Ашхацава. Пути развития абхазской истории. Сухум, 1925.

²⁶ Д. И. Гулиа. История Абхазии, т. I, Тифлис, 1925.

в 1922 г. Абхазского научного общества. В конце апреля этого же года начал функционировать музей Общества, который пополнился к этому времени ценными археологическими экспонатами.

В 1925 г. Абхазское научное общество поручило проф. А. С. Башкирову произвести археологическое обследование северной части побережья Абхазии. Ученым были обследованы Сухуми и его окрестности, Пицундский мыс, Лыхны, район реки Псырцха.

Интересные результаты были получены А. С. Башкировым при обследовании Сухумской (турецкой) крепости, расположенной на берегу моря близ порта. Расчистка берега, подмываемого морем, выявила здесь три культурных наслоения:

а) слой турецкого времени (XVI—XVIII вв.), состоящий из обломков местных керамических изделий: плоских черепиц, водопроводных труб, кувшинов и пр.;

б) слой XI—XIII вв., состоящий из поливной посуды, разнообразной окраски и орнамента;

в) слой римского времени — II—IV вв. с хорошо изготовленной краснолаковой посудой.

Увязывая эти слои с древними кладками, Башкиров дает найденным развалинам следующее объяснение:

«Анализируя фрагмент древней стены, мы видим в конструкции ее кладки явные признаки византийской архитектурной традиции. По аналогии с другими памятниками эти традиции весьма близки к X—XI вв., следовательно к этой эпохе можно отнести открытые монументальные фрагменты стен. Но эпоха X—XII вв. использовала материал более древнего времени, принадлежащий к архитектурным сооружениям, пришедшим, очевидно, к этому времени в руинное состояние и построенным в эпоху позднеимперскую II—IV вв. н. э. Таким образом, изучая комплексы руин юго-западной башни старинного укрепления, мы видим здесь остатки трех культур: турецкой, византийской и римской»²⁷.

Как справедливо отмечает археолог Л. Н. Соловьев, собственно говоря, Башкиров видел здесь кладку стен только двух эпох: стены турецкого времени, лежащей уже в море, и стен, обнаженных в результате морского прибоя, которые Башкиров ошибочно посчитал относящимися к византийскому времени²⁸, на деле они принадлежат римскому Севастополю.

На Иверской горе (Новый Афон) внимание Башкирова привлекли развалины крепости, которые он приписал Анакопии. Храм же на вершине горы он относит к VIII—IX вв.

Кроме того, А. С. Башкиров сделал описание Пицундского и Лыхненского храмов, датируя их XI—XII вв. В Лыхны его также привлекли руины дворца владетельных князей Шервашидзе-Чачба, на которые до этого обращалось очень мало внимания. А между тем его архитектурная структура, если уже молчат письменные источники, дает нам весьма интересные детали о том, что он имеет свою историю. «Дворец разрушен по приказанию русских властей после восстания в Лыхнах в 1886 г.»²⁹ и с этого момента не был заселен. Башкиров подробно

²⁷ А. С. Башкиров. Археологические изыскания летом 1925 года. Известия АбНО, вып. IV, Сухум, 1926.

²⁸ Л. Н. Соловьев. Диоскурия-Севастопольс-Цхум. Труды Абгосмузея, вып. I. Сухуми, 1947, стр. 139.

описал руины этого своеобразного бытового памятника, когда-то обширного и, по меньшей мере, двухэтажного богатого дворца.

Кроме того, Башкиров в Пицунде исследовал еще ряд бытовых памятников: Пицундский акведук, являющийся монументальным сооружением, и следы городища. «На поверхности огороженного пространства, — пишет Башкиров, — нет никаких фрагментов древних построек, но холмистая и беспокойная почва говорит опытному глазу археолога о том, что в ней скрываются архитектурные фрагменты и иные следы большой культурной жизни... При земляных садовых работах в почве были сплошь находимы архитектурные фрагменты и черепки..., были открыты остатки храма с мозаичными полами»³⁰.

Следует сказать, что Башкирову принадлежит большая заслуга в деле развертывания археологических изысканий в Абхазии.

Значителен вклад в археологическое изучение Абхазии М. М. Иващенко, обследовавшего и некоторые средневековые памятники (Келасурская стена и развалины крепости в сел. Псху).

Великую Абхазскую стену он рассматривает как своеобразный и интересный памятник, вокруг которого возникает много споров. Ссылаясь на неопределенность данных, Иващенко скептически относится к существованию сплошной стены³¹, хотя еще Дюбуа, Уварова, Чернявский и др. настойчиво указывали на существование сплошной стены.

Как и многих других исследователей М. М. Иващенко волнует вопрос, кем и когда была построена стена. Он считает, что ее воздвигли византийцы при Юстиниане (VI в.). Она предназначалась для защиты Абхазии от набегов соседних горских племен. Но вряд ли византийское правительство осуществляло возведение такого грандиозного сооружения для защиты Абхазии; вероятнее, что оно преследовало свои далеко идущие цели. Прежде всего, нужно было защищать свои владения от вторжения «варварских племен» со стороны Северного Кавказа.

Следует подчеркнуть, что если даже это грандиозное фортификационное сооружение и возводилось по инициативе и под руководством Византии, то создавалось оно местным населением, из местных строительных материалов и с учетом местного опыта возведения оборонительных сооружений в горных условиях. «В силу этого обстоятельства, такой выдающийся памятник материальной культуры, как Великая Абхазская стена, должен быть признан творением местных народностей, в первую очередь, абхазов и грузин»³².

В статье М. М. Иващенко «О направлении Келасурской стены» оставался неясным вопрос о том, где именно ее конец³³.

Большого внимания заслуживает работа, проведенная Л. Н. Соловьевым по изучению оборонительных сооружений средневековой Абхазии. Автор касается таких важных памятников, как: Гагрская, Анакопийская крепости и Келасурская стена³⁴.

По выявлению и описанию исторических памятников значительную

²⁹ В. И. Стражев. Руинная Абхазия, стр. 13.

³⁰ А. С. Башкиров. Указ. соч., стр. 36—37.

³¹ М. М. Иващенко. Великая Абхазская стена. Изв. АБНО, вып. IV, Сухум, 1926.

³² З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, стр. 54.

³³ М. М. Иващенко. О направлении Келасурской стены. Изв. АБНО, вып. IV. Сухуми, 1926.

³⁴ Л. Н. Соловьев. Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Западной Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена) (рукопись).

работу провели местные краеведы и работники Абгосмузея. Одним из неутомимых краеведов был И. Адзинба, умерший в 1942 г.

В 1958 г. опубликована его книга «Архитектурные памятники Абхазии»³⁵, которая знакомит читателя со многими ранее неизвестными в литературе памятниками. Интересна по своему содержанию глава «Десять дней по Великой Абхазской стене». Он провел большую работу по регистрации остатков стены и по установлению ее общего направления. Адзинба считает, что она опирается двумя концами на побережье Черного моря. Однако, это спорный вопрос, который разрешат, по-видимому, дальнейшие исследования. Автор стремится выяснить связь стены с перевальными путями через Главный Кавказский хребет. Относительно датировки стены он соглашается с Иващенко.

В начале 30-х годов в Абхазии был создан более прочный фундамент для организации археологических исследований. В это время был основан Абхазский научно-исследовательский институт (АбНИИ), в дальнейшем переименованный в Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР. С деятельностью этого института связаны сдвиги в области археологических изысканий в Абхазии. Однако средневековые памятники долго оставались вне поля зрения археологов.

В марте 1952 г. Абхазским институтом языка, литературы и истории АН Грузинской ССР был исследован небольшой участок, прилегавший к развалинам южной стены Сухумской крепости. Здесь было выявлено четыре культурных слоя, два из которых относятся к средневековому времени. Первый слой, характеризующийся в основном обломками керамических вещей, датируется XVI—XVIII вв. Второй можно отнести к XI—XIII вв., о чем свидетельствуют обломки стеклянных браслетов, черепки, покрытые глазурью различной окраски, фрагменты простой посуды из красной и серовато-черной глины³⁶.

Сухумская крепость подвергалась раскопкам и в последующие годы. В 1958 г. археологами Л. Н. Соловьевым и Л. А. Шервашидзе была начата работа по исследованию древних оборонительных стен в южной части крепости, которую они завершили в 1959 г. Снаружи у северного угла башни № 1 ими было найдено большое количество кубиков от стеной мозаики; некоторые из них были вмазаны в небольшие куски штукатурки. «Найденные остатки стеной мозаики по своему виду близки Цромской мозаике VII в. По-видимому, вблизи башни № 1 находилось помещение, украшенное мозаикой. Возможно это был храм, так как рядом археологи вскрыли несколько христианских погребений»³⁷.

В 1954 г., в связи с подготовкой «Очерков по истории Абхазии». Абхазский институт языка, литературы и истории поручил археологу М. М. Трапш произвести раскопки в Замке Баграта, который своей загадочностью давно привлекал многих исследователей.

В том же 1954 г. проводились рекогносцировочные работы в крепостном дворе Замка Баграта, в результате которых были обнаружены большие глиняные кувшины, обломки поливной керамики, фрагменты грубой кухонной посуды, железные наконечники стрел и др. В 1955

³⁵ И. Е. Адзинба. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.

³⁶ М. М. Трапш. Некоторые итоги археологических исследований в Сухуми, 1951—1953. «Сов. археология», XIII.

³⁷ Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Исследование древнего Себастополиса, СА, 3, 1960.

году экспедиция института вскрыла весь крепостной двор замка, а в июле 1955 г. было закончено исследование наружной стороны крепостной стены.

К средневековому периоду, наряду с перечисленными выше находками, относятся также обнаруженные в крепостном дворе Замка Баграта три погребя с большими глиняными кувшинами, предназначенными для хранения продовольственных запасов, главным образом вина и воды. Время сооружения замка датируется началом X в., т. е. периодом существования Абхазского царства³⁸. Это место, очевидно, не раз было ареной жарких схваток с захватчиками, о чем свидетельствует пролом в стене замка и значительное количество разновременных наконечников стрел, обнаруженных с наружной стороны крепости. Некоторые из них согнуты, видимо, во время удара.

Замок Баграта, по-видимому, был крепостью-убежищем для местного привилегированного общества. Результаты раскопок дают основание считать, что у средневековых жителей нынешнего Сухуми были хорошо развиты гончарное, ткацкое ремесла, военное дело и скотоводство. Материал раскопок очень ценен. Однако замок Баграта требует еще дальнейшего изучения, в частности, анализа кладок стен.

В 1957—58 гг. комплексной археологической экспедицией³⁹ были проведены раскопки в районе Нового Афона. Было установлено, что в этом районе в средние века существовали город и крепость Анакопия, остатки которой сохранились на Иверской горе. Крепость состоит из двух основных линий обороны. Первая линия укреплений — цитадель с двумя башнями располагается на вершине горы, вторая находится ниже цитадели и состоит из двух крепостных стен: южной и западной.

Все это свидетельствует о хорошей продуманности в постройке крепостных сооружений.

Археологическими раскопками, произведенными в башнях южной стены второй линии обороны, установлены три основных разновременных культурных слоя. Первый слой может быть отнесен к X—XII вв. Второй же к VIII—IX вв. Третий слой в целом является основным строительным слоем башен и стен второй линии обороны. Он относится к VII в. Таким образом, на основании археологических исследований этих трех слоев, можно отнести постройку второй линии обороны к VII в.⁴⁰

Внутри крепости была также изучена небольшая церковь XI в. зального типа с выступающей полукруглой абсидой⁴¹.

Большое внимание привлекают найденные монеты, свидетельствующие о тесных связях местного населения с другими странами.

Одним из интереснейших древних городов Абхазии является Пичунда. Археологические раскопки там начали проводиться в 1952 г.

³⁸ М. М. Трапш. Замок Баграта, газ. «Советская Абхазия», 1955.

³⁹ Состав Анакопийской археологической экспедиции: старшие научные сотрудники Ш. Д. Инал-ипа, Л. Н. Соловьев (зам. начальника экспедиции), М. М. Трапш (начальник экспедиции), Л. А. Шервашидзе, О. Д. Лордкипанидзе (научн. сотрудник Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Груз. ССР), В. А. Левкинадзе (науч. сотрудник Госмузея Грузии им. С. Н. Джанашия), В. П. Пачулиа (начальник отдела охраны памятников Министерства культуры Абхазской АССР), В. В. Бжания (научн. сотр. Госмузея Абхазии). В качестве лаборантов в экспедиции принимали участие В. С. Орелкин и Е. Х. Скорнякова.

⁴⁰ М. М. Трапш. Археологические раскопки в Анакопии в 1957—58 гг., «Византийский временник», т. XIX. М., 1961.

⁴¹ Л. А. Шервашидзе. Архитектура и декор церкви на южном склоне Иверской горы в Анакопийской крепости (рукопись).

Институтом истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР (вначале совместно с Абхазским институтом). Эти раскопки продолжаются и в настоящее время. Однако средневековый слой там выражен слабо.

Особенно ценным открытием археологов следует считать пицундскую мозаику и древнейший храм на территории акрополя. Абсида храма многогранна и отличается разновременными наслоениями, что дает возможность археологам считать храм памятником эпохи распространения христианства в Абхазии, т. е. пятого-шестого веков⁴².

Во время археологических раскопок на территории Пицунды 1955 г. была найдена вислая печать Абхазского владетеля VIII века, на которой имеется надпись «Константинос Абасгиос», т. е. «Константин Абхазский»⁴³.

В 1957 г. вышла в свет работа Р. О. Шмерлинг, посвященная датировке росписи замечательного Бедийского храма, который был воздвигнут на рубеже X—XI вв. царем Баграта III. Как указывает Р. О. Шмерлинг «вместо имеющих большое научное значение обозначений должностей и имен, сопровождавших в свое время изображения, фрагментированная и размытая живопись сохранила лишь обрывки отдельных букв, смысловая связь между которыми в основном утрачена»⁴⁴.

С Бедийским храмом связана чаша золотого потира с ктиторской надписью Баграта, царя Абхазии, и его матери царицы Гурандухт, которые пожертвовали чашу построенной церкви. До начала 30-х годов чаша хранилась в церкви Илори; после была передана в краеведческий музей в Сухуми. Сейчас находится в музее в Тбилиси⁴⁵.

В русском переводе надпись гласит: «Христе! Святая Богородица, будь заступницей перед сыном твоим Баграта абхазскому царю и матери его царице Гурандухте, пожертвовавшим сию чашу, украсившим сей алтарь и поставившим сию святую церковь. Аминь!»⁴⁶.

В последние годы искусствоведом Л. А. Шервашидзе было раскрыто несколько неизвестных храмов⁴⁷ средней величины: около Сухуми

⁴² А. Зотов. Находки в Пицундском монастыре — древнем Питиунте. Известия Кавказского отделения Императорского Московского Археологического Общества, вып. IV. Тифлис, 1915; А. М. Апакидзе, И. Н. Цицишвили. Предварительные сообщения. См. Научная сессия отделения общественных наук Груз. АН, № 32. Тбилиси, 1952, стр. 41—42; И. Н. Цицишвили. Храм в Бичвинта. Научная сессия Института истории им. И. А. Джавахишвили, посвященная итогам полевых археологических исследований (1952). Тбилиси, 1953, стр. 33—34; А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 254, фото на стр. 243; Л. Н. Мацулевич. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте. Вестник древней истории, № 4, 1956; Т. С. Каухчишвили. Эпиграфические новости из Грузии. Вестник древней истории, № 4, 1958, стр. 133; Л. А. Шервашидзе. Пицундский мозаичный пол. Тезисы докладов, VII Всесоюзная конференция византистов. Тбилиси, 1965, стр. 96—98.

⁴³ В. А. Левкинадзе. Вислая печать Константина Абхазского. Сообщения АН Гр. ССР, т. XVI, № 5, стр. 404.

⁴⁴ Р. О. Шмерлинг. К вопросу датировки росписи храма Бедиа. Сообщения АН Груз. ССР, т. XVIII, № 4, стр. 504.

⁴⁵ Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1957, стр. 15 (см. Аннотации).

⁴⁶ Г. Н. Чубинашвили. Бедийская золотая чаша. Вестник музея Грузии, т. X, 1940, стр. 1—16.

⁴⁷ Л. А. Шервашидзе. Церковь в сел. Акапа (Одиши) около Сухуми. Труды Абхазского института, XXX. Сухуми, 1959; его же. Цкелкари (памятник 14 в.); его же. Роспись церкви комплекса Пшаури...; его же. Исследование средневекового храма «Ауахвамахва» в с. Октомбери Абхазской АССР. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. Баку, 1965.

в сел. Бедия и сел. Речхо-Цхири (оба в Гальском районе) и в Октом-
бери (Сухумский район). Эти памятники относятся к XIV—XV вв. —
эпохе, слабо освещенной в отношении средневекового строительства.

Одному из важных христианских памятников Восточной Абхазии —
Илорскому храму посвящена монография А. К. Кацья⁴⁸.

В плане изучения средневековых архитектурных памятников Аб-
хазии интересна на наш взгляд и работа, проведенная В. А. Кузнецо-
вым по исследованию северного Зеленчукского храма. Хотя он непо-
средственно занимается памятниками аланской культуры на Сев. Кав-
казе, однако исследователь касается и некоторых средневековых па-
мятников Абхазии. Тесно связанный с группой абхазских храмов X в.
(Лыхны, Пицунда) и имеющий с ними одинаковые истоки, северный
Зеленчукский храм указывает на интенсивные политические и культур-
ные сношения Абхазии с западной частью Алании⁴⁹.

Археологические раскопки, проведенные за последние десять лет,
дали богатый материал, свидетельствующий о высокой культуре Аб-
хазии.

Деятельность Абхазского института языка, литературы и истории
по исследованию памятников средневековья в Абхазии тесно связана
с работой Абхазского совета Грузинского общества охраны памятни-
ков культуры и Абхазского госмузея краеведения. Популяризации ар-
хитектурных памятников культуры Абхазской АССР большое внима-
ние уделяет В. П. Пачулия⁵⁰, который выявил ряд интересных объек-
тов старины. Особо следует отметить замечательный Герзеульский ар-
хитектурный комплекс (развалины крепости, дворца, оборонительных
стен, башен, водопровода и т. д.), который доселе был неизвестен в
научной литературе.

Летом 1964 года археолог Л. Н. Соловьев и искусствовед-археолог
Л. А. Шервашидзе поставили перед собой задачу: пройти по линии
Великой Абхазской стены в тех местах, где она уходит вглубь гор и
еще никем не описана, и приступили к ее разрешению. Ими была обна-
ружена линия укреплений вместе с башнями, входящая в общий ком-
плекс всей Великой Абхазской стены по Панавскому хребту. Они вы-
сказали предположение, что Великая Абхазская стена нераздельно
связана с Великой Абхазской дорогой, которая кратчайшим путем сое-
диняла Сухуми с берегом реки Ингур, т. е. с восточной границей Аб-
хазии.

Можно надеяться, что в скором времени будут получены еще бо-
лее интересные результаты.

В исторических исследованиях средневековой Абхазии до сих пор
очень слабо привлекался археологический материал. Его скудность
явно ощущается в упомянутых выше трудах Ашхацава, Д. Гулиа и
К. Кудрявцева, в Кратком очерке истории Абхазии А. В. Фадеева⁵¹.
Археологический материал используется в капитальных исследованиях
Ш. Д. Инал-ипа⁵² и З. В. Анчабадзе⁵³, посвященных подробному и

⁴⁸ А. К. Кацья. Илори — памятник XI века. Сухуми, 1963.

⁴⁹ В. А. Кузнецов. Северный Зеленчукский храм X века. Журн. «Советская архео-
логия», № 4, 1964.

⁵⁰ В. П. Пачулия. По историческим местам Абхазии. Сухуми, 1960; его же. В краю
золотого руна. М., 1964.

⁵¹ А. В. Фадеев. Краткий очерк истории Абхазии, ч. I, Сухуми, 1934.

⁵² Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1960.

⁵³ З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959.

систематическому изложению истории и этнографии Абхазии, а также в соответствующих главах коллективного труда по истории Абхазии⁵⁴.

Как видно из вышеизложенного, в истории изучения средневековых памятников Абхазии намечается ряд этапов:

первый этап (XVII — 80-е г. XIX в.) характеризуется постепенным ростом интереса к средневековым памятникам Абхазии, сбором информации о них и регистрацией этих памятников при чисто визуальном описании;

второй этап (80-е годы XIX в. — 1921 г.) приводит к некоторому оживлению археологического изучения Абхазии, накоплению археологического материала, вызванному как работами подготовительного комитета к V археологическому съезду, так и дальнейшими научными изысканиями ученых после самого съезда.

Скромный, но полезный труд путешественников, миссионеров привлёк внимание ученых, заинтересовал их и дал стимул к дальнейшим исследованиям;

третий этап (1921 — 30-е годы), начавшийся после установления Советской власти в Абхазии, тесно связан с работой Абхазского научного общества. Наблюдается значительное повышение интереса к средневековым памятникам Абхазии, дальнейшее накопление археологического материала;

четвертый этап (начиная с 30-х гг. XX в. по настоящее время), неразрывно связанный с деятельностью Абхазского научно-исследовательского института истории, языка и литературы им. Д. И. Гулиа, характеризуется планомерной, целенаправленной работой в археологическом изучении Абхазии, появлением своих местных национальных кадров. Произошли существенные изменения и в самой методике полевых исследований. Вместо шурфов, небольших квадратных колодцев, узких траншей стали применяться раскопки широкой площадью.

Абхазские памятники средневековья еще недостаточно исследованы. Всестороннее изучение таких важных памятников средневековой Абхазии, как Великая Абхазская стена, Анакопия, Замок Баграта, Сухумская крепость и др., дает нам возможность поставить много нужных проблем и решить много спорных вопросов.

Весьма интересно воссоздать картину защиты средневекового города, выявить уровень фортификационного искусства Абхазии, более точно датировать некоторые укрепления.

Картина средневекового города будет неполной, если пройти мимо хозяйственной его жизни, развития различных ремесел, как-то: гончарного, кузнечного дела, ткачества. На примере же глазурованной керамики необходимо показать художественное мастерство народа. По материалу, способу приготовления, орнаменту и т. д. целесообразно проследить тесные связи, которые существовали в то время между Абхазией и др. средневековыми государствами. Не менее интересным является вопрос о вооружении средневекового воина-абхаза.

Обязательно нужно остановиться и на христианских памятниках архитектуры средневековой Абхазии, где наряду с влиянием Византии, можно выявить свою кровную национальную школу.

Всю эту сложную картину невозможно воссоздать без привлечения археологического материала.

⁵⁴ Очерки истории Абхазской АССР, ч. I. Сухуми, 1960.

Список сокращений

- АБНИИ — Абхазский научно-исследовательский институт.
АН ГССР — Академия наук Грузинской ССР.
АН СССР — Академия наук СССР.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ИАК — Известия археологической комиссии.
ИАБНО — Известия Абхазского научного общества.
ИИРГО — Известия Императорского Русского Географического общества.
ИИЯИМК — Известия института языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала Академии наук СССР.
КСИА — Краткие сообщения института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
СА — Советская археология.
ТАИЯЛИ — Труды Абхазского института языка, литературы и истории.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Л. Н. Соловьев. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрик . . .	3
Л. А. Шервашидзе. Цкелкари (Ацкар) . . .	39
А. К. Кация. Памятники архитектуры в долине Цкуара . . .	65
Г. К. Шамба. Фибулы из некрополя Ахаччархва . . .	91
В. В. Бжания. История археологического изучения памятников энеолита и ранней бронзы в Абхазии . . .	99
О. Х. Бгажба. История изучения средневековых памятников Абхазии	115

აფსნითი არხეოლოგიათ მატერიალუა აზნაშეთის არქეოლოგიის მასალები

Напечатано по постановлению Редакционно-Издательского Совета
Академии наук Грузинской ССР

Редактор издательства: *М. Г. Мачабели*

Техредактор: *Э. Б. Бокерия*

Корректоры: *И. Гегечкори, А. Амбардзян*

УЭ01307. Сдано в произв. 25.X.1966 г. Подп. к печ. 22.VI.1967 г.
Печ. лист. 11,38. Уч.-издат. л. 9,67. Типогр. бум. № 1 форм. 70x108²/₁₆.
Заказ № 3936. Тираж 1000. Цена 80 к.

Издательство „Мецниереба“, Тбилиси, 60, ул. Кутузова, 15.

Сухумская типография № 7 им. Ленина Главполиграфпрома
Госкомитета Совета Министров Груз. ССР по печати,
г. Сухуми, ул. Ленина, 6.

Цена 80 к.